

КОПИРОВАНИЕ ЗАПРЕЩЕНО

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

4
1979

<i>Мороз В. К.</i> К 35-летию образования Народной Польши	3
<i>Лойко Л. В.</i> Из истории трудового соревнования в ПНР	9
<i>Игнатъева Т. В.</i> Эволюция мелкобуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии	16
<i>Решетников Л. П.</i> Участие болгарских политэмигрантов в культурном строительстве в СССР в 20-х — 30-х годах	32
<i>Прокофьева Д. С.</i> Из истории польского поэтического перевода	45
<i>Дарчевска Иоланта</i> (ПНР). Старинные славянские азбуки и буквари	56

Из истории славистики

<i>Цайль Вильгельм</i> (ГДР). Славяноведение в Германии (с конца XVII в. до 1945 г.)	67
--	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Павловский С. В.</i> О попытке Г. С. Раковского создать политическую газету в Одессе (1858—1859)	86
<i>Ищенко Д. С.</i> Поучения Феодора Студита в рукописи Рыльского монастыря	96

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Валев Л. Б.</i> Йордан Венков. Революционната ситуация в България през Втората световна война	99
<i>Матвеев Г. В.</i> И. В. Михутина. Советско-польские отношения. 1931—1935	101
<i>Чернявский Г. И.</i> Книга о крестьянском движении в Болгарии в 80-х годах XIX — начале XX в.	103

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Мильников А. С. J. Novotný. Slovanská lípa 1848—1849. K dějinám prvního českého politického spolku.</i>	105
<i>Семенова Л. Е. Записки янычара</i>	106
<i>Липатов А. В. Z. Stefanowska. Próba zdrowego rozumu. Studia o Mickiewiczu</i>	108
<i>И. К. K. Górski. Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich</i>	111
<i>Калиганов И. Д. Богдановић. Житије Георгија Кратовца</i>	112
<i>Бегунов Ю. К. «Шестоднев» Иоанна Экзарха (К вопросу о задачах изучения болгарского памятника X в.)</i>	114
<i>Пуцко В. Г. Српска графика XVIII века</i>	117
<i>Смирнов Л. Н. R. Krajevci. Svedectvo dejin o slovenčine</i>	119
<i>Бернштейн С. Б. «Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—XV</i>	121
<i>Мельничук А. С., Пещак М. М. «Словник староукраїнської мови XIV—XV столетия», т. I</i>	122
<i>Венедиктов Г. В. Новый болгарский лингвистический журнал</i>	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. Н. Сопещение по вопросам координации исследований в области истории Турции и турецко-славянских отношений</i>	127
---	-----

Редакционная коллегия:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШИМЕРАЛЬ

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубликовский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. А. Кошкина*

В. К. МОРОЗ

К 35-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Коренной поворот в судьбах польского народа произошел в период, когда Советский Союз в годы Великой Отечественной войны в союзе с демократическими силами всего мира нанес решающее поражение злейшему врагу человечества — германскому фашизму — и освободил народы Центральной и Юго-Восточной Европы от немецких оккупантов.

21 июля 1944 г. Крайова Рада Народова образовала первое правительство трудящихся Польши — Польский комитет национального освобождения (ПКНО).

С первых дней освобождения страны от немецко-фашистской оккупации рабочий класс приступил к восстановлению фабрик, заводов, шахт, предприятий транспорта и связи. 6 сентября 1944 г. ПКНО принял закон об аграрной реформе, в ходе осуществления которой крестьянам было передано более 6 млн га земли¹. Земельная реформа ликвидировала помещичье землевладение и существенным образом изменила облик деревни.

Важное значение для укрепления польского государства имел подписанный 21 апреля 1945 г. в Москве советско-польский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. «Не в дипломатических кабинетах, — говорил Л. И. Брежнев, — а на полях великой освободительной битвы родился Договор, которому суждено было стать поворотным пунктом в отношениях между Советским Союзом и Польшей»². Договор стал надежной гарантией суверенитета Народной Польши. Он предусматривал широкое экономическое и культурное сотрудничество между двумя странами. Это сотрудничество было развито и расширено торговым договором и соглашением о взаимных поставках товаров между Польшей и СССР, подписанными 7 июля 1945 г., и договором о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г. Благодаря усилиям Советского Союза и Народной Польши впервые в истории была окончательно и справедливо решена проблема польских государственных границ.

Народно-демократической власти пришлось преодолевать большие трудности в восстановлении народного хозяйства. Польша потеряла в ходе второй мировой войны и немецко-фашистской оккупации более 6 млн. граждан, или 22% населения. 38% национального богатства было разграблено или уничтожено оккупантами, ²/₃ промышленных предприятий были полностью или частично разрушены, в тяжелом состоянии находи-

¹ «Польская Народная Республика». М., 1974, с. 14.

² Л. И. Брежнев. Ленинском курсе, т. 1. М., 1973, с. 101.

лись транспорт и сельское хозяйство. Столица Польши и многие другие города были превращены в развалины³.

Необходимо было преодолеть яростное сопротивление реакционных сил, которые выступали против демократизации общественного строя, проведения социальных реформ, против внешней политики народно-демократической власти.

В начале 1946 г. был принят закон о национализации основных средств производства. 30 июня 1946 г. народ проголосовал за однопалатный Сейм, за конституционное закрепление происшедших социально-экономических преобразований в Польше и укрепление западной границы. Окончательную победу над реакцией демократические силы Польши одержали во время выборов в Законодательный сейм 19 января 1947 г. В ходе выборов блок демократических партий получил 80,1% голосов избирателей.

Выборы в Законодательный сейм завершили трудный период борьбы с силами реакции, открыли путь к дальнейшим преобразованиям общества. 19 февраля 1947 г. Сейм принял Малую конституцию и Декларацию о гражданских правах и свободах, в которых законодательно закрепились основы демократического польского государства.

Сейм утвердил трехлетний план восстановления народного хозяйства страны (1947—1949). В результате трудовой и политической активности трудящихся Польши этот план был выполнен досрочно за два с половиной года. В 1949 г. национальный доход Польши превысил уровень 1938 г. на 20%⁴. Промышленное производство увеличилось по сравнению с 1938 г. на 75%⁵. Валовая продукция сельского хозяйства в 1949 г. достигла 86% довоенного уровня⁶. Крупные сдвиги произошли в социально-классовой структуре польского общества. Рабочий класс стал ведущей и направляющей силой страны: он вырос количественно с 4,2 млн человек в 1946 г. до 5,3 млн в 1950 г., и изменился качественно.

Основной задачей коммунистов Польши в этот период стал вопрос объединения двух рабочих партий: Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС). В декабре 1948 г. в Варшаве состоялся объединительный съезд ППР и ППС, на котором была создана Польская объединенная рабочая партия (ПОРП).

В процессе проведения аграрных преобразований произошли серьезные сдвиги в деревне. В результате аграрной реформы значительно возрос удельный вес среднего крестьянства. Индустриализация страны способствовала ликвидации аграрного перенаселения. Развернувшаяся культурная революция в стране привела к ликвидации неграмотности и повышению культурного уровня сельского населения. Началось формирование новой, народной интеллигенции. Важным фактором проведения коренных революционных преобразований стал национально-демократический фронт, созданный в годы войны под руководством ППР, преобразованный в 1956 г. во Фронт единства народа. Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия признали руководящую роль ПОРП, и ныне вместе с ней образуют политическую основу Фронта единства народа.

Осуществление трехлетнего плана восстановления народного хозяйства означало, что рабочий класс Польши под руководством ПОРП, ведя за собой трудовое крестьянство, создал необходимые экономические и политические предпосылки для перехода к следующему этапу — социалисти-

³ «Польская Народная Республика», с. 9.

⁴ А. Н. Барковский. Экономика Польской Народной Республики. М., 1976, с. 25.

⁵ Там же.

⁶ К. S e c o m s k'i. Analiza wykonania planu trzyletniego. Warszawa, 1950, s. 45, 56.

ческой индустриализации страны, построению фундамента социалистической экономики.

В ходе реализации шестилетнего плана (1950—1955) была проведена социалистическая индустриализация страны, осуществлены крупные мероприятия по развитию сельскохозяйственного производства и социальные преобразования на селе. На базе этого был достигнут значительный рост выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции.

В общегосударственном масштабе утвердились принципы социалистического планирования. Произошли существенные изменения в социальной структуре общества, повысилась роль рабочего класса. Дальнейшее развитие получила социалистическая демократия. Конституция Польской Народной Республики, принятая в 1952 г., явилась важным событием в общественно-политической жизни страны — были законодательно закреплены основные демократические и социалистические завоевания польского народа. Коренные перемены произошли в сознании трудящихся, все глубже стала утверждаться социалистическая идеология.

Важное значение для развития ПНР имели ее экономические связи с СССР и другими социалистическими странами, сотрудничество в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, созданного в 1949 г.

II съезд ПОРП (март 1954 г.) проанализировал итоги экономического развития страны. На съезде были намечены меры по совершенствованию экономической политики и строгого соблюдения ленинских норм партийной жизни. Затем эти решения были конкретизированы и уточнены.

ПОРП укрепляла связь с массами, вела борьбу против враждебных элементов, стремившихся подорвать основы социалистического строя. V пленум ЦК ПОРП (8—9 февраля 1956 г.) подвел итоги социалистических преобразований в польской деревне за годы шестилетки (1950—1955). Пленум принял постановление «О развитии сельского хозяйства в 1956—1960 гг. и задачах партии в деревне». ПОРП взяла курс на постепенный переход к коллективным методам хозяйствования, приобщая крестьян к совместному использованию сельскохозяйственной техники, применению удобрений, повышению культуры сельскохозяйственного производства. Такой промежуточной формой к коллективным методам хозяйствования стали сельскохозяйственные кружки и другие формы кооперации в деревне.

В ходе строительства социализма польскому народу приходилось преодолевать немалые трудности. 19—21 октября 1956 г. состоялся VIII пленум ЦК ПОРП. В его постановлении «Об актуальных политических и экономических задачах партии» говорилось, что решающей задачей дальнейшего развития Польши по пути социализма является укрепление руководящей роли ПОРП и ее идейного единства на основе принципов марксизма-ленинизма. Пленум особо подчеркнул, что ПОРП «неразрывно связывает интересы Народной Польши с незыблемыми основами польско-советского союза, с интересами всего социалистического лагеря».

ПОРП опиралась на доверие и поддержку широких народных масс. 20 января 1957 г. состоялись выборы в Сейм, в которых приняло участие 94,1% избирателей. За кандидатов Фронта единства народа, возглавляемого ПОРП, было подано 98,4% голосов. Эта победа ПОРП на выборах нанесла поражение реакционным элементам, пытавшимся под лозунгом «демократизации» вести борьбу против основ социалистического строя, руководящей роли ПОРП, союза рабочих и крестьян.

Польская Народная Республика проводила активную внешнюю политику, направленную на обеспечение благоприятных условий для строительства социализма. 15 мая 1955 г. страны социалистического содружества подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

получивший название Варшавского договора. В этом договоре воплощены принципы интернационального сплочения стран социалистического содружества и объединения их военных усилий для защиты завоеваний социализма. Польская Народная Республика вносит весомый вклад в военное сотрудничество стран — членов Варшавского договора и консолидацию интернационального единства.

Важнейшим событием 1959 г. был III съезд ПОРП (10—19 марта). На съезде отмечалось, что ПОРП укрепила свои ряды и связи с рабочим классом и всем народом. Съезд принял решение о директивах развития ПНР в 1959—1965 гг., новый устав партии. К 1960 г. в Польше был сделан крупный шаг в деле создания материально-технической базы социализма. Валовая продукция промышленности увеличилась по сравнению с 1950 г. в 3,2 раза⁷.

Манифестацией крепнущей дружбы братских народов СССР и ПНР явилось подписание в Варшаве 8 апреля 1965 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой. Для подписания Договора в Варшаве по приглашению ЦК ПОРП и Совета Министров ПНР с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Пятилетие 1966—1970 гг. богато историческими событиями в ПНР. В 1966 г. состоялись завершающие торжества, посвященные 1000-летию польского государства. VIII пленум ЦК ПОРП (май 1967 г.) принял постановление о праздновании 50-летия Великого Октября как всенародного праздника и указал на необходимость активизации воспитательной работы в стране. Торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

ПОРП и правительство ПНР на всех этапах социалистического строительства уделяли большое внимание проведению внешней политики. Активная миролюбивая внешняя политика ПНР на международной арене увенчалась крупными успехами. В результате длительных переговоров 7 декабря 1970 г. в Варшаве был подписан договор между ПНР и ФРГ, аналогичный советско-западногерманскому от 12 августа 1970 г., который исходил из уважения территориальной целостности и суверенитета всех государств Европы. ФРГ и ПНР подтвердили нерушимость своих существующих границ, в том числе и границу по Одре и Нысе-Лужицкой и заявили, что не имеют каких-либо территориальных претензий и взаимно обязались проводить политику, направленную на полную нормализацию двусторонних отношений. Таким образом, многолетняя борьба польской дипломатии совместно с другими странами социалистического содружества завершилась международно-правовым признанием правительством ФРГ западной границы ПНР по Одре и Нысе-Лужицкой.

Быстрыми темпами развивалось промышленное производство ПНР. Были введены в строй новые мощности по электроэнергетике, шло строительство нефтеперерабатывающего завода в Плоцке. Вступили в строй новые цехи на металлургическом комбинате в Новой Гуте, построен второй в стране алюминиевый завод в Конине, вошел в строй цинково-свинцовый завод в Местечко-Сленске, введены в действие два рудника на крупнейшем в Европе месторождении меди в Нижней Силезии. Освоено серийное производство легковых автомобилей марки «Фиат». Начал давать продукцию один из крупнейших в Европе азотно-туковый комбинат в Пула-

⁷ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1972». Варшава, 1972, с. 92.

вах, построен комбинат цемента и извести «Новины» (близ Кельце) и крупнейший в стране целлюлозно-бумажный комбинат в Швеце.

Сельскохозяйственное производство развивалось неравномерно. В первые три года наблюдался сравнительно высокий рост производства валовой продукции, достигавший в среднем 3,9% в год. В последние два года пятилетки наступило снижение производства, вызванное в большой мере неблагоприятными климатическими условиями⁸.

На VI съезде ПОРП (декабрь 1971) был сделан глубокий анализ предшествующего этапа развития страны и определены главные направления строительства социалистического общества. Польский народ под руководством ПОРП добился больших успехов на всех участках социалистического строительства. Значительное развитие получили материально-техническая база, наука и культура, повысилось благосостояние польского народа, окрепло идейное единство народа и международный авторитет ПНР.

В процессе социалистического строительства произошли глубокие изменения в социальной структуре общества. Рабочий класс страны вырос к 1974 г. вдвое по сравнению с довоенным уровнем и достиг 7 млн человек. За последние годы «пополнились ряды и упрочились позиции рабочего класса, еще более высоким стал уровень его технических знаний, неуклонно возрастают его политическая роль и участие в общественной, хозяйственной и культурной жизни. Рабочий класс играет в обществе ведущую роль, наиболее полно воплощая в себе единство социалистической идеологии с общественным и научно-техническим прогрессом»⁹.

В 1975 г. в сельском хозяйстве Польши насчитывалось 4,2 млн индивидуальных хозяйств¹⁰. Повышается роль обобществленного сектора. Главным принципом политики ПОРП в сельском хозяйстве является сочетание социалистических преобразований на селе с быстрым ростом продукции. Все хозяйства на селе через систему контракций снабжения и сбыта включены в плановую социалистическую экономику ПНР¹¹.

Ускорение научно-технического прогресса способствовало развитию творческих сил интеллигенции, еще больше сплотило ее вокруг партии и правительства.

В декабре 1975 г. состоялся VII съезд ПОРП, который явился важной вехой в строительстве социализма в ПНР. В резолюции съезда «За дальнейшее динамичное развитие социалистического строительства — за более высокое качество труда, за улучшение жизни народа» определен курс ПОРП на построение развитого социалистического общества, на дальнейшее укрепление ведущей роли ПОРП в строительстве социализма. Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек на VII съезде подчеркнул: «Основные принципы проводимой нами политики тождественны направлениям развития коммунистического строительства, намеченным XXIV съездом КПСС. Они вытекают из принципов марксизма-ленинизма, из общих закономерностей социализма. Они соответствуют процессу социалистической экономической интеграции, стремлению к углублению идейного и политического единства стран социалистического содружества»¹².

Опираясь на принципы марксизма-ленинизма, ПНР расширяет и углубляет связи с социалистическими странами. Важное значение для развития советско-польского сотрудничества имели встречи Генерального

⁸ «VI съезд Польской объединенной рабочей партии. 6—11 декабря 1971 г. Основные документы и материалы». Варшава, 1972, с. 21.

⁹ «VII съезд Польской объединенной рабочей партии». М., 1976, с. 14.

¹⁰ «Rocznik Statystyczny. 1976». Warszawa, 1976, s. 55.

¹¹ «Проблемы мира и социализма», 1976, № 2, с. 9.

¹² «Trybuna Ludu», 9 XII 1975.

секретаря ЦК КПСС Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Герекком.

Внешнеполитическая деятельность ПНР направлена на укрепление мира и безопасности в Европе, углубление общеевропейского сотрудничества. Внешняя политика ПНР базируется на основе тесного единства действий с СССР и другими странами социализма, координации их внешнеполитических акций. Партийно-правительственные делегации ПНР выезжали в ЧССР, ВНР, ГДР, Кубу, СФРЮ. В свою очередь ПНР принимала партийно-правительственные делегации многих стран. Польша продолжает вносить весомый вклад в укрепление социалистического содружества. Всецело поддерживая Программу мира, выработанную XXIV и XXV съездами КПСС, правительство ПНР проводит последовательную политику согласованных действий со странами социалистического содружества, направленную на ослабление международной напряженности в интересах создания благоприятных условий для строительства социализма.

Строительство социализма в ПНР неразрывно связано со строительством коммунизма в СССР и развитием стран всего социалистического содружества в целом. Польская объединенная рабочая партия придает большое значение дальнейшему развитию политических связей, укреплению социалистической экономической интеграции, культурных отношений со странами социалистического содружества, совместной борьбе единым фронтом за мир и безопасность народов. Такие отношения, подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «товарищеская забота о том, чтобы успешно развивалась не только своя страна, но и дружественные социалистические государства,— это есть высшее выражение социалистического интернационализма»¹³.

¹³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2. М., 1973, с. 511.

Л. В. ЛОЙКО

ИЗ ИСТОРИИ ТРУДОВОГО СОРЕВНОВАНИЯ В ПНР

Активная производственная деятельность и творческая инициатива рабочего класса, проявившиеся в развитии социалистического соревнования, движении новаторов и рационализаторов и во многих других формах, были и остаются в настоящее время важным фактором успешного решения социально-экономических задач.

Первые формы трудового соревнования в Польше зародились еще в период становления народно-демократического строя. Творческая инициатива рабочего класса направлялась на быстрейшее восстановление разрушенной войной экономики, повышение материального уровня трудящихся, упрочение народной власти. Высокой производственной активностью встречал рабочий класс важнейшие политические события в стране. Так, в трудовой вахте в честь I съезда ПОРП (1948 г.), начатой по инициативе шахтеров Силезии, приняли участие сотни тысяч рабочих всех отраслей народного хозяйства¹.

Массовый характер социалистическое соревнование приняло в годы выполнения шестилетнего плана (1950—1955), которые вошли в историю ПНР как период форсированной индустриализации. План предусматривал невиданные ранее в Польше темпы промышленного развития: объем производства намечалось увеличить более чем в два с половиной раза². Путем ускоренной социалистической индустриализации ПОРП и правительство республики ставили задачу обеспечить быстрый подъем всех отраслей экономики и превратить Польшу из отсталой аграрно-промышленной в развитую индустриально-аграрную страну.

Необходимым условием успешного выполнения плановых заданий шестилетки было дальнейшее повышение трудовой активности и творческой инициативы рабочего класса. Мобилизуя трудящихся на борьбу за осуществление социалистической индустриализации, ПОРП широко использовала такие методы, как политическая пропаганда и агитация, распространение передового опыта польских и советских новаторов, материальное и моральное стимулирование труда. Росту производственной активности способствовало также повышение общеобразовательного и профессионально-технического уровня рабочих, улучшение условий их труда и быта.

Польский рабочий класс воспринял идею социалистической индустриализации как свою ближайшую и непосредственную задачу. Основ-

¹ Wl. Góral. Polska Rzeczpospolita Ludowa 1944—1974. Warszawa, 1976, s. 263.

² «Dziennik Ustaw Polskiej Rzeczypospolitej», 1950, № 37, p. 344.

ной формой трудовой активности уже в первые годы шестилетки стало массовое социалистическое соревнование. В 1952 г. в нем участвовали почти 70% всех работников государственного сектора³. Рабочие принимали личные и коллективные трудовые обязательства дать стране сверх плана тысячи тонн угля, металла, цемента, сократить сроки строительства производственных объектов, освоить новую технику и технологию.

Наряду с соревнованием ширилось движение рационализаторов и изобретателей. Творческая инициатива передовиков производства направлялась на улучшение организации и повышение производительности труда, обеспечение выполнения и перевыполнения плановых заданий и социалистических обязательств. Только в 1953 г. рабочие внесли около 210 тыс. рационализаторских предложений, давших большой экономический эффект⁴.

В последние два года шестилетки значительно расширилось внедрение передовых методов труда, усилилось движение за комплексную экономию, повышение качества и снижение себестоимости продукции. Одновременно ПОРП повела борьбу за преодоление элементов формализма и парадности в организации соревнования, за повышение уровня руководства им.

Все возрастающую роль играло участие рабочих в непосредственном управлении производством. II съезд ПОРП в новом уставе партии зафиксировал право первичных партийных организаций контролировать деятельность администрации предприятий⁵. Были существенно расширены права профсоюзов: в их ведение отошли вопросы технической инспекции труда, создание комиссий по трудовым спорам, заключение коллективных трудовых договоров. Особенно большое практическое значение имело проведение в 1954 и 1955 гг. кампаний по заключению трудовых договоров между фабзавкомами профсоюзов и администрацией предприятий. В 1954 г. в адрес комитетов, избранных для подготовки договоров, от рабочих и служащих поступило 68 тыс. предложений и поправок, направленных на совершенствование организации труда, повышение эффективности производства, улучшение социально-бытовых условий для трудящихся; 70% подобных предложений были включены в текст договоров или внедрены в производство⁶.

Трудовая и творческая активность польского рабочего класса в годы шестилетки сыграла важную роль в реализации намеченных ПОРП социально-экономических задач. Напряженные задания шестилетнего плана в области промышленного строительства были в основном выполнены. В стране в сжатые сроки был создан экономический фундамент для дальнейшего строительства социализма. ПОРП и общественные организации накопили значительный опыт по мобилизации трудящихся на решение народнохозяйственных задач.

У истоков трудовых свершений польского рабочего класса лежали многогранная организаторская и идейно-политическая работа ПОРП, а также опыт и вдохновляющий пример советского рабочего класса.

В годы первой пятилетки (1956—1960) трудовая активность польского рабочего класса характеризовалась рядом особенностей и качественно новых форм. Задачи, стоявшие перед рабочим классом в этот период в деле развития производства, несколько отличались от задач шестилетки. Если на первом этапе социалистической индустриализации главной целью было

³ «Nowe Drogi», 1952, № 5, s. 28.

⁴ «Przegląd Związkowy», 1955, № 9, s. 395.

⁵ II Zjazd PZPR. «Nowe Drogi», 1954, № 3, s. 520.

⁶ «Nowe Drogi», 1955, № 3, s. 28.

достижение определенных количественных показателей в важнейших отраслях производства, то теперь появилась необходимость более равномерного и гармоничного развития всех отраслей, а также достижения более высокой эффективности общественного производства.

Основной формой трудовой активности рабочих в первые годы пятилетки стало их участие в управлении производством. На VIII пленуме ЦК ПОРП в октябре 1956 г. была одобрена ⁷ практика создания специальных рабочих представительств на производстве. По предложению ЦК ПОРП был разработан и в ноябре 1956 г. утвержден Сеймом закон о рабочих советах ⁸, предоставивший им большие полномочия в области организации производства. К концу 1957 г. рабочие советы были избраны на 5619 крупных и средних предприятиях, в их состав вошли 81 220 человек ⁹. В деятельности рабочих советов имелись существенные недостатки: на одних предприятиях они концентрировали свое внимание только на социально-бытовых вопросах, на других — пытались подменить администрацию в решении производственных задач ¹⁰. В 1958 г. с целью дальнейшего совершенствования управления производством на предприятиях ПНР были созданы новые органы — постоянно действующие конференции рабочего самоуправления (КРС), в состав которых включались члены комитетов ПОРП, завкомов профсоюзов и рабочих советов. К работе в КРС привлекались представители молодежных организаций и технических обществ.

Деятельность органов рабочего самоуправления в годы первой пятилетки направлялась на поиски путей интенсификации производства, увеличения выпуска товаров широкого потребления, улучшения условий труда и быта рабочих.

В начале 1958 г. была проведена анкета среди работников пяти крупных предприятий Вроцлавского воеводства, в которую были включены вопросы, касающиеся трудовой активности ¹¹. Анкетой были охвачены около 600 рабочих и служащих, их ответы дали довольно интересный материал об отношении к труду, организации производства. Так, на вопрос «Как Вы относитесь к трудовым починам?» 78,1% опрошенных ответили «за». Среди членов ПОРП положительный ответ составил 89%; 40,3% участников анкетного опроса утверждали, что они участвуют в трудовых вахтах. На вопрос «Намерены ли Вы взять повышенные трудовые обязательства в ближайшее время?» утвердительно ответили 58,6% опрошенных, в том числе 60,4% членов ПОРП.

В анкету был включен также вопрос «Необходимо ли проводить трудовое соревнование на производстве?». Ответы распределились следующим образом: «да» — 39,7% опрошенных, «не знаю» — 24,5%, «нет» — 35,8%. Наиболее высокий процент утвердительных ответов был среди рабочих — 45,7%, наиболее низкий — среди младшего инженерно-технического персонала (мастера и техники) — 26—27%. Среди членов ПОРП «да» ответили 51,9% опрошенных.

Анкета, имевшая локальный характер, с ограниченным количеством участников, естественно, не может служить основой для широких обобщений, но все-таки некоторые выводы сделать из нее можно. Результаты ан-

⁷ См. «VII Plenum KC PZPR». «Nowe Drogi», 1956, № 10.

⁸ «Dziennik Ustaw P.R.L.», 1956, № 53, p. 238.

⁹ «Struktura i dynamika społeczeństwa polskiego». Warszawa, 1970, s. 180.

¹⁰ См. K. J e ż o w s k i. Zarządzanie przemysłem. Warszawa, 1970; J. Bałcerek, L. Giljeko. Problemy samorządu robotniczego. Warszawa, 1961; M. Jarosz. Samorząd robotniczy w przedsiębiorstwie przemysłowym. Warszawa, 1967; «Szkieco o samorządzie robotniczym». Warszawa, 1970.

¹¹ «Nowe Drogi», 1959, № 2, s. 121—127.

жеты говорят, что большая часть рабочих проявляла или была готова проявить повышенную трудовую активность. И хотя у некоторой части рабочих и служащих имелось в то время предубеждение к организации соревнования, в целом же польскому рабочему классу и в эти годы идея социалистического соревнования была близка. Весной 1957 г. около пятидесяти молодежных бригад на шахтах «Президент», «Мысловице», «Земовит» и др. встали на трудовую вахту в честь праздника 22 июля и приняли на себя повышенные социалистические обязательства¹², т. е. по сути дела включились в трудовое соревнование. Вскоре инициативу молодых шахтеров подхватили металлисты Краковского воеводства и текстильщики Лодзи. Весной 1958 г. в промышленности, строительстве и на транспорте насчитывалось около 300 молодежных бригад, участвовавших в социалистическом соревновании. В начале 1959 г. их было уже 2500. Начавшееся движение, кроме известного морально-политического значения, имело и существенный экономический эффект. Так, молодые шахтеры — участники соревнования, в 1958 г. добыли сверх плана свыше 400 тыс. *т* угля¹³.

В 1958 г. ПОРП и общественные организации добились значительных успехов во внедрении социалистического соревнования в практику работы трудовых коллективов. За развертывание соревнования на предприятиях и стройках высказался IV съезд профсоюзов Польши, состоявшийся весной 1958 г. Накануне съезда на некоторых предприятиях были взяты повышенные обязательства в его честь¹⁴. В июне 1958 г. Центральный совет профсоюзов и Союз социалистической молодежи организовали конференцию рабочей молодежи страны. Резолюция конференции призывала молодых рабочих шире развивать трудовую активность, включаться в социалистическое соревнование¹⁵.

Важнейшее значение для развития социалистического соревнования среди польского рабочего класса имели решения XII пленума ЦК ПОРП (октябрь 1958 г.). Пленум, приняв решение о созыве в марте 1959 г. очередного III съезда партии, поставил перед партийными организациями предприятий и строек задачу развернуть массовое социалистическое соревнование за достойную встречу съезда¹⁶. Этим был завершён поворот в отношении к социалистическому соревнованию как основной форме трудовой активности рабочего класса, строящего социализм. С конца 1958 г. вопросы соревнования заняли одно из центральных мест в деятельности ПОРП и общественных организаций на производстве.

Особенностью предсъездовского соревнования было то, что принятие личных и коллективных социалистических обязательств проходило на фоне всенародного обсуждения проекта директив развития народного хозяйства страны, выдвинутого XII пленумом ПОРП. В ходе предсъездовской дискуссии трудовые коллективы вносили свои предложения, уточнявшие и развивавшие проект директив, намечали наиболее рациональные пути реализации поставленных задач. Только от рабочих Верхней Силезии поступило свыше 20 тыс. таких предложений. Металлурги, например, указали на возможность изготовления 240 тыс. *т* стали, 317 *т* чугуна, 54 тыс. *т* кокса сверх того, что предусматривали директивы. Шахтеры выявили резервы увеличения добычи угля в 1965 г. еще на один миллион тонн¹⁷.

¹² «Sztandar Młodych», 20 V 1958.

¹³ «Ekonomika i organizacja pracy», 1959, № 3, s. 99.

¹⁴ «Przeгляд Związkowy», 1960, № 8, s. 1.

¹⁵ «Sztandar Młodych», 23 VI 1958.

¹⁶ «Nowe Drogi», 1958, № 11, s. 26—28.

¹⁷ См. «III съезд Польской объединенной рабочей партии». Варшава, 1959, с. 184.

В предсъездовскую трудовую вахту включились около 80% предприятий и 60% рабочих¹⁸. Новый трудовой подъем явился яркой демонстрацией политической зрелости польского рабочего класса, его решимости успешно продолжать социалистическое строительство, сплоченности вокруг своего авангарда — Польской объединенной рабочей партии. Социалистическое соревнование вновь утвердилось как важнейшая в политическом и экономическом отношении форма трудовой активности рабочего класса.

В 1958—1959 гг. оживилось и рационализаторское движение. Хотя количество рационализаторских предложений, поданных рабочими, не достигло уровня шестилетки (60 тыс. предложений в 1959 г. против 327 тыс. в 1955 г.), но благодаря повышению профессионального мастерства и технической грамотности рабочих технико-экономическое значение каждого предложения значительно возросло. Так, если в 1955 г. экономический эффект одного предложения в среднем составлял 6,1 тыс., то в 1958 г. уже 29,9 тыс. злотых¹⁹. Рационализаторское движение находилось в тесной связи с соревнованием, обогащало и дополняло его.

Широкое распространение в конце 50-х годов получило движение общественных дел²⁰, суть которого состоит в том, что жители городов и поселков вкладывают свой добровольный и бесплатный труд в строительство и ремонт дорог, мостов, жилых и коммунальных сооружений. Практическую пользу от этих работ получают прежде всего сами участники и их семьи. Государство финансирует поставки техники и строительных материалов.

Объем работ, выполненных трудящимися Польши в порядке общественных дел в 1958 г., оценивался в 985 млн, в том числе финансовая помощь государства составляла 242 млн злотых²¹. В рамках движения общественных дел горячую поддержку рабочего класса получили строительство 1000 школ в честь тысячелетия Польши и ряд других патриотических починов.

Большое практическое значение для народного хозяйства имело движение за экономию финансовых и материальных средств. В 1959—1960 гг. на всех предприятиях были пересмотрены планы капитальных вложений. Инициатива трудящихся направлялась на высвобождение части средств путем удешевления проектов и технологии строительства, более интенсивного использования имеющихся производственных мощностей и т. д. По призыву газеты «Трибуна люду» развернулось движение за экономию стали и чугуна. Активное участие в нем приняли профсоюзные и молодежные организации. В эти же годы польский рабочий класс включился в соревнование за звания коллективов и передовиков социалистического труда.

Возникновение этой новой формы трудовой активности было обусловлено рядом факторов. Прежде всего оно отражало укрепление социалистических общественных отношений в сфере производственной деятельности рабочего класса, а также достижение рабочим классом высокого культурного и профессионально-технического уровня, накопление им большого организаторского и производственного опыта. Безусловной предпосылкой возникновения движения за социалистический труд была решительная победа сил социализма в ПНР, одержанная в идеологической борьбе 1956—1958 гг., сплочение всех трудящихся вокруг ПОРП, что особенно ярко

¹⁸ «Trybuna Ludu», 14 XI 1959.

¹⁹ «Wynalazczość i racjonalizacja», 1961, № 1, с. 3.

²⁰ Это движение по своей форме близко к коммунистическим субботникам, но не идентично им, поскольку стимулируется не только общественными интересами, но и личными (Прим. автора. — Л. Л.).

²¹ «Życie Gospodarcze», 25 I 1959.

проявилось в период подготовки и проведения III съезда партии. Весьма важное значение имел также пример советского рабочего класса, развернувшего в этот период движение под лозунгом «Учиться жить и работать по-коммунистически».

Соревнование за звание бригад социалистического труда в ПНР началось в середине 1959 г. Новый трудовой почин сразу же нашел широкий отклик среди польского рабочего класса. В начале 1960 г. в движении участвовали уже 1800 бригад рабочих промышленности, строительства и транспорта ²².

Соревнующиеся коллективы брали обязательства постоянно поднимать производительность труда, улучшать качество выпускаемой продукции, повышать свой общеобразовательный и профессионально-технический уровень, укреплять трудовую дисциплину. В каждой отрасли и на каждом предприятии дополнительно вырабатывались свои конкретные требования, предъявляемые к работникам, претендовавшим на то, чтобы их труд назывался социалистическим.

Первой высокого звания коллектива социалистического труда удостоилась молодежная бригада Ежи Ковальского Калетаньской целлюлозно-бумажной фабрики. Она включилась в соревнование в июле 1959 г. К марту 1960 г. производственные нормы бригада выполнила в среднем на 140%, все члены бригады овладели смежными специальностями, постоянно повышали свой общеобразовательный и профессионально-технический уровень, показывали образец коллективизма ²³.

Инициатива рабочего класса по развертыванию движения за социалистический труд с самого начала получила всемерную поддержку со стороны ПОРП и общественных организаций. В марте 1960 г. Центральный совет профсоюзов и ЦК Союза социалистической молодежи обратились с совместным письмом к воеводским, городским и районным профсоюзным и молодежным организациям, в котором рекомендовали внимательно и тщательно подводить итоги соревнования, шире популяризировать достижения его победителей ²⁴. Летом того же года по всей стране были проведены отраслевые и воеводские слеты участников движения за социалистический труд, имевшие большое значение для обобщения передового опыта, улучшения организации соревнования, роста его популярности.

На слете молодых передовиков производства Силезии было принято решение развернуть соревнование за досрочное выполнение заданий последнего года пятилетки и обращение с таким призывом ко всем рабочим и служащим. Выступивший на слете член Политбюро ЦК ПОРП Э. Герек дал высокую оценку патриотическому почину молодежи ²⁵.

Состоявшийся в апреле 1960 г. IV пленум ЦК ПОРП, на котором обсуждались вопросы ускорения технического прогресса на производстве, уделил пристальное внимание проблемам соревнования. Указав на его большое значение в выполнении вставших перед польским обществом социально-экономических задач, пленум предложил партийным организациям сосредоточить усилия на том, чтобы соревнование и, в первую очередь, движение за социалистический труд было тесно связано с делом технического прогресса ²⁶.

Получив всестороннюю поддержку со стороны ПОРП, профсоюзов и ССМ, движение за социалистический труд быстро распространялось вширь, облекалось в новые формы. В июле 1960 г. в нем участвовало уже

²² «Przegląd Związkowy», 1960, № 5, s. 20.

²³ «Trybuna Ludu», 22 V 1960.

²⁴ «Cios Pracy», 12 III 1960.

²⁵ «Trybuna Ludu», 7 VII 1960.

²⁶ «Nowe Drogi», 1960, № 4, s. 12—18.

3,5 тыс. бригад; 130 коллективов к этому времени получили право называться бригадами социалистического труда²⁷. Движение вышло за рамки чисто молодежного, в него включились рабочие среднего и старшего возраста.

Следует отметить, что в 1958—1959 гг. соревнование было в основном коллективным. Осенью 1960 г. с весьма ценной инициативой выступили польские химики. Рабочие Грудзенцкой резиновой фабрики в ответ на призыв отраслевого правления профсоюза развернуть соревнование в честь 40-летия профессионального объединения химиков взяли обязательства бороться за звание ударников социалистического труда²⁸. Этот почин вскоре получил широкое распространение во всех отраслях промышленности и строительства.

В результате творческих поисков и больших трудовых усилий польского рабочего класса производственные задания первой пятилетки были успешно выполнены. Прирост промышленной продукции за пятилетие составил 59% против 48 по плану, среднегодовые темпы прироста равнялись 9,8%²⁹. Важную роль при этом сыграло и движение за социалистический труд.

Значительной вехой в развитии соревнования за звание бригад и ударников социалистического труда стало Всепольское совещание участников социалистического соревнования, организованное ЦСПС и ЦК ССМ в марте 1961 г. К этому времени различными формами соревнования было охвачено около 30 тыс. трудовых коллективов: бригад, участков, отделов, цехов. Девять тысяч из них боролись за звание коллективов социалистического труда. За достижение высоких производственных показателей в ходе соревнования 224 передовика труда были награждены орденами ПНР.

Совещание подвело первые итоги движения за социалистический труд, обобщило накопленный опыт. Участники совещания сделали вывод, что движение за социалистический труд стало в Польше главной формой трудовой активности рабочего класса, и наметили мероприятия по повышению его роли в решении экономических задач, укреплении социалистических производственных отношений, формировании всесторонне развитой личности рабочего. Совещание призвало весь польский рабочий класс направить свои трудовые усилия и творческую инициативу на успешное претворение в жизнь выдвинутых ПОРП планов социалистического строительства³⁰.

Утвердившись в качестве высшей и массовой формы трудовой активности, движение за социалистический труд играет важную роль в развитии производительных и духовных сил польского общества. В середине 70-х годов в нем участвовали почти 150 тысяч бригад, цехов, предприятий, госхозов, объединяющих около полутора миллионов человек. Ежегодно десятки тысяч новых производственных коллективов удостоиваются почетного звания социалистических. Сотни тысяч участников индивидуального соревнования добиваются звания Передовика или Заслуженного передовика социалистического труда.

Из всех форм проявления общественной и трудовой активности рабочего класса движение за социалистический труд отличается наиболее значительными производственно-экономическими и морально-политическими ценностями.

²⁷ «Przegląd Związkowy», 1960, № 10, s. 9—10.

²⁸ «Trybuna Ludu», 9 XII 1960.

²⁹ «Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1970». М., 1970, с. 25, 55.

³⁰ «Trybuna Ludu», 25 III 1961.

Т. В. ИГНАТЬЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БОЛГАРИИ

Отдельные аспекты этого вопроса, взятые в более узких хронологических рамках, рассматривались автором в выступлении на Всесоюзной научной конференции по проблематике Октябрьской революции и революций 40-х годов¹.

После второй мировой войны в условиях развивавшейся народно-демократической революции в Болгарии главной силой, противостоящей коммунистам, боровшимся за укрепление нового строя, стала часть мелкой буржуазии, политически организованная в так называемую «лояльную оппозицию». Ведущие позиции в ней заняла группировка крестьянской партии БЗНС во главе с Н. Петковым (БЗНС-НП), вышедшая из состава Отечественного фронта (ОФ). «Лояльная оппозиция» выдвинула собственную концепцию общественно-экономического и политического развития страны, отличную от предложенной коммунистами. Таким образом, не традиционные буржуазные партии, а прежде всего мелкобуржуазная группировка, выступая против разработанной компартией программы преобразований, боролась за сохранение капиталистического строя. Чтобы объяснить это явление необходимо обратиться к идейно-теоретическому наследию БЗНС, к некоторым итогам пребывания «земледельческого» правительства у власти в 20-е годы.

Формирование идейно-теоретических позиций БЗНС обуславливалось прежде всего социально-экономическими явлениями. Болгария в мировой капиталистической системе находилась в ряду стран со средним уровнем развития капитализма. Ее экономическая структура носила ярко выраженный аграрный характер (33,8 : 66,2 — таким было соотношение между промышленным и сельскохозяйственным производством в совокупном общественном продукте в 1944 г.)². Основную массу населения, до 80%, составляло крестьянство³, при этом дифференциация деревни дос-

¹ Т. В. Игнатъева. Мелкобуржуазные концепции общественно-экономического устройства Болгарии, Польши и Румынии после второй мировой войны. «Всесоюзная научная конференция „Общие закономерности Великого Октября и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы“ (Рига, 14—16 XII 1976). Тезисы докладов и выступлений», М., 1976.

² L. Aslanov. La politique agraire du Parti ouvrier bulgare (communiste) et la réforme agraire de 1946 en Bulgarie. «Etudes historiques», Sofia, 1966, v. III, p. 423.

³ М. Исусов. О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны. «Etudes historiques», Sofia, 1970, v. V, p. 603.

тигла значительной степени. Преобладали в ней середнячко-бедняцкие слои. Это положение было устойчивым. И позднее, в 1946 г., в канун проведения аграрной реформы, из 992 тыс. единоличных хозяйств кулацкие составляли приблизительно лишь 16 тыс., или около 1,6%. Значительный удельный вес середняков, «экономически самой сильной и политически самой влиятельной группы»⁴ болгарской деревни, являлся ее отличительной чертой. Своеобразие социально-экономической структуры Болгарии заключалось в отсутствии крупного землевладения, ликвидированного в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Сельская буржуазия не вела капиталистических хозяйств фермерского типа, а обрабатывала имевшуюся у нее землю в основном силами своей семьи. Владея сельскохозяйственным инвентарем, мельницами, корчмами, зажиточная часть крестьянства эксплуатировала значительную часть мелкого и среднего крестьянства. Именно здесь уместно искать исходный пункт формирования классовых противоречий внутри болгарской деревни, определивших и особенности классовой борьбы в ней. Несмотря на напряженность отношений между отдельными группами сельского населения, все же не они являлись определяющим фактором жизни деревни. Крестьянство в целом подвергалось сильной эксплуатации со стороны торговой и финансовой буржуазии — главных, наиболее могущественных группировок национальной буржуазии, наживавшихся именно и прежде всего за счет эксплуатации деревни. Финансовый капитал, который контролировал почти все крупнейшие предприятия в различных отраслях экономики, подчинил своему влиянию и сельское хозяйство, но подчинил опосредствованно, через господство на рынке при закупке сельскохозяйственной продукции с помощью широкой сети посредников. С экономической точки зрения для буржуазии это было более выгодно, ибо не требовало крупных инвестиций и, следовательно, было лишено риска⁵. Эксплуатация сельского населения со стороны финансового капитала и целой армии посредников и спекулянтов, приведя к особенно тяжелым последствиям для мелкого сельского хозяина, затрагивала практически все слои крестьянства. Отсюда непримиримость деревни к спекулятивной и «паразитической» буржуазии⁶. Учитывая мелкотоварный характер сельского хозяйства, его общую отсталость, традиционную патриархальность отношений между крестьянами, становится понятным, почему классовые антагонизмы в болгарской деревне проявлялись в несколько «смягченном» виде⁷, отступали перед необходимостью организовать отпор сильному противнику. Именно в этом смысле следует понимать утвердившийся в исторической литературе тезис о широких антикапиталистических настроениях, присущих болгарской деревне⁸ и создававших объективные предпосылки для сов-

⁴ В. Коларов. «Аграризм» как теория «социального мира». «Коммунистический Интернационал», 1928, № 19—20, с. 18.

⁵ Ст. Цонев, П. Близнаков. Икономически предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964, с. 22.

⁶ Под «паразитической» буржуазией «земледельцы» понимали поначалу все силы, противостоявшие деревне. (А. Стамболийски. Земледельският съюз и неговите врагове. София, 1919, с. 5, 9.) Несколько позднее это представление получило более конкретное содержание, связываясь прежде всего с каналом «производитель-потребитель» и становясь, таким образом, в известной степени синонимом посредничества. (А. Стамболийски. Земледельско управление. Първа година. София, 1921, с. 96—97.)

⁷ «Икономиката на България през преходния период от капитализма към социализма». София, 1972, с. 28.

⁸ См., например, Л. Берков. Доходите на различните категории земеделски стопанства в България при капитализма. «Трудове на Висшия икономически институт „К. Маркс“», кн. 2. София, 1963, с. 448; Л. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, с. 64.

местных действий крестьянской партии БЗНС с коммунистами. Не за ликвидацию капиталистического строя выступали «земледельцы», а за его «исправление», устранение «пороков», имевшихся в обществе, с точки зрения мелкого собственника. В силу специфики болгарской действительности эти настроения конкретизировались в требованиях ограничения деятельности наиболее мощных группировок национальной буржуазии.

Особенности развития болгарского капитализма (общая отсталость страны, активное проникновение иностранного капитала в ее экономику и утверждение его в основном в отраслях, связанных с добывающей промышленностью) существенно влияли на возможности национальной буржуазии осуществлять капиталистическое накопление, ограничивая их сферой обращения и перерабатывавшей сельскохозяйственную продукцию промышленностью. В итоге прямая зависимость экономического положения основных группировок национальной буржуазии от степени эксплуатации ими деревни лишала их возможности эффективно маневрировать: диапазон возможных уступок крестьянству был крайне узок. В противном случае ставились под удар собственные интересы эксплуататорского класса. Это обстоятельство, став одной из причин повышенной мелкобуржуазной революционности БЗНС, делало проблематичной адаптацию крестьянской партии к системе буржуазного государства, ставило ее как выразительницу интересов крестьянских масс в положение постоянной конфронтации с государством, поддерживавшим позиции промышленного, торгового и банковского капитала в ущерб положению деревни. Характерный пример тому — политика цен, проводимая государством, которая фактически лишала смысла крестьянский труд, делала зачастую промышленные товары недоступными для сельского труженика. Нехватка средств, практическая невозможность получить на приемлемых условиях кредиты превращали крестьянина в легкую добычу ростовщика. Ростовщичество стало подлинным бичом болгарского крестьянства⁹. Бедственное положение последнего усугубляли политический гнет, система взяточничества и беззакония.

Понятное в этих условиях стремление основной массы крестьянства противостоять односторонней экономической политике буржуазного государства, форсированию капиталистического развития страны за счет деревни способствовало усвоению в Болгарии пришедшей с Запада общественно-политической доктрины аграризма¹⁰ в ее мелкобуржуазном варианте¹¹.

Мелкобуржуазный аграризм стал основой идеологии БЗНС, которая получила не только «систематизированное выражение», но и приобрела в связи с приходом в 1919 г. «земледельческого» правительства к власти «самостоятельное политическое значение»¹². Последнее обстоятельство весьма важно, так как позволяет учесть некоторые практические результаты претворения в жизнь аграристской программы партии.

Творцом идеологии БЗНС являлся лидер партии А. Стамболийский. В довольно значительном количестве работ и особенно в книге «Политические партии или сословные организации?» он изложил основные поло-

⁹ Ст. Цонев, П. Близнаков. Там же, с. 74.

¹⁰ Подробнее о возникновении и эволюции доктрины аграризма см., например, J. Ziemiński. Z zagadnień genezy i podstawowych założeń ideowopolitycznych agrarizmu w Polsce. «Roczniki dziejów ruchu ludowego», 1960, № 2.

¹¹ А. Ф. Носкова. Из истории аграризма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Выступление на VIII Всесоюзной научной конференции историков-славистов в Донецке в 1978 г. (рукопись).

¹² Р. П. Гринина. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925. София, 1976, с. 39—40.

жения идеологии крестьянской партии¹³. (По некоторым сведениям, накануне событий 9 июня 1923 г. Стамболийский завершил новую книгу, целиком посвященную вопросам будущего устройства Болгарии, которая была уничтожена пожаром в дни переворота. «Стожер», 11 VI 1947.)

Исходя из социально-экономической структуры Болгарии, Стамболийский делил общество на два противоположных лагеря — «капиталистов» и «угнетенный класс». Провозглашение города «резиденцией» эксплуататоров, а села, соответственно, «прибежищем» эксплуатируемых отражало негативное отношение широких масс крестьянства к «паразитической» буржуазии, сосредоточенной в городах. Конкретную направленность приобретал и основной тезис теории Стамболийского — о единстве «сословий» в обществе, внутри которых нет ни классов, ни, следовательно, классовой борьбы: исходя из этой посылки, деревня рассматривалась как единое целое, противостоявшее городу¹⁴.

«Гвоздем» теории Стамболийского, как и всего мелкобуржуазного аграризма в целом, была идея мелкой крестьянской «трудовой» собственности, которая провозглашалась условием прогресса общества, основой грядущей «сельской» демократии. Эта посылка, равно как и обоснование естественности «примата» крестьянства в государстве, указывала на использование традиций народничества, главным образом, либерального, в период формирования крестьянских партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы или превращения их в массовые¹⁵. Сторонники «сословной теории» Стамболийского противопоставляли трудовую частную собственность как «фактор первой величины» не только «паразитической» крупной собственности, но и собственности коллективной, отрицая идею общего владения орудиями труда или землей. Идеалом болгарской экономики Стамболийский считал индустриализированное мелкое земледельческое производство¹⁶, указывая, что последнее в силу своей особой устойчивости неизбежно вытеснит оставшихся крупных землевладельцев из сферы экономических отношений¹⁷.

Таким образом, теоретические построения Стамболийского представляли собой типичную мелкобуржуазную крестьянскую утопию, отразившую в конкретных условиях 20-х годов стремления крестьянства покончить с эксплуатацией болгарской деревни определенными группировками национальной буржуазии.

Двойственная мелкобуржуазная природа автора «сословной теории» и его сторонников определила известную непоследовательность и порой противоречивость их деклараций и действий. Проявилось это, в частности, в формулировании отношения к капитализму. Зажиточная часть деревни, по сути, не имела ничего против капиталистических порядков. Ее желания сводились единственно к созданию более благоприятных условий для собственного обогащения. А для этого было необходимо убрать главную «помеху» в лице прежде всего торгово-посреднической буржуа-

¹³ А. Стамболийски. Политически партии или съсловни организации? София, 1909.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Т. А. Покивайлова. Царнистката партия в идейно-политическата борба в Румъния после Октябърската революция. М., 1974, с. 2.

¹⁶ А. Стамболийски. Политически партии..., с. 14, 35, 74—80, 89.

¹⁷ Показательно, что в Румынии, например, где имелось крупное помещичье землевладение, где сложился реакционный союз империалистической буржуазии и земельной аристократии, наблюдался более «гибкий» подход к определению «трудовой» собственности: в это понятие включалась и крупная собственность, которой приписывалась прогрессивная роль. В царнистской доктрине подчеркивалось, что «в пропагандировании современной техники крупная собственность может найти общественную функцию своего существования». (ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4413, л. 47.)

зии. Выразителем интересов этой части крестьянства стало правое крыло БЗНС. Вместе с тем по мере нарастания сопротивления буржуазии реформаторской деятельности «земледельческого» правительства постепенно радикализировались настроения левого крыла союза во главе с А. Стамболийским и Р. Даскаловым. Известны, в частности, их заявления, что «старый порядок» должен рухнуть, что БЗНС «против капитализма»¹⁸.

Путем последовательных реформ (согласно законодательной программе их предполагалось провести более ста) правительство БЗНС рассчитывало добиться наиболее органичного сочетания двух факторов — труда и капитала — и установить в итоге своеобразный «аграрно-кооперативный хозяйственный строй». Это стремление объективно отражало утопичность мечтаний мелкого собственника о возможности оградить себя от социальных потрясений и экономической эксплуатации, избрав «третий путь», заняв своеобразное положение «центра» между капитализмом и социализмом¹⁹. Несостоятельность подобных планов очевидна, однако практическая деятельность «земледельческого» правительства ощутимо затронула интересы торгово-ростовщических кругов буржуазии. В пользу этого вывода говорят проводившиеся правительством в жизнь законы о налоге на акционерные общества и общий доход отдельных капиталистов²⁰, принятие мер против спекулятивных махинаций в банковском деле, торговле, промышленности и ростовщичестве, отчуждение имущества крупных домовладельцев и передача его учреждениям, введение государственно-кооперативной монополии внешней торговли зерном и зернопродуктами (Консорциум), ограничившей возможности крупной торговой буржуазии эксплуатировать крестьянство и накапливать путем спекуляции огромные капиталы. На решение исключительно важной задачи устранения посреднической торговой буржуазии в хозяйственных отношениях между деревней и городом была нацелена кооперативная политика правительства, сущность которой заключалась в поощрении кооперации и возложении на нее ответственных общественных и хозяйственных функций для ограничения капиталистической эксплуатации²¹. Кстати сказать, значительная часть буржуазии весьма чутко реагировала на усиления кооперации справиться с поставленной задачей. Об этом свидетельствовали попытки ограничить деятельность кооперации или, овладев руководством, изменить суть ее действий. И наконец, как отмечает Р. П. Гришина, особое недовольство буржуазии вызывало посягательство правительства на ее связи с госаппаратом, лишавшее капиталистов возможности использовать его в своих интересах. Не случайно поэтому после свержения правительства Стамболийского первые шаги буржуазия направила на восстановление прежнего положения именно в этом отношении²².

Таким образом, практическая деятельность правительства БЗНС ярко отразила ненависть болгарского крестьянства к основному угнетателю

¹⁸ Цит. по: М. Г е н о в с к и. Монархията, самостоятелното земеделско управление и българският фашизъм. «Исторически преглед», 1968, № 3, с. 64.

¹⁹ Н. А г ъ н с к и. Аграризмът и идеологията на земеделското движение. «Философски преглед», 1933, № 5, с. 413.

²⁰ Этот налог достигал значительного размера: верхняя граница его доходила до 35%. «История на България», т. 3. София, 1964, с. 73.

²¹ Б. М а т е в. Движението за кооперативно земеделие в България при условията на капитализма. София, 1967, с. 34.

²² Р. П. Г р и ш и н а. Отношение буржуазии к экономической политике военно-фашистского правительства Цанкова в Болгарии (1923—1925). «Советское славяноведение», 1976, № 3.

деревни, что позволяет, на наш взгляд, говорить о более радикальном характере болгарской «разновидности» мелкобуржуазного аграризма²³.

Падение правительства Стамболийского в июне 1923 г. прервало реформаторскую деятельность «земледельцев». Мученическая смерть лидера крестьянской партии, установившийся в стране режим террора четко выявили степень непримиримости буржуазии по отношению к планам и деятельности правительства БЗНС, невозможность расчета на какие-либо существенные уступки крестьянству. С другой стороны, в специфической социально-психологической обстановке в стране после переворота сохранились и даже усилились иллюзии деревни в отношении возможности реформирования буржуазного общества в результате осуществления программы крестьянской партии. Эти настроения имели серьезное значение в жизни болгарской деревни и общества в целом в течение последующего времени, ощутимо влияли на тактику БЗНС и буржуазных партий.

Мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов серьезно отразился на эволюции аграризма в Болгарии. Усугубление в годы кризиса и без того тяжелого положения широких масс трудящихся на фоне усиления экономических позиций основных групп национальной буржуазии создавало благоприятную основу для нарастания левых тенденций в аграризме, для сближения определенных групп его сторонников с коммунистами. Вместе с тем отчетливее чем прежде проявились и заложенные в аграризме как мелкобуржуазной идеологии «охранительные» тенденции. Кризис 1929—1933 гг., усилив, хотя и не в столь значительной степени, как в промышленно-развитых странах, отлив сельскохозяйственных рабочих и бедняков-крестьян из болгарской деревни, вызвал у буржуазии и зажиточных слоев деревни страх перед «пролетаризацией» некоторой части населения и стремление противостоять ей. В определенной мере это отразили «теории» так называемых «новых аграристов».

Весьма симптоматично, что последние начали ревизию «сословной» идеологии по линии уточнения отношения к капитализму. Заявления о «неправильной» позиции «земледельческого» правительства по отношению к капиталу, обвинение правительства в «отказе» признать якобы под влиянием большевизма примирительную роль «трудовой земельной собственности»²⁴ фактически отразили стремление зажиточной деревенской верхушки найти себе место в рамках буржуазного общества ценой компромисса со своим противником. В значительной степени это было продиктовано опасением социальных потрясений, страхом перед «советским примером», явилось реакцией на трагический финал самостоятельного «земледельческого» управления. Объявив своим идеалом незаметный и спокойный переход к более высокой по своей организации общественно-экономической и политической системе, установление «социального ми-

²³ Для сравнения укажем на пример Румынии, страны, где также утвердился мелкобуржуазный вариант аграризма. Царанистскую теорию здесь использовали прежде всего наиболее зажиточные слои деревни, стремясь с ее помощью несколько смягчить и ограничить грубые методы капиталистической эксплуатации. Стремление завоевать поддержку основной массы деревни и мелкой буржуазии города объясняло наличие известных радикальных элементов в царанистской теории, но они не получили эффективного подкрепления практическими мероприятиями царанистской партии. Характерно, что в июне 1923 г., когда румынская компартия предложила совместными усилиями организовать помощь жертвам цанковского террора в Болгарии, среди которых были и тысячи членов БЗНС, руководство царанистской партии ответило отказом, продемонстрировав весьма недвусмысленно свое отношение к деятельности правительства Стамболийского. (С. Тимов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Румынии. М., 1928, с. 248.)

²⁴ В. Коларов. Там же, с. 22—23.

ра» путем сглаживания противоречий капиталистического общества, «новые аграристы» наметили и главное средство для достижения этого идеала — кооперацию. Они предполагали, что вследствие преобладания земледелия в экономической структуре страны мелкое и среднее крестьянство (основа «крестьянской демократии») сможет ввести общественно-экономические формы «трудового хозяйства» и в остальные отрасли производства. Внедрение различных видов кооперации приведет к постепенной «демократизации» капитала²⁵. Основной сельского хозяйства должна была стать «трудовая поземельная собственность» (ТПС). От «городского» капитала, пока он еще не будет «демократизирован», ее сможет защитить все та же кооперация.

Как видим, не случайно разные виды кооперативных объединений В. Коларов называл «позвоночным столбом» крестьянских партий и союзов, подчеркивая, что «кооперация составляет их излюбленную идею»²⁶.

Широкая пропаганда кооперативной идеи «новыми аграристами» все же не означала, что для кооперации не предусматривалось никаких ограничений. В частности, мерой преждевременной, для которой не созрели условия, была объявлена сельскохозяйственная и ремесленная производственная кооперация. Главным аргументом являлись утверждения о более низкой доходности производственной кооперации (из-за отсутствия личной заинтересованности у кооператоров) по сравнению с частным производством. Такие ограничения, несомненно, наносили сильный удар по всем «кооперативистским» схемам²⁷, лишая их универсальности. Думается, что в известной степени на позиции «новых аграристов» повлияло их негативное отношение к практике кооперирования сельского хозяйства в СССР. Здесь уместно сказать, что значительная часть болгарской деревни, не вдаваясь в теорию, с сочувствием и интересом встречала известия о жизни советского крестьянства²⁸, что нашло отражение и в представлениях болгарских крестьян о будущем устройстве страны. Как вспоминает видный деятель кооперативного движения Болгарии Ст. Сюлемезов, они являли собой «странную смесь сказочных описаний благодатных земель, слышанного о Советском Союзе и вековой мечты крестьян об идеальной гармонии и равенстве в жизни людей»²⁹.

В начале 30-х годов теоретические построения «новых аграристов», казалось, получили возможность проверки практикой: наиболее массовое и сильное крыло БЗНС — «Врабча-1» — вошло в состав Народного блока, находившегося у власти в 1931—1934 гг. Возглавил правительство Народного блока лидер буржуазной Демократической партии А. Малинов. В современной исторической литературе существуют противоречивые оценки позиции «Врабчи» и в связи с этим — характера этой партии в период вхождения в состав Народного блока. Говорится, в частности, об отступлении «Врабчи» от основного программного положения БЗНС времен Стамболийского — установления «кооперативного строя» — и превращении ее при этом в буржуазно-кулацкую группировку БЗНС³⁰, о принципиальном отказе от идеи самостоятельной крестьянской власти³¹.

²⁵ Там же, с. 31.

²⁶ В. Коларов. Крестьянские партии и союзы. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 3, с. 12—13.

²⁷ В. Коларов. «Аграризм» как теория..., с. 32.

²⁸ См. подробнее: Б. М а т е е в. Коллективизация в СССР и кооперативное движение в Болгарии в 30-х — начале 40-х годов. «Советское славяноведение», 1967, № 1.

²⁹ Ст. Сюлемезов. Браздите на бъдещето. Спомени. София, 1967, с. 261.

³⁰ М. М. Г о р а н о в и ч. Крах Зеленого Интернационала (1921—1938). М., 1967, с. 228.

³¹ Ст. Р а д у л о в. Участието на Българския земеделски народен съюз в Народния фронт. София, 1976, с. 20.

и пр. На наш взгляд, убедительнее выглядит точка зрения болгарского исследователя В. Георгиева, отметившего, что в основном идеология и программа «Врабчи» оставались традиционными, «земледельческими», преследовавшими цель превращения крестьянской партии в главный фактор политической и общественной жизни³². Действительно, стратегия оставалась прежней, серьезно менялась тактика, обслужить которую и была призвана теория «новых аграристов». Лидеры «Врабчи» стремились восстановить былые позиции Земледельческого союза, временно разделив политическую власть с буржуазией, а не монополизировав ее³³, постепенно добиться самостоятельного управления для реализации впоследствии идеи «кооперативного государства». В подтверждение этого говорит и категорическое заявление министра внутренних дел Н. Мушанова о том, что он не позволит превратить Болгарию в «кооперативное государство»³⁴.

Попытка «Врабчи» решить поставленные задачи путем компромисса с буржуазией объективно совпала со стремлением последней не допустить возможного сближения крестьянского движения с революционным рабочим движением в стране. Отсюда и готовность удовлетворить некоторые требования крестьянства, нашедшая отражение в реформах правительства Народного блока во время экономического кризиса. Но именно некоторые и отнюдь не самые главные. В целом экономические реформы правительства имели для деревни скорее психологическое значение, нежели действительно давали практический эффект³⁵. Кроме того, в 30-е годы наблюдается наступление на кооперацию: ей официально было запрещено заниматься торговлей, широко использовалось право министра внутренних дел распускать руководящие органы кооперативных организаций в целях борьбы с ними. Сильное сопротивление деятельности кооперации встретила со стороны торговцев и ростовщиков: объединившись, они противопоставили сельской кооперации чисто городские банковские учреждения с кредитными функциями, так называемые «популярные банки», открывая их в первую очередь там, где имелись сильные кооперативные организации³⁶. Таким образом делались попытки отвоевать у кооперации сторонников по линии кредитования.

Экономическая политика правительства Народного блока не удовлетворяла лидеров «Врабчи», лишенных к тому же возможности эффективно влиять на нее. В начале 1934 г. «Врабча» попыталась изменить соотношение сил в кабинете в пользу Земледельческого союза и занять в нем центральное место. Отказ главы правительства удовлетворить претензии «земледельцев» вызвал правительственный кризис³⁷.

Участие «Врабчи» в Народном блоке не принесло, таким образом, желаемых результатов крестьянской партии. Глубокий конфликт между крестьянскими массами и лишенной возможности маневрировать буржуазией продолжал существовать, а провал попытки компромисса зримо выявил состояние их взаимоотношений. Болгарская буржуазия понимала, что осуществление важнейших крестьянских требований не могло, разу-

³² В. Георгиев. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934—1939. София, 1971, с. 16.

³³ N. Ogen. Revolution administered. Agrarianism and communism in Bulgaria. Baltimore and London, 1973, p. 16.

³⁴ Н. Георгиев. Какво даде народната власт на българските селяни. София, 1957, с. 6—7.

³⁵ Ф. Милкова. История на българската буржоазна държава и право през периода 1918—1944 година. София, 1976, с. 103.

³⁶ Б. Илчев. Преломни години. София, 1977, с. 44.

³⁷ В. Георгиев. Там же, с. 62—63; Я. Йозов. Классовая и партийно-политическая борьба в Болгарии в 1931—1934 гг. «Etudes historiques», Sofia, 1968, v. IV, p. 520—522.

меется, привести к утверждению бесклассового общества «всеобщего равенства и справедливости», но означало бы некоторое ослабление ее позиций. Объективно это улучшало условия экономического развития деревни. Практические шаги по осуществлению планов установления «кооперативного строя» как воплощения концепции «третьего пути» в условиях Болгарии вели к устранению из сферы обмена между городом и деревней посредников-спекулянтов, искусственно удлинявших путь продукции от производителя к потребителю, преследовали цель возложить на кооперацию задачу переработки и реализации сельскохозяйственной продукции и помочь крестьянину своевременным и более дешевым кредитом³⁸. Конечно, в буржуазном обществе кооперация неизбежно приобрела бы капиталистические черты, предоставив выгоды прежде всего зажиточной части деревни, но, как показала практика периода пребывания БЗНС у власти, некоторое облегчение она принесла бы и бедняцко-средняцким слоям.

Естественно поэтому, что в Болгарии, как и в других странах, где аграристские теории получили распространение, коммунисты считали необходимым поддерживать их прогрессивные положения³⁹, разделяя справедливые требования крестьянства и выражавшего его интересы БЗНС. В межвоенный период коммунисты неизменно солидаризировались с БЗНС, выступая против ростовщичества, непосильных налогов, спекуляции сельскохозяйственными и промышленными товарами, в поддержку сельской кооперации и пр⁴⁰. Так, в 1937 г., опираясь на кооперативные организации (союзы виноградарей, пчеловодов и табаководов) коммунисты организовали и успешно провели кампанию борьбы против выкупа продукции крестьян за бесценки, против крупного эксплуататорского капитала. Кампания эта привела в движение крестьянские массы по всей стране, в ее поддержку выступили земледельческие кооперации⁴¹. Отражением роста влияния и авторитета компартии среди крестьянства явилось политическое сотрудничество коммунистов с группировкой БЗНС «Пладне» на платформе единого фронта и антифашистской борьбы, достигнутое в конце 30-х годов. Все это означало, что компартия в целом успешно осуществляла тактическую линию в отношении крестьянства, четко сформулированную В. Коларовым еще на V конгрессе Коминтерна: «Крестьяне наделены духом практицизма, утилитаризма. Абстрактные идеи их не воодушевляют. Мы можем завоевать их лишь на почве их действительных интересов»⁴².

Дальнейшая разработка политического курса компартии происходила в условиях резкого усиления антифашистской борьбы в стране, в которой приняли участие различные слои населения, в том числе и крестьянство, возникновения реальной перспективы прихода к власти рабочего

³⁸ Определенная база для этого имелась: по приблизительным данным до 9 IX 1944 г. кооперация в Болгарии наиболее широко была представлена в обмене (20%) и кредите (15%). Гораздо более слабыми были ее позиции в промышленном производстве (5%). (Централен партиен архив при ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 146, оп. 5, а. е. 221, л. 45.)

³⁹ В современной литературе уже нет прежних односторонних трактовок аграристских программ как полностью антирабочих и кулацких, как программ сельской буржуазии, отмечены антипомещичий, антимонополистический, антифашистский и частично антикапиталистический характер их отдельных пунктов. Подробнее см., например, J. Z i e m b i Ń s k i. Ibid., s. 142—143; J. B r o n a. Rola agrarizmu w walce z kapitalizmem. «Wici», 24 VIII 1947; W. M i c h n a. Ocena agrarizmu powinna być zgodna z prawdą historyczną. «Zielony Sztandar», 3 X 1956.

⁴⁰ Д. Т и ш е в. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, с. 141.

⁴¹ «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, с. 423—424.

⁴² «Известия», 1924, 6 июля.

класса. В этой обстановке особое значение приобретал вопрос о политическом сближении и сотрудничестве между рабочим классом и крестьянством, решить который можно было лишь на основе конкретной практической деятельности по удовлетворению требований крестьянских масс. Естественно поэтому, что и в Манифесте Национального комитета Отечественного фронта (НК ОФ), опубликованном в конце августа 1944 г., и особенно в обнародованной уже после революции программе правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. были учтены требования крестьян, направленные на уничтожение эксплуатации деревни финансовым и торговым капиталом, вытеснение его из сферы обмена и перерабатывающей промышленности, ограничение его экономической мощи. Иными словами, зафиксированные в программе правительства ОФ требования ликвидации режима принудительно низких цен на сельскохозяйственную продукцию, системы посредничества через всестороннее развитие и поощрение кооперации, конфискации имущества и капиталов, нажитых в условиях конъюнктуры военного времени путем спекуляции и различных махинаций, введения прогрессивно-подоходного налога и государственной монополии на экспорт зернопродуктов, табака и других видов сельскохозяйственной продукции⁴³ вели фактически к подрыву экономических позиций основных группировок болгарской буржуазии.

В программе правительства не случайно фигурировали характерные для терминологии БЗНС понятия «паразитическая промышленность», «экономически и социально вредное посредничество» и др. Стремление облечь требования социально-экономических преобразований в понятную и доступную крестьянству форму отразило внимательное отношение компартии к интересам своего союзника, заботу об укреплении социальной базы ОФ. Вместе с тем в программу не вошли положения, составлявшие сущность «сословной теории» Стамболийского, отброшена была и идея создания «кооперативного государства», хотя в обстановке крушения буржуазного государственного строя внутри БЗНС оживились соответствующие этой идее настроения. «Пладненцы» проповедуют свой сумасшедший аграрный синдикализм, — на этот факт как на заслуживавший самой серьезной оценки обратил внимание Г. Димитров в телеграмме секретарю ЦК БРП(к) Тр. Костову в октябре 1944 г.⁴⁴

Таким образом, коммунисты добились включения в правительственную программу лишь тех требований крестьянства, которые имели прогрессивный характер и преследовали цель прежде всего улучшить положение широких масс сельского населения путем ослабления позиций определенных групп национальной буржуазии. При этом несомненно учитывалась и более далекая перспектива построения в Болгарии социалистического общества: к осознанию объективной необходимости осуществления этой задачи массы должны были подводиться постепенно, через усвоение ими уроков собственной практической деятельности по претворению в жизнь программы ОФ.

Рассмотрение политики БРП(к) по отношению к кооперации наглядно подтверждает плодотворность принятого коммунистами курса. Зафиксированное в программе ОФ положение о «всестороннем и действительном поощрении кооперативного дела» получило дальнейшее развитие и конкретизацию в Декларации ЦК БРП(к) по экономическим вопросам от

⁴³ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945. Сборник документи». София, 1969, с. 134—135.

⁴⁴ Непубликувани радиограни на Георги Димитров до ЦК на БРП(к) (август — декаври 1944 год). «Известия на Института по история на БКП», т. 27. София, 1972, с. 23.

28 сентября 1945 г.⁴⁵ В ней развитие кооперации в городе и на селе связывалось прежде всего с организацией правильного снабжения рабочих, крестьян и служащих в ходе своеобразного экономического соревнования с частными торговцами. Отмечалась особая эффективность использования кооперативных организаций в перерабатывающей промышленности, а также в тех сферах внешней торговли, которые не стали еще государственной монополией⁴⁶. Определенные расчеты связывались и с возможностью кооперации через контакты с мощными кооперативными организациями за рубежом получить иностранные кредиты⁴⁷. Это способствовало бы укреплению национальной экономики и, кроме того, расширило бы возможности народно-демократического государства влиять на частный сектор (одной из особенностей болгарского капитализма была прямая зависимость деятельности частных промышленных предприятий от получения государственных или кооперативных кредитов). Устанавливая непосредственный обмен между городом и деревней и устраняя посредников и спекулянтов, кооперация неизбежно ограничивала сам процесс перекачивания доходов частной промышленности в спекулятивную торговлю, обеспечивала возврат их в промышленность. Учитывая слабую инвестиционную активность болгарских предпринимателей⁴⁸, развитие кооперации становилось для народно-демократической власти делом первостепенной важности. Не случайно Г. Димитров еще в конце 1944 г. советовал добиваться планомерного расширения участия кооперации в экономической жизни страны не через административный нажим на частника, а прежде всего на хозяйственной основе, доведя долю кооперации в экономике в непродолжительный период времени до 50%. Шаги кооперации, — подчеркивал он, — должны быть размеренными, твердыми, уверенными⁴⁹.

На практике наибольшего успеха кооперации удалось добиться в сфере налаживания товарообмена между деревней и городом: в 1948 г. кооперация поставила крестьянам 73% всех промышленных товаров, закупила у крестьян 50% зерновых, 90% молочных продуктов, 100% шерсти и пр.⁵⁰ Серьезными были позиции кооперации в розничной торговле: в 1946 г., например, на ее долю приходилось 54,5% всего товарооборота⁵¹. Крайне важным было то обстоятельство, что ограничение частного капитала с помощью кооперации, провозглашенное в качестве одной из основных задач «земледельческого» правительства еще во времена Стамболийского, осуществлялось после 9 сентября при активном участии крестьянства в тесном сотрудничестве с рабочим классом. Это имело исключительно серьезное значение для развития и исхода борьбы между коммунистами и буржуазными группировками в стране за завоевание крестьянства.

Болгарская буржуазия, хотя и не была политически полностью изолированной от народных масс⁵², тем не менее не имела у них широкой

⁴⁵ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК» (далее — «БКП в резолюции...»), т. IV. 1944—1955. София, 1955, с. 29—41.

⁴⁶ Там же, с. 31.

⁴⁷ ЦПА, ф. I, оп. 17, а. е. 19, л. 8.

⁴⁸ В. Д. Мозеров. Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановительный период (1944—1948). Саранск, 1973, с. 98.

⁴⁹ ЦПА, ф. 146, оп. 5, а. е. 222, л. 3.

⁵⁰ «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе». М., 1977, с. 400.

⁵¹ «Икономиката на България...», с. 126.

⁵² «Великий Октябрь и революции 40-х годов...», с. 205.

поддержки. Это подтвердил и провал попыток Демократической партии непосредственно после 9 сентября укрепить свои позиции. Одной из причин слабой популярности программы «старой грешницы», как называли Демократическую партию⁵³, было неучастие ее в ОФ в период антифашистской борьбы. «Демократам» предстояло изыскать новые возможности и пути для восстановления своего бывшего влияния. Определенные расчеты буржуазные политики связывали с неизбежными колебаниями мелкобуржуазных слоев, с возможной в связи с этим эволюцией БЗНС вправо. Основанием к тому служило официальное признание руководством крестьянской партии аграризма своей идеологией без отрицания его реакционных сторон. Особенно перспективным казалось «демократам» не раз декларировавшееся руководством Земледельческого союза намерение активно и последовательно защищать частную собственность и инициативу, что могло бы стать основой для сближения интересов буржуазных группировок с мелкобуржуазной партией, входившей в ОФ.

Сразу после 9 сентября руководство БЗНС начало всестороннее обсуждение аграристских принципов на страницах партийной печати⁵⁴. Большое внимание разъяснению этих принципов как основы идеологии партии уделено в своей речи на конференции союза его лидер д-р Г. М. Димитров (Гемето). «Земедельско знаме» писало: «Это была скорее идеологическая лекция, нежели простая политическая речь. В ней ясно и определенно подчеркнуты основные начала земледельческой идеологии — биолого-материалистическое объяснение истории, свободы и независимости человека и народа, профессионально-кооперативный синдикализм, равенство трудовых классов и организаций, борьба за осуществление бесклассового общества, единство народа и интеллигенции»⁵⁵. Учет в программе правительства ОФ крестьянских требований послужил для некоторой части руководства БЗНС основанием заявить о ведущей роли крестьянства и его партии в деле создания новой демократической Болгарии. В частности Временный комитет союза Софийской области в специальном воззвании к крестьянам подчеркнул, что «земледельческое» движение вторично призвано спасти народ и государство⁵⁶.

Если в 20-е годы тезис аграризма о способности крестьянства к самостоятельным и независимым от рабочего класса действиям по завоеванию и удержанию политической власти препятствовал складыванию союза рабочего класса и крестьянства, негативно отразившись на деятельности и судьбе «земледельческого» правительства, то притязания БЗНС на руководящую роль в обществе после победы народно-демократической революции ставили под угрозу само существование новой власти, питали надежды буржуазных партий на реставрацию капиталистического строя, т. е. являлись глубоко реакционными.

Характерным моментом в развитии аграристской идеологии в Болгарии после 9 сентября было, по нашему мнению, обращение лидеров БЗНС

⁵³ К. Драмалиев. История на Отечественния фронт. Лекция, четена в партийната школа при ЦК на БРП (к). София, 1947, с. 47—48.

⁵⁴ См., например, Н. Атанасов. Към кооперативно-трудова демократична държава. «Земедельско знаме», 18 X 1944; Б. Георгиев. Икономическото значение на земеделското съсловие. Там же, 6 XI 1944; М. Осъмски. Възходът на кооператизма. Там же, 18 XI 1944; его же. Трудовата собственост. Там же, 22 XI 1944; Г. Велев. Аграризмът и селската кооперация. «Политика», 1 XII 1944; М. Геновски. Земеделската идеология е прогресивна. «Земедельско знаме», 27 XII 1944; Цв. Парашкевов. Аграрно-кооперативен синдикализъм. Там же, 20 I 1945 и др.

⁵⁵ «Земедельско знаме», 18 X 1944.

⁵⁶ Централен държавен архив на НРБ (далее — ЦДА на НРБ), ф. 75, оп. 4, а. е. I, л. 13.

не к показавшему свою несостоятельность аграризму 30-х годов, а к более радикальной системе взглядов Стамболийского, исключительно популярной среди мелкобуржуазных масс. При этом в первое время после революции всячески подчеркивалась универсальность «сословной теории», ее пригодность к обстановке 40-х годов. Да и позднее под влиянием перемен в стране некоторые круги БЗНС высказывались за «левую» ревизию теории Стамболийского, считая возможным увязать ее с материалистическим мировоззрением⁵⁷. Верность БЗНС «сословной теории» несомненно препятствовала установлению подлинного взаимопонимания между коммунистами и «земледельцами», способствовала формированию и нарастанию оппозиционных настроений среди значительной части мелкобуржуазных масс.

К положениям «сословной теории» обратилась и «лояльная оппозиция» при разработке программы социально-экономического развития страны. Выйдя летом 1945 г. из состава ОФ, группировка Н. Петкова стала центром формировавшегося в стране оппозиционного лагеря. К ее программе присоединились правые социал-демократы и так называемые «независимые интеллектуалы».

Основу концепции оппозиции формально составляла старая идея «земледельцев» об установлении «аграрно-кооперативного строя», но кооперация при этом рассматривалась как объединение прежде всего зажиточных собственников. Примечательно, что доступ в нее получала и городская буржуазия. Правда, открыто об этом оппозиционеры не говорили, но их лояльное отношение к национальной буржуазии было очевидным. Рассмотрим в качестве примера требование оппозиции ввести кооперативную монополию на табак. Предложение о превращении частных фабрик по первичной переработке табака в кооперативные отнюдь не случайно было поддержано крупными представителями «табачного капитала», поскольку нормальное функционирование предприятий было возможно лишь при их субсидировании. Иными словами, фактически гарантировалось участие определенных кругов буржуазии в получении прибыли, укреплялись их экономические позиции. Следовательно, лозунг «кооперативной монополии» на табак был провозглашен в защиту в первую очередь того, против кого он направлялся во времена Стамболийского. Его авторы преследовали цель уберечь эту отрасль экономики от возможной национализации.

Заявления об экономической и политической самостоятельности кооперации, ее «нейтралитете» по отношению к государственным органам или политическим течениям, «не уважающим собственность»⁵⁸, тоже имели дальний прицел — отразив стремление оппозиции не допустить намеченного коммунистами усиления регулирующей роли народно-демократического государства в экономике страны. Оппозиционерам перспектива виделась в подчинении кооперацией отдельных отраслей промышленности, банков и пр., постепенному вытеснению государственного сектора.

Вооружившись конкретной программой оппозиция попыталась перейти от слов к делу. Сигналом послужило выступление Н. Петкова на съезде Болгарского академического земледельческого союза (БАЗС) в декабре 1945 г., в котором подчеркивалось, что в сфере экономики первоочередной задачей остается создание «кооперативной Болгарии»⁵⁹. В первые месяцы нового, 1946 г., развернулась борьба за руководство кооперацией. Сначала

⁵⁷ Л. А с л а н о в. За ролята на Българския земеделски народен съюз в строителството на социализма. «Социалистическата революция в България. Сборник от исторически студии». София, 1965, с. 359.

⁵⁸ Ив. Г а н е в. Аграрната реформа в чужбина и у нас. София, 1947, с. 201.

⁵⁹ «Народно земеделско знаме», 7 XII 1945.

оппозиционеры попытались утвердиться в ее руководящих органах, используя для этого отчетные и годовые собрания⁶⁰, а когда эти попытки не удалось, призвали летом 1946 г. к чистке кооперации от «политического элемента», «псевдокооператоров»⁶¹, т. е. в первую очередь от коммунистов. Но в целом эта кампания не увенчалась успехом: использовать кооперацию против государственного сектора оппозиции не удалось. В конечном счете она перешла к полной конфронтации всей практической деятельности правительства, открыто заявив в конце 1946 г. о своем несогласии с его внутренней и внешней политикой⁶². Позиция руководства БЗНС-НП привела к тому, что эта партия не только объективно, но и субъективно стала превращаться в центр объединения всех сил, враждебных коммунистам.

В связи с этим становится понятным, почему теоретические построения и практическая деятельность «лояльной оппозиции» оказались приемлемыми для буржуазной Демократической партии. После ее восстановления осенью 1945 г. руководству партии не потребовалось много времени для ориентирования. Уже в первом обращении руководства партии к «болгарским демократам» привлекали внимание формулировки и лозунги, явно рассчитанные на завоевание мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства. К ним относились обещания ограничить частную собственность во имя «справедливости и интересов общества», установить «правильные» отношения между трудом и капиталом на основе «общественной солидарности и социальной справедливости»⁶³ и пр. Обращение содержало также и панегирик Тырновской конституции, которую, как известно, оппозиционный БЗНС-НП провозгласил «святыней» болгарского народа, посвящать на которую преступно.

Нет сомнения в том, что буржуазная Демократическая партия четко осознавала возможные перспективы осуществления концепции «третьего пути» через установление «аграрно-кооперативного строя», поскольку социальная практика чешского аграризма была хорошо известна в Болгарии и, очевидно, могла быть одобрена «демократами»⁶⁴.

По логике вещей Демократическая партия, найдя в лице «лояльной оппозиции» возможности для обходного маневра, должна была прийти к идее блока с ней. В ее пользу говорил, в известной степени, и опыт сотрудничества части БЗНС («Врабчи») в Народном блоке, хотя ситуация существенно изменилась. Если в начале 30-х годов участие «Врабчи» в одном с «демократами» правительстве рассматривалось «земледельцами» как способ восстановления БЗНС в качестве «законной политической силы»⁶⁵ для достижения вполне конкретных целей, то ныне «демократы» и «земледельцы» как будто поменялись местами. Демократическая партия не имела другой возможности для усиления своего влияния в политической и общественной жизни страны, кроме блокирования с «лояльной оппозицией» и единственно на основе принятия ее программы. Возникшая вновь перспектива компромисса на сей раз предусматривала ведущую роль оппозиционного БЗНС. Осенью 1946 г. руководство Демократической партии

⁶⁰ Окръжен партийен архив (ОПА) — Плевен, ф. 4, оп. 3, а. е. 2, л. 37; оп. 4, а. е. 15, л. 21; ЦДА на НРБ, ф. 75, оп. I, а. е. 51, л. 35—36.

⁶¹ «Народно земеделско знаме», 28 VIII 1946.

⁶² «Народно земеделско знаме», 4 XII 1946.

⁶³ «Знаме», 24 IX 1945.

⁶⁴ В Чехословакии кооперативные крестьянские организации превратились в орудие, с помощью которого финансовый капитал овладел всем земледелием. Подробнее об этом см. Е. К у џ е р а, *Zd. Kučerova. O agrárnický stát. Praha, 1955*; J. Č e s a r, *V. Č e r n ý. O ideologii československeho agrarizmu. «Československý časopis historický», 1959, № 2.*

⁶⁵ N. O r e n. Ibid., p. 16.

предложило Н. Петкову создать «большую коалицию» на выборах в Великое Народное собрание⁶⁶, но получило отказ. Видимо, главная причина этого заключалась в нежелании Петкова насторожить объединением с «демократами» шедших за ним сторонников, поскольку буржуазная партия открыто отрицала ОФ и его необходимость для Болгарии. Как известно, оппозиция Петкова выступала за преобразование ОФ, за придание ему того вида, который он имел в канун 9 сентября и непосредственно 9 сентября 1944 г., пока не начал, по словам оппозиционеров, «перерождаться». Определенную роль сыграло, как нам представляется, и укоренившееся в мелкобуржуазных массах недоверие к буржуазной Демократической партии⁶⁷.

Несмотря на различия, объясняемые национальной спецификой, стремление остановить наступление социализма, подорвать руководящую роль компартий, утвердить принципы буржуазной демократии привело к явному сближению аграристских течений различных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя ранее политические позиций их сторонников подчас весьма отличались. Н. Петков, возглавляя «лояльную оппозицию», не раз выражал симпатии и одобрение деятельности Национал-царанистской партии и ее лидера Ю. Маниу⁶⁸, считал образцом для подражания С. Миколайчика⁶⁹. По некоторым сведениям, планировалось объединение оппозиционных сил в рамках региона для освобождения «из-под власти коммунистов», создание «боевого фронта» оппозиции, вероятным руководителем которого называли Э. Бенеша⁷⁰. Об уничтожении «тоталитарной системы» и замене ее «свободной кооперативной системой» как главной цели политической борьбы заявили руководители созданного в Вашингтоне Международного аграрного комитета (МАК), объединившего бывших лидеров крестьянских партий: Димитрова (Гемето), Мачека, Гавриловича, Надя, Миколайчика⁷¹. Поясняя, почему стало возможным создание МАК, Димитров (Гемето) заявил, что различия между аграристскими движениями зависели не от степени их прогрессивности в идеологии и политике, а лишь от «стадии эволюции аграризма»⁷². Видимо, разделяя это мнение, представители болгарской оппозиции в печати и выступлениях часто дублировали призывы и лозунги МАК.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5160, л. 170; д. 5164, л. 274.

⁶⁷ Отказ Н. Петкова от блока с Демократической партией носил тактический характер, об этом свидетельствует факт сотрудничества БЗНС-НП с буржуазной группировкой «независимых интеллектуалов». Их лидер профессор П. Стоянов в начале 30-х годов состоял в Демократической партии, но занимал, особенно по вопросам экономической политики, несколько более либеральные позиции, чем руководство, что и привело в конечном счете к обособлению его сторонников в самостоятельную группировку. (В. Георгиев. Там же, с. 12.) Из-за ее буржуазного состава весной 1945 г. «независимым» было отказано в статусе самостоятельной политической партии. Петков же пошел на сотрудничество с «независимыми», очевидно, учитывая, что они, в отличие от Демократической партии, не были скомпрометированы в глазах трудящихся.

⁶⁸ Софийски градски и окръжен държавен архив (СГОДА), ф. 38, оп. I, а. е. 64, л. 58; «Съвременник», 1946, кн. 17, с. 1022.

⁶⁹ G. P. M u r a s z k o. Historiografia krajów socjalistycznych o nacionalizacji podstawowych środków produkcji w krajach Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej w latach 1944—1948. «Nacionalizacja przemysłu w socjalistycznych krajach Europy». Warszawa, 1976, s. 277.

⁷⁰ J. B e l d a, M. B o u ť e k, Z d. D e y l, M. K l i m e š. Na rosgraňi dvou epoch. Praha, 1968, s. 116.

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6348, л. 127—129; д. 6350, л. 300; д. 8379, л. 200.

⁷² G. M. D i m i t r o v (Gemeto). Agrarianism. «European ideologies. A survey of 20-th century political ideas». New York, 1948, p. 446—447.

Итак, в первые годы народной власти в Болгарии концепции социально-экономического развития страны, предложенной коммунистами, активно противостояла мелкобуржуазная концепция «третьего пути», на основе которой была разработана конкретная программа установления «аграрно-кооперативного строя». В силу ряда причин программа эта не приобрела законченного последовательного характера⁷³, но это не снижало опасности ее воздействия на мелкобуржуазные массы, от позиции которых в значительной степени зависела судьба революции. Альтернативой будущего социалистического развития послевоенной Болгарии не случайно становился аграризм: к идейно-теоретическому наследию БЗНС была вынуждена обратиться и болгарская буржуазия, не рассчитывавшая на успех своих традиционных лозунгов и программных установок.

Популярность среди мелкой буржуазии и крестьянства представлений о мирном преобразовании общества, достижении классовой гармонии, сохранении частной собственности и независимости мелкого производителя усложняла задачи коммунистов по разоблачению аграристских идей. Если в условиях буржуазного общества подобные идеи были прежде всего утопичны, то в новых условиях развития народно-демократической революции они приобрели реакционную окраску, направлялись на срыв созидательной политики и практики компартии, раскол союза рабочего класса и крестьянства. При этом ситуацию затрудняли многоукладность экономики страны, громадное преобладание крестьянского населения, рождавшие сравнительную устойчивость влияния мелкобуржуазной идеологии⁷⁴.

В этих условиях исключительную важность приобрело то обстоятельство, что болгарские коммунисты сумели использовать все исторически прогрессивное в мелкобуржуазной теории аграризма и во взглядах Стамболийского, развернули борьбу за ликвидацию господства буржуазии в стране на основе осуществления традиционных крестьянских требований, сформулированных в близкой и понятной массам форме⁷⁵.

Такая тактика принесла свои плоды: массы убеждались, что, выступая против программы преобразований, предложенной компартией, оппозиция фактически превратилась в защитницу интересов тех слоев общества, против которых боролся Стамболийский и которые являлись прямыми эксплуататорами трудящегося крестьянства⁷⁶. Это обусловило снижение влияния БЗНС-НП среди крестьянских масс, привело в конечном счете к поражению оппозиции. Ставшая возможной ее ликвидация в 1947 г. ознаменовала собой крах идеи создания политического союза буржуазии и крестьянства в Болгарии.

⁷³ М. И с у с о в. Политическите партии в България (1944—1948). Дисертация за присъждане на научната степен «доктор на историческите науки». София, 1976, с. 776.

⁷⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 352.

⁷⁵ К примеру, крайне важный в условиях Болгарии закон об аграрной реформе основывался на положениях, взятых из программы БЗНС, и именно по предложению коммунистов (В. Коларова) получил название «закона о ТПС». (Б. И л и е в. Там же, с. 379—380.)

⁷⁶ См. об этом: Т. В. И г н а т ъ е в а. Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти. «Советское славяноведение», 1976, № 2.

Л. П. РЕШЕТНИКОВ

УЧАСТИЕ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В СССР В 20-х — 30-х ГОДАХ

Политическая эмиграция из Болгарии в Советский Союз как массовое явление возникла непосредственно после поражения Сентябрьского восстания 1923 г. В период с 1923 по июнь 1941 г. в СССР были приняты 2200—2300 болгарских политэмигрантов, членов их семей, детей погибших или находившихся в тюрьмах революционеров¹. Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство, весь советский народ оказывали болгарским политэмигрантам постоянную помощь и поддержку.

В свою очередь, болгарские политэмигранты, встретив в СССР теплый прием, активно включились в социалистическое строительство в нашей стране на самых различных его участках. Большой отряд болгарских революционеров трудился на культурном фронте строительства социализма в Советском Союзе.

Вопросы деятельности болгарской политической эмиграции в СССР привлекают внимание исследователей с конца 60-х годов². За это время было написано несколько работ, затрагивающих некоторые аспекты участия болгарских политэмигрантов в развитии советской культуры и литературы³. В данной статье делается попытка на основе новых, главным образом архивных материалов представить обобщенную картину этой стороны деятельности болгарской политэмиграции в СССР.

Литературная и культурно-просветительская деятельность болгарских политэмигрантов протекала в рамках огромных преобразований, которые переживал Советский Союз в 20-е—30-е годы. Существование на Южной

¹ Л. Решетников. Дейността на МОПР в СССР за подпомагане на българските политически емигранти (1923—1940). «Исторически преглед», 1972, кн. 6, с. 43.

² Н. Белоусов. Ролята на Георги Димитров за интернационалното възпитание на българската политимиграция в СССР. В сб. «Георги Димитров. 1882—1972». София, 1972; М. Дыхан. Българската съветска партийна школа в Днепропетровск и Одеса — огнище на марксистско-ленинска просвета (1924—1930). «Исторически преглед», 1970, кн. 1—2; е го ж е. 'Болгари-политэмигранти у социалистичному будівництві на Україні в 1924—1929 р., Київ, 1973; Л. Решетников. Участие на българските политически емигранти в социалистическото строителство в СССР (1921—1944). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, София, 1974; е го ж е. Формиране на българската политимиграция в СССР. «Годишник на катедрите по научен комунизъм и история на БКП». София, 1974.

³ Н. Белоусов. С перо и слово за делото на Октомври. «Български журналист», 1967, № 10; Л. Пашковскій. Роль болгарської політичної еміграції у розвитку культурних зв'язків між СРСР і Болгарією в 20—30-х роках. «Питання історії народів СРСР», вип. 8, 1969.

Украине местного болгарского населения создавало для нее специфические условия⁴. Работая здесь, болгарские политэмигранты — журналисты, писатели — не только способствовали приобщению населения болгарской национальности к социалистическому строительству в СССР, к культурной жизни страны, но и содействовали развитию болгарской национальной культуры.

Коммунистическая партия Советского Союза, испытывая нехватку кадров для работы среди болгарского населения Украины, активно использовала в этих целях болгарских политэмигрантов. Именно в их среде родилась идея о создании газеты на болгарском языке, призванной значительно активизировать хозяйственную, общественно-политическую и культурную деятельность местного населения.

В начале января 1923 г. заведующий болгарской секцией Бердянского уездного комитета РКП(б) политэмигрант Никола Хареев в письме Василу Коларову сообщает о подготовке издания такой газеты⁵. Скоро эта газета, названная «Селски работник» и редактируемая Н. Хареевым, начала выходить еженедельно⁶. Однако она просуществовала недолго. Причина этого заключалась не только в постоянной нехватке средств, но и в отсутствии опытных журналистов. Инициаторы создания газеты (болгарские политэмигранты Н. Хареев, С. Славов и др.) к сентябрю 1923 г. по решению БКП покинули Бердянский округ — одни были направлены на учебу, другие — на нелегальную работу в Болгарию. Местные кадры были очень малочисленны и недостаточно подготовлены.

С появлением массовой политэмиграции в Советском Союзе сложились и более благоприятные условия для издания газеты на болгарском языке. 15 октября 1924 г. в Харькове тиражом в 3000 экземпляров выходит первый номер газеты «Сърп и чук», орган Центрального болгарского бюро (ЦББ) при ЦК КП(б)У. Редактором газеты стал член БКП из г. Берковица Серафим Мицев. В ней активно сотрудничали Годорка Шехавцова (Василева), Петр Божинов и другие политэмигранты. Для «Сърп и чук» писал статьи и В. Коларов⁷.

Новая газета издавалась для крестьянской массы, которая в течение десятиков лет испытывала на себе не только политический и экономический, но и национальный гнет самодержавия. Это привело к определенному обособлению болгарских сил, к их национальной замкнутости. Ликвидация этих последствий политики самодержавия была одной из важнейших задач, содействовать решению которой должна была газета «Сърп и чук». Вместе с тем газета была органом Советской власти на селе, агитатором, пропагандистом и организатором социалистических преобразований в болгарских районах Украины. «Задача нашей газеты „Сърп и чук“, — писал в одной из передовых статей С. Мицев, — заключается в том, чтобы организовать крестьянство, разбудить его заснувшую мысль, заинтересовать его в социалистическом строительстве и поднять в культурном отношении»⁸.

Для решения этой задачи ЦББ при ЦК КП(б)У проделало большую работу по укреплению связей газеты с читателями болгарской национальности, по укомплектованию ее редакции опытными кадрами, по ста-

⁴ С середины XIX в. в ряде районов Украины (Приазовье, Одесская обл., Крым) проживали компактные группы болгар. К 1924 г. они насчитывали 200 тыс. человек. См. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЦГАОРСС) УССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 3278, л. 13.

⁵ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (далее — ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 1035, л. 1.

⁶ «Съветско село», 30 IV 1926. (Орган ЦК КП(б)У на болгарском языке).

⁷ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 9, л. 20.

⁸ «Сърп и чук», 12 X 1925.

биллизации тиража газеты. С января 1926 г. она выходит под новым названием — «Съветско село»⁹. Газету возглавил новый редактор — заведующий ЦББ при ЦК КП(б)У Генко Крыстев (Малчев)¹⁰, в прошлом — редактор газеты «Учителско дело» в Болгарии. Заместителем редактора также был назначен политэмигрант — Иван Петров (Жолев)¹¹. Из политэмигрантов состояла и большая часть сотрудников редакции.

Реорганизация работы газеты скоро приносит свои плоды: «Съветско село» начало выходить регулярно с более или менее постоянным тиражом, укрепились связи с местным болгарским населением. В 1926 г. газета уже располагала небольшим, но активным отрядом сельских корреспондентов (80 человек)¹². Селькоровское движение было одной из главных забот редакции, придававшей ему большое значение. Наряду с селькорами в газете часто выступали и болгарские политэмигранты. Особенно интересными и злободневными были статьи Генко Крыстева, Ивана Петрова, Тодорки Шехавцовой, Кузмана Стойкова (Планински), Серафима Мицева, Невены Генчевой, Марина Гордева. Обычно они затрагивали широкий круг вопросов: разоблачение враждебной деятельности кулаков, организация работы селькоров, женское и комсомольское движение в болгарских селах, проведение выборов в сельсоветы, вопросы внутрипартийной работы, коллективизации и т. п. Значительное место на страницах газеты отводилось освещению событий в стране, уделялось внимание и проблемам международной жизни. В «Съветско село» печатались статьи руководителей БКП. Так, в одном из февральских номеров 1927 г. была опубликована статья Георгия Димитрова, посвященная третьей годовщине со дня смерти В. И. Ленина¹³.

Все это способствовало росту авторитета газеты, как в глазах местного болгарского населения, так и среди болгарских политэмигрантов, которые считали ее в определенной степени своей газетой. Член БКП, политэмигрант Георги Топалов писал в «Съветско село»: «...Мы были счастливы прочесть нашу газету „Съветско село“, руководителя и учителя болгарских крестьян. Хотя я и политэмигрант, но как крестьянский сын не могу не пожелать советским крестьянам... быть примером для крестьян всего мира. Пусть в каждом доме получают и читают „Съветско село“, которое освещает на болгарском языке экономическое и культурное развитие села в великом Советском Союзе»¹⁴.

В конце 20-х годов в связи с проведением курса на коллективизацию сельского хозяйства страны изменяется характер газеты; перед ней ставятся новые, еще более ответственные задачи. Необходимо было основное внимание направить на вопросы создания колхозного строя в болгарских селах Украины. От газеты требовалась наступательная и искусная пропаганда преимуществ коллективного ведения хозяйства, популяризация опыта активных участников коллективизации, непримиримая борьба с ее противниками. В успешном решении этих задач наряду с другими сотрудниками редакции деятельное участие принимали политэмигранты, работавшие в «Съветско село».

В мае—июле 1929 г. до перехода на ответственную партийную работу редактором «Съветско село» работал Иван Петров (впоследствии вернулся в Болгарию и в 1937—1940 гг. был членом Политбюро ЦК БРП). За это

⁹ «Съветско село», 30 IV 1926.

¹⁰ Там же, 3 I 1926.

¹¹ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 52, л. 3, 9.

¹² Там же, ед. хр. 9, л. 6.

¹³ «Съветско село», 14 II 1927.

¹⁴ Там же, 8 VI 1926.

время газета еще более укрепила связи с читателями, тираж ее достиг 2000 экземпляров ¹⁵.

С сентября 1929 г. по май 1932 г. редакционную коллегию газеты возглавлял бывший кмет Новозагорской коммуны, опытный член БКП Кузман Стойков ¹⁶. Под его руководством газета проходит качественно новый этап в своем развитии.

Редакция пополняется опытными коммунистами-политэмигрантами. Поэт и писатель Желязко Терпешев (Т. Андреев) становится заместителем редактора ¹⁷, а член БКП с 1919 г. Илия Иванов ответственным секретарем редколлегии ¹⁸. Заведующим массовым отделом редакции был назначен участник побега 43 болгарских революционеров с острова Анастасия Георги Пройков ¹⁹, а сельскохозяйственный отдел возглавил один из руководителей врачанской организации БКП в 1923—1925 гг. Иван Ненов ²⁰.

С 1930 г. газета называется «Коллективист», тираж ее вырастает до 7500 экземпляров ²¹. Само название газеты, укрепление ее опытными сотрудниками свидетельствовали о том, какие важные задачи ставила КП(б)У перед «Коллективистом». Коллективизация в болгарских селах Украины, укрепление там колхозного строя — именно эти вопросы находились в центре всей деятельности газеты. Сотрудники «Коллективиста» часто посещали колхозы и совхозы, оказывая им практическую помощь. В районы, где наблюдалось отставание в проведении коллективизации, в выполнении плана зернопоставок, направлялись специальные редакции «Коллективиста», издававшие «походные газеты». Например, в декабре 1932 г. такая редакция во главе с Г. Пройковым работала в колхозах им. Д. Благоева и им. XII годовщины Октября, которые из-за кулацкого саботажа не выполняли плана зернопоставок и плохо подготовились к весеннему севу. В первом номере «походной газеты» Г. Пройков писал о ее задачах: «Мобилизация колхозников на самоотверженную борьбу за выполнение плана зернопоставок, за успешную подготовку к весеннему севу, за организационное и хозяйственное укрепление колхозов» ²².

Походные редакции газеты «Коллективист», возглавляемые политэмигрантами Г. Пройковым, Н. Нейковым (Петрушкин) и другими, в 1932—1933 гг. успешно решали эти задачи в Благоевском, Ольшанском и Коларовском районах Украины.

После отъезда К. Стойкова на нелегальную партийную работу в Болгарию газету «Коллективист» с ноября 1932 по ноябрь 1933 г. возглавляет пловдивский коммунист Атанас Деведжиев ²³. В это время в газете часто публикуются статьи и заметки Крума Кюлявкова, Петра Аджарова, Александра Даскалова, Симеона Симеонова, Генко Крыстева, Илии Царева и многих других болгарских политэмигрантов.

В начале 30-х годов «Коллективист» превратился в постоянную массовую колхозную газету. В 1932 г. она уже располагала почти 300 селькорами из среды местного населения и болгарских политэмигрантов ²⁴. В редакцию «Коллективиста» приходят местные болгары — лучшие представи-

¹⁵ Там же, 1 V 1929; 20 VIII 1929.

¹⁶ Там же, 1 IX 1929; «Коллективист», 22 V 1932.

¹⁷ Ж. Терпешев. Избрани произведения. «Български писател», София, 1964, с. 14.

¹⁸ Харьковский облпартархив, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 220, л. 19.

¹⁹ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 52, л. 34.

²⁰ Харьковский облпартархив, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 220, л. 19.

²¹ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 9, л. 6.

²² Там же, ед. хр. 1, л. 1.

²³ «Коллективист», 15 XI 1932, 7 XI 1933.

²⁴ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 9, л. 6.

тели селькоровского движения. Но ее ядро по-прежнему составляли политэмигранты. Как и ранее, здесь работают И. Иванов и И. Ненов. С 1934 г. различные отделы редакции «Коллективиста» возглавляли Т. Шехавцова и В. Бояджиев²⁵. Заместителем редактора газеты известное время работает Йордан Стоянов. Он эмигрировал в Советский Союз в 1926 г., окончил Ленинградский коммунистический университет и аспирантуру Ленинградского института марксизма-ленинизма и был направлен на работу в «Коллективист»²⁶. В июле 1935 г. И. Стоянов становится редактором газеты²⁷. В это время «Коллективист» продолжает играть большую роль в мобилизации колхозного крестьянства на выполнение грандиозных задач, поставленных Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством. Так, особое внимание газета уделяла организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов, вопросам повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины.

Редакция «Коллективиста», состоявшая главным образом из политэмигрантов, поддерживала постоянные контакты с руководством БКП и прежде всего с Г. Димитровым, В. Коларовым, А. Ивановым, Ст. Димитровым, которые рассматривали их работу в газете и как прекрасную практику для кадров болгарской коммунистической журналистики.

Во второй половине 1936 г. газета «Коллективист» была переведена в Киев, где она выходила еще более года. За время своего существования газета «Коллективист», издававшаяся при активном участии болгарских политэмигрантов, сыграла важную роль в победе колхозного строя и в развитии культуры в болгарских селах Украины.

Кроме «Коллективиста» издавались и другие газеты на болгарском языке. Так, в 1934 г. там выходили три районные и пять газет политотделов МТС²⁸. Они также имели большое значение для успешного социалистического преобразования болгарских сел. Как местные органы они были тесно и непосредственно связаны с проблемами районов, имели возможность более оперативно реагировать на все происходившие там события.

В январе 1931 г. начала выходить газета «Коллективно поле», орган Коларовского райкома КП(б)У²⁹. Одним из первых сотрудников редакции был политэмигрант И. Ненов³⁰. Впоследствии редакторами «Коллективно поле» работали Никола Георгиев, Нейко Нейков, Георги Пройков, Велик Бояджиев, Райна Титоренкова, Йордан Тодоров. В газете сотрудничали и многие политэмигранты, работавшие в Коларовском районе.

В Ольшанском районе выходила газета «Колхозен труд». Первым редактором газеты стал выпускник Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) в Москве Димитр Рогушев³¹. В 1932 г. редактором газеты был назначен Стоян Купенов. Член БКП с 1923 г., участник Сентябрьского восстания в Бургасском округе, после его поражения он эмигрировал в Советский Союз. Здесь С. Купенов окончил годичный курс болгарского сектора Екатеринославской совпартшколы, а затем КУНМЗ³². Известное время редактором газеты «Колхозен труд» работал и Г. Пройков³³.

²⁵ Харьковский облпартархив, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 220, л. 19.

²⁶ Там же, л. 21.

²⁷ «Коллективист», 6 VII 1935.

²⁸ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 9, л. 4.

²⁹ «Коллективно поле», 14 I 1931.

³⁰ Харьковский облпартархив, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 220, л. 19.

³¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 529, оп. 1, ед. хр. 294, л. 11.

³² Там же, ед. хр. 275, л. 15; ед. хр. 294, л. 4, 11.

³³ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 15, л. 33; ед. хр. 20, л. 41.

В феврале 1932 г. выходит первый номер газеты «Комунар», органа Благоевского РК КП(б)У, РИК и РПС. В передовой статье этого номера секретарь Благоевского райкома партии политэмигрант И. Петров писал: «Газета „Комунар“ с большевистской настойчивостью, под руководством партии, должна стать коллективным агитатором и организатором всего трудового населения в деле успешного решения задач социалистического преобразования советского села»³⁴. Вскоре «Комунар» превратился именно в такую газету.

С февраля 1932 по май 1936 г. редактором «Комунара» работал Петр Станев, выпускник Ленинградского комуниверситета³⁵. В это же время в редакции работали члены БКП Ангел Ангелов³⁶ и Беню Бенев (К. Мартинов)³⁷. Отдельные номера газеты выходили при активном участии Ивана Нейнски, Сребрина Чукова, Стояна Коларова. В газете часто публиковались статьи политэмигрантов Ивана Петрова, Ивана Пиперкова, Димитра Сиракова, Георги Минчева, Георги Николова, Станчо Кирчева, Савы Балабанова, посвященные важнейшим вопросам хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни района. Об актуальности этих статей свидетельствуют и их названия: «Овладение марксизмом-ленинизмом — боевая задача», «Итоги распределения доходов хозяйственного года», «Выполним план зернопоставок на 100%!», «За образцовое социалистическое животноводство», «В бой за хлеб», «За свои стахановские нормы» и т. д. С мая 1936 г. по июль 1937 г. «Комунар» редактировал И. Нейнски, а затем один из руководителей организации БКП в 1919—1923 гг. в Кюстендилье Никола Грынчаров³⁸.

Газеты на болгарском языке «Комунар», «Коллективно поле», «Колхозен труд» были созданы в период социалистического преобразования советского села. Руководимые главным образом болгарскими политэмигрантами, они сыграли важную роль в приобщении местного населения к активному участию в этом преобразовании, к созданию и укреплению колхозного строя.

В созданных в 1933 г. политотделах МТС также издавались газеты. Все они возглавлялись болгарскими политэмигрантами. Например, Велик Бояджиев был редактором газеты «Селянска правда», органа политотдела Мюдювской МТС в селе Зеленовка. В этой же газете секретарем редакции работал Тего Куюмджиев (Серски)³⁹. Выпускник КУНМЗ политэмигрант Йордан Тодоров был редактором газеты «Ударник», органа политотдела МТС в с. Коларовка⁴⁰.

Болгарские политэмигранты были организаторами издания пионерского журнала «Бъди готов!». Первый номер журнала вышел в Харькове в мае 1929 г. как орган Центрального бюро детского движения на Украине и ЦББ при ЦК КП(б)У, а его первым редактором стал политэмигрант Атанас Деведжиев⁴¹.

Журнал «Бъди готов!» был создан в целях организации пионерского движения в болгарских селах Украины. Он давал широкую информацию о жизни и деятельности пионеров в Советском Союзе и за рубежом, часто публиковал материалы о жизни детей трудящихся в буржуазной Болгарии. В начале июля 1929 г. в газете «Съветско село» выходит рецензия

³⁴ «Комунар», 25 II 1932.

³⁵ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 15, л. 59; «Комунар», 1932—1936.

³⁶ ЦДА на НРБ, ф. 11, оп. 1, а. е. 11, л. 9.

³⁷ Архив на градски комитет на бойците против фашизма и капитализма (далее — АГК на БПФК) — София. Лично дело на Беню Иванов Бенев.

³⁸ «Комунар», 1932—1937.

³⁹ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6, 17, 56.

⁴⁰ Там же, л. 61.

⁴¹ «Бъди готов!», 1929, № 1.

одного из руководителей БКП Станке Димитрова на первый номер «Бъди готов!». Видный деятель партии, отметив достоинства и недостатки молодого журнала, особо подчеркнул ту важную роль, которую должен сыграть журнал в деле воспитания подрастающего поколения Страны Советов⁴².

В продолжение года (с января 1931 до января 1932) редакцией «Бъди готов!» руководил известный писатель, один из основоположников социалистического реализма в болгарской литературе Крум Кюлявков⁴³. Здесь он публикует свои рассказы, стихотворения, карикатуры. На страницах журнала часто появляются рассказы, очерки и статьи Марко Марчевского, ставшего в социалистической Болгарии видным детским писателем. По нашим данным, в 1929—1934 гг. в журнале «Бъди готов!» он опубликовал около 20 своих произведений. Часть публикаций Марчевского была посвящена болгарским детям, их участию в Сентябрьском восстании 1923 г. (рассказы «В стране роз», «Первое мая» и др.), немало очерков и статей рассказывали и о жизни пионеров в Советском Союзе, об успехах страны в социалистическом строительстве («Борьба за новый путь», «Харьковский гигант» и др.).

Кроме К. Кюлявкова и М. Марчевского, со своими рассказами, очерками и статьями в журнале выступают Н. Генчева, П. Аджаров, Р. Кандева, К. Стойков. В «Бъди готов!», который выходил до 1939 г., активно работали и другие болгарские политэмигранты. Среди них необходимо отметить Денчо Славова, возглавлявшего редакцию журнала в 1932—1933 гг., и заместителей редактора Г. Пройкова и В. Бояджиева⁴⁴.

В 1931—1933 гг. в Харькове выходил журнал «Млад ударник», орган ЦК ЛКСМУ на болгарском языке. Его редактором некоторое время работала политэмигрантка Райна Кандева⁴⁵.

Журналисты-политэмигранты работали не только в болгарских районах Украины. Некоторые из них были редакторами и сотрудниками многотиражных газет крупных промышленных предприятий СССР. Например, Здравко Тодоров известное время редактировал газету московского завода «Компрессор»⁴⁶. Больше пяти лет редактором одной из заводских газет в Москве был Васил Кысовски⁴⁷. В редакции заводской многотиражки в Подольске работал Иван Лазаров⁴⁸ и т. д. Руководимые политэмигрантами или выходившие при их активном участии газеты промышленных предприятий имели большое значение для мобилизации рабочих коллективов на борьбу за выполнение производственных планов, ликвидацию недостатков в работе, организацию социалистического соревнования, активизацию общественной жизни.

Значительная группа болгарских политэмигрантов работала в районных, областных и республиканских периодических изданиях. В 1930—1931 гг. К. Кюлявков возглавлял художественный отдел редакции газеты «Коммунист», органа ЦК КП(б)У. В то же время как карикатурист он активно сотрудничает в областной газете «Харьковский пролетарий»⁴⁹. В СССР раскрылся талант журналиста у коммуниста Янко Масликова. После окончания в 1929 г. Государственного института журналистики он работал заместителем редактора газеты «Красный Урал» в городе

⁴² «Съветско село», 10 VII 1929.

⁴³ «Бъди готов!», 1931, № 1—4; 1932, № 23—24.

⁴⁴ Там же, 1932—1938.

⁴⁵ Архив на Музея на революционното движение в България (далее — АМРДБ). Биографични сведения за Райна Кандева.

⁴⁶ Окръжен партиен архив (ОПА)-Стара Загора. Спомени, № 395, с. 5.

⁴⁷ В. К ъ с о в с к и. Пътят на комуниста. София, 1970, с. 117—118.

⁴⁸ Архив на ОК на БПФК-Видин. Лично дело на Иван Георгов Лазаров.

⁴⁹ Централен държавен исторически архив, ф. 525, оп. 1, а. е. 1, с. 5.

Уральске. Вскоре Маслинков был уже назначен редактором казахского республиканского журнала «Степной колхозник», который возглавлял до перехода на партийную работу в начале 1932 г. В 1936 г. после четырехлетнего перерыва Я. Маслинков снова возвращается на журналистскую работу и становится главным редактором областной газеты «Социалистическая Караганда». С начала Великой Отечественной войны капитан Советской Армии, болгарский коммунист Я. Маслинков — на фронте. Он погиб в июле 1944 г. в боях под Ленинградом⁵⁰.

Лилия Карастоянова, Петр Нейчев, Добри Бедев, Сава Гановски, Атанас Ненов, Желязко Терпешев сотрудничали в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Гудке» и других советских газетах.

В Советском Союзе плодотворно трудилась и группа политэмигрантов-писателей. Деятельность этой группы в значительной степени была связана с газетой «Коллективист» и другими периодическими изданиями на болгарском языке. Именно в них впервые публикуются литературные произведения политэмигрантов. Так, в 1927 г. в газете «Съветско село» были опубликованы стихотворения Ж. Терпешева «Наша клятва», «Эскадрилья» и др., рассказы М. Марчевского и Н. Генчевой⁵¹. Постепенно при газете формируется группа молодых авторов. Но особенно оживилась, а затем и организационно оформилась деятельность молодых болгарских писателей после прибытия в Харьков К. Кюлявкова.

20 сентября 1930 г. в газете «Коллективист» было опубликовано сообщение К. Кюлявкова, М. Марчевского, Ж. Терпешева о создании группы «Болгарские писатели Украины». «Цель группы, — отмечали ее организаторы, — воспитание литературных кадров и создание болгарской пролетарской художественной литературы»⁵². 7 ноября в письме газете «Коллективист» о своем присоединении к группе сообщили Н. Генчева и местный болгарин Н. Фуклев, а в январе 1931 г. П. Аджаров и местный болгарин А. Кетков⁵³. Впоследствии к группе присоединились политэмигранты Божко Божков (Петр Чудра)⁵⁴, Алекси Величков⁵⁵, а также местные болгары Д. Марков, А. Преславска, П. Мавроди. Итак, в начале 30-х годов в Харькове было создано небольшое литературное объединение, в которое входили и семь болгарских политэмигрантов. Это объединение организационно было связано с Всеукраинским союзом пролетарских писателей.

Болгарские писатели развернули широкую деятельность, направленную на развитие болгарской литературы в СССР, распространение ее в нашей стране, приобщение населения болгарских национальных районов Украины к культурной жизни Советского Союза. С этой целью писатели-политэмигранты предпринимают поездки по болгарским селам. Так, летом 1931 г. в Коларовский район прибыли К. Кюлявков и М. Марчевски, где они организовали пять литературных кружков⁵⁶.

Творческая продукция писателей-политэмигрантов часто появлялась на страницах газеты «Коллективист», журнала «Бъди готов!», выходила отдельными книгами. В 1931 г. М. Марчевски издает сборник рассказов «Бунт»⁵⁷, свои книги публикуют П. Аджаров и Б. Божков⁵⁸.

⁵⁰ ОПА-Бургас, инв. № 406, р. 11, с. 220—221.

⁵¹ «Съветско село», 21 I 1927; 20 VI 1927; 26 VI 1927; 17 II 1927.

⁵² «Коллективист», 20 IX 1930.

⁵³ Там же, 7 X 1931; 15 X 1931.

⁵⁴ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 42, л. 6.

⁵⁵ П. С о х а н ь. Вогонь вічної дружби. Київ, 1966, с. 62—63.

⁵⁶ «Коллективист», 5 VI 1931.

⁵⁷ «Октомври и развитието на българската литература». София, 1967, с. 207.

⁵⁸ П. А д ж а р о в. Ни аз. Харьков, 1934; П. Ч у д р а. Паравел. Киев, 1938.

Результатом плодотворной деятельности группы было издание литературных альманахов — в 1932 г. «Первая ударная», в 1934 г. «Подъем». В них были опубликованы талантливые произведения К. Кюлявкова, М. Марчевского, П. Аджарова⁵⁹. Основной темой творчества писателей-политэмигрантов являлась жизнь и борьба трудящихся в Болгарии. Вместе с тем в некоторых произведениях Кюлявкова, Марчевского, Аджарова, Божкова, Генчевой, Терпешева находили отражение и темы, связанные с советской действительностью, с великими преобразованиями в СССР.

В 1934 г. группа болгарских писателей при газете «Коллективист» была преобразована в секцию Союза писателей Украины. В это время в ее составе произошли некоторые изменения: Ж. Терпешев был направлен на журналистскую работу в Черкесию, а М. Марчевски в связи с амнистией вернулся в Болгарию. Остальные члены группы продолжали работать на литературном поприще в Харькове. В этом отношении особенно выделяется творческая деятельность Крума Кюлявкова. В Советском Союзе он написал и опубликовал четыре сборника стихов, поэму «Атака», роман «Перелом», сатирический роман «Чистокровный ариец»⁶⁰. И это, не считая его многочисленных статей, очерков, рассказов, карикатур в «Коллективисте», «Бъди готов!», в различных советских периодических изданиях. Летом 1935 г. украинская газета «Вісті» писала: «...один из самых талантливых болгарских писателей Крум Кюлявков находится на новом этапе своего творчества. В последние годы он создал целый ряд замечательных произведений»⁶¹.

Организационно был связан с болгарской секцией СПУ в Харькове работавший в Киеве литературный критик, член БКП Алекси Величков. Там вышла его книга о жизни и творчестве болгарского пролетарского поэта Хр. Смирненского. Кюлявков, оценивая этот труд А. Велиčkова, писал: «... едва ли мы имеем другое такое подробное исследование творчества Христо Смирненского»⁶². А. Величков опубликовал несколько литературоведческих статей и в «Коллективисте»: «Сентябрьское восстание и художественная литература», «Христо Ботев», «Пушкин и современность» и другие⁶³.

В мае 1937 г. болгарская секция СПУ провела в Одессе совещание советских писателей, литературоведов, молодых авторов, пишущих на болгарском языке⁶⁴. Основной доклад на совещании сделал К. Кюлявков. Он подвел своеобразный итог развития литературы на болгарском языке в Советском Союзе за последние десять лет. В докладе были отмечены значительные успехи, достигнутые в этом отношении. Если в начале 20-х годов в СССР не было ни одного литератора, писавшего на болгарском языке, то к концу 30-х годов существовала большая группа болгарских писателей, литературных критиков, публицистов и журналистов. Все они выросли за годы Советской власти, которая предоставила прекрасные возможности для экономического и культурного подъема каждой нации, каждому народу. В своем докладе К. Кюлявков дал критический анализ творчества молодых, подробно остановился на задачах советской болгарской литературы. Идти в ногу с жизнью, отражать величие социалистического строительства, создавать в своих произведениях образ советского

⁵⁹ «Коллективист», 5 IV 1934.

⁶⁰ ЦДИА, ф. 525, оп. 1, а. е. 1, с. 2—3.

⁶¹ Там же, а. е. 349, с. 2.

⁶² «Работническо дело», 17 IX 1968.

⁶³ «Коллективист», 23 IX 1936; 10 XII 1936; 10 II 1937.

⁶⁴ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 3, оп. 1, а. е. 532, с. 6.

человека — к этому призывал своих молодых коллег К. Кюлявков⁶⁵.

В совещании принял участие представитель Заграничного бюро БКП Димитр Гачев, который поддерживал тесные творческие контакты с группой болгарских писателей в Харькове, хотя и не был связан с ней организационно. Критические статьи Д. Гачева часто появлялись на страницах «Коллективиста», а также «Литературной газеты», «Нового мира» и др. Они были посвящены болгарской классической литературе, творчеству его современников — Л. Стоянова, Хр. Смирненского, К. Кюлявкова⁶⁶.

Некоторые писатели-политэмигранты работали независимо от харьковской группы. Так например, в Советском Союзе в эмиграции известное время находилась болгарская писательница Анна Карима. Она не только собирала материалы для своей книги о СССР, но и активно участвовала в агитационно-пропагандистской работе, неоднократно выступая перед советской общественностью с докладами о фашистском терроре в Болгарии. В 1928 г. после амнистии А. Карима вернулась в Болгарию, где издала книгу «В сегодняшней России», исполненную искренней симпатии к стране победившего пролетариата⁶⁷.

В 1938 г. в журнале «Звезда» была опубликована повесть политэмигранта Ивана Станева «В горах Болгарии». В. Коларов писал в Ленинград молодому автору: «Благодарю тебя за прекрасный номер „Звезды“, в котором опубликована твоя повесть. Прочел ее с удовольствием. В ней ярко изображена самоотверженность, героизм, преданность четников (участники партизанского движения в Болгарии 1924—1925 гг. — Л. Р.), их ненависть к фашистским извергам... Я верю, что советские читатели с удовольствием прочтут эту страницу героической истории борьбы против фашизма в Болгарии...». И. Станев написал еще повесть «Кавал зовет», несколько брошюр. Полный творческого энтузиазма он работает над романом, но после тяжелой болезни 5 марта 1941 г. 38-летний болгарский писатель умер в Ленинграде⁶⁸.

Плодотворной была литературно-критическая деятельность в СССР видного болгарского коммуниста Георги Бакалова. Он занимался исследованием творчества Христо Ботева и вопросов влияния русской литературы в Болгарии. Кроме многочисленных статей по этим темам, он опубликовал в 1936 г. в Харькове книгу «Христо Ботев — жизнь и поэзия». Вместе с К. Кюлявковым и М. Марчевски Г. Бакалов был избран делегатом болгарских писателей-политэмигрантов на II Международный конгресс пролетарских писателей в Харькове⁶⁹.

С Г. Бакаловым, К. Кюлявковым, М. Марчевски, Д. Гачевым, А. Величковым и другими в значительной степени была связана и большая издательская деятельность болгарских политэмигрантов в Советском Союзе. Политэмигранты в течение многих лет работали в болгарском секторе Украинского государственного издательства национальных меньшинств (УГИНМ). Так, в 1932 г. главным редактором сектора была Райна Кандева⁷⁰, а в 1934—1937 гг. — Александр Даскалов⁷¹.

⁶⁵ А. Кетков. Страницы от недалечното минало. «Септември», 1970, № 11, с. 21.

⁶⁶ «Октомври и развитието...», с. 212; «Коллективист», 17 V 1937.

⁶⁷ В. Хаджиниколов. Революционното въздействие на съветския пример върху нашата страна. В кн. Социалистическата революция в България. София, 1969, с. 77.

⁶⁸ «Знаме на комунизма». Орган на ОК на БКП-Търговище, 29 IV 1971.

⁶⁹ О деятельности Г. Бакалова в СССР см. подробнее: Ж. Авджиев. Георги Бакалов. Литературно-критическа дейност. София, 1959; Л. Пашковски. Там же; П. Сохань. Вогонь вічної дружби. Київ, 1966 и др.

⁷⁰ «Коллективист», 11 VI 1932.

⁷¹ ЦГАОРСС УССР, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 9, л. 99.

Болгарский сектор провел значительную работу по публикации литературы на болгарском языке, как переводной, так и оригинальной. В его издательском плане на 1936 г. указаны 56 наименований и среди них произведения писателей-политэмигрантов К. Кюлявкова, П. Аджарова, местных литераторов Д. Маркова, Н. Фуклева, классической и современной болгарской литературы, мировой классики, советских писателей М. Шолохова, В. Маяковского, Н. Островского и др. В издательской работе сектора принимала участие большая группа политэмигрантов. Г. Бакалов, Д. Гачев, К. Кюлявков, Т. Киркова, Ц. Ташева, например, редактировали вышедшие книги, писали предисловия к ним⁷². Тесные деловые связи с болгарским сектором УГИНМ поддерживал В. Коларов⁷³.

В 30-х годах литературу на болгарском языке, кроме УГИНМ, издавали также Издательство иностранных рабочих, Партиздат ЦК КП(б)У, Сельскохозяйственное издательство, Государственное детское издательство УССР и другие⁷⁴. В этих издательствах сотрудничали болгарские политэмигранты Георги Михайлов, Борис Валев (Вылев), Светослав Колев, Аврам Стоянов.

Болгарские политэмигранты участвовали и в издании произведений болгарских авторов на русском языке. Так, В. Коларов написал предисловие к роману И. Вазова «Под игом», опубликованному в 1928 г. в Москве. Г. Бакалов был автором предисловий к «Избранным произведениям» Хр. Ботева (ГИЗ, 1930), сборникам «Четники» (ГИХЛ, 1931) и «Болгарские поэты» (М., 1932)⁷⁵. Г. Димитров, В. Коларов, Хр. Кабакчиев, Г. Бакалов, Б. Валев, И. Орманов, Д. Гачев активно участвовали в подготовке различных советских энциклопедических изданий.

Кроме того, политэмигранты развивали и плодотворную переводческую деятельность. Особенно выделяются переводы произведений М. Горького, В. Маяковского, Н. Гоголя, Т. Шевченко, осуществленные Г. Бакаловым и К. Кюлявковым. Отдельные произведения Л. Толстого, А. Серафимовича, А. Толстого и других русских и советских писателей перевели М. Марчевски, П. Аджаров, А. Величков, Т. Киркова, Б. Валев, А. Оганесян⁷⁶.

В. И. Ленин рассматривал культурно-просветительскую работу как идеологическую деятельность по воспитанию масс, по формированию марксистского мировоззрения, утверждению коммунистической морали, развитию эстетических потребностей и вкусов⁷⁷. Этим ленинским положением руководствовались и болгарские коммунисты, которые занимались в Советском Союзе культурно-просветительской деятельностью. Особое значение она имела в болгарских селах Украины. Здесь политэмигранты организовывали собрания, концерты художественной самодеятельности, посвященные знаменательным событиям в истории Болгарии и СССР. Так, Георги Дамянов и Кирил Лазаров в августе 1929 г. сообщали в газету «Съветско село», что политэмигранты организовали в с. Цареводаровка (ныне Ботево) собрание, посвященное памяти видного деятеля болгарского революционного движения Георгия Киркова⁷⁸. Для многих крестьян болгарских сел Украины имена И. Вазова, Хр. Ботева, В. Лев-

⁷² ЦПА при ЦК на БКП, ф. 147, оп. 3, а. е. 181, с. 1, 7, 18.

⁷³ Там же, а. е. 26, с. 1.

⁷⁴ «X годишнина на Коларовския български национален район. 1925—1935». Киев — Харьков, 1935, с. 124.

⁷⁵ М. Дыхан. Болгари-політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924—1929 р. Київ, 1973, с. 198.

⁷⁶ «Співдружність літератур». Бібліографічний покажчик (1917—1966). Книжкова палата УССР, Харків, 1969, с. 75, 86, 180, 187, 244, 270, 293 и др.

⁷⁷ Г. К а р л о в. Ленин о культурной революции. Лениздат, 1970, с. 315.

⁷⁸ «Съветско село», 21 IX 1927.

ского, Д. Благоева впервые прозвучали из уст политэмигрантов. Никола Грынчаров, описывая организованные политэмигрантами в с. Преслав торжества, посвященные поэту и революционеру Христо Ботеву, отмечал, что «крестьяне впервые слушали рассказ о жизни и творчестве Ботева»⁷⁹.

Огромное значение для подъема культурной жизни в болгарских районах имели открытия тогда во многих селах клубы, кинотеатры, библиотеки. Здесь работали Гуто Гутов, Стефан Стоенчев, Иосиф Шопов, Борис Мирчев и другие политэмигранты.

Важное место в культурно-просветительской деятельности политэмигрантов занимало их участие в организации болгарских театральных коллективов. Первая болгарская театральная труппа была организована в 1925 г. при болгарской секции интерклуба в Одессе. Ее основателем и руководителем был политэмигрант Кирил Теллалов, а участниками — политэмигранты Васил Шустов, Янко Маслинов, Ганчо Шабанков и другие, а также местные болгары, всего 24 человека. В сентябре — ноябре 1925 г. труппа дала свои первые представления — два в интерклубе и по одному в селах Кошково и Поля орошения⁸⁰.

В 1927 г. в с. Преслав по инициативе политэмигранта Н. Грынчарова была создана еще одна болгарская театральная труппа. За два года существования она дала в болгарских селах 27 спектаклей, на которых присутствовало свыше 6500 зрителей⁸¹. На основе этой и одесской трупп к 1929 г. был создан в Одессе болгарский передвижной театр. Он выступал с пьесами советских и болгарских авторов почти во всех селах Ольшанского, Коларовского и Благоевского районов. В работе театра принимали участие и политэмигранты Н. Генчева и Р. Кандева. Так, в марте 1929 г. один из артистов театра писал в газету «Съветско село»: «...Сейчас мы готовим музыкальную драму, переведенную на болгарский язык без всякого вознаграждения тов. Генчевой и Кандевой, за что мы им глубоко признательны»⁸².

В мае 1934 г. по постановлению ЦК КП(б)У на основе передвижного театра в Одессе был создан болгарский колхозный театр. Только в 1934 г. театр побывал в 48 колхозах и 3 МТС; дал 44 спектакля и 8 концертов. Положительно оценивал деятельность театра Г. М. Димитров. В апреле 1935 г. в письме П. П. Постышеву он писал: «Театр действительно провел очень полезную политико-воспитательную работу в болгарских районах Украины...»⁸³. В этом большая заслуга болгарских политэмигрантов, прежде всего директоров театра — в 1934—1937 гг. Ивана Тодорова Стойчева (В. Константинова)⁸⁴, в 1937—1938 гг. Вылчо Карастоянова (Рудина)⁸⁵.

Политэмигранты вели большую культурно-просветительскую работу во многих районах СССР, весьма активной она была и в Москве. Инициатива в проведении болгарскими политэмигрантами культурно-просветительских мероприятий в Москве принадлежала болгарской секции интерклуба имени Загорского, которая в 1924 г. объединяла 112⁸⁶, в 1927 г. — 276⁸⁷, а в 1929 г. — уже 320⁸⁸ политэмигрантов. Здесь активно работали Станимир Сапунов, Йордан Кискинов, Марин Гешков, Георги Дамянов,

⁷⁹ Там же, 6 VI 1927.

⁸⁰ Там же, 9 I 1926.

⁸¹ ЦГАОРСС УССР, ф. 166, оп. 8, ед. хр. 552, л. 66—67.

⁸² «Съветско село», 25 III 1928.

⁸³ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 146, оп. 2, а. е. 1756, с. 1, 5.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Коллективно поле», 7 VII 1937.

⁸⁶ Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 196, л. 11.

⁸⁷ Там же, ед. хр. 378, л. 157—158.

⁸⁸ Там же, ед. хр. 846, л. 64.

Димитр Гачев, Борис Валев, Теохар Бакырджиев, Панайот Ярымов и многие другие.

Еще осенью 1924 г. драмкружок болгарских политэмигрантов в Москве поставил на сцене Дома крестьянина пьесу «Луч над Странджей», автором которой и исполнителем одной из главных ролей был политэмигрант Илия Бояджиев⁸⁹. В активе культурно-просветительской работы болгарской секции интерклуба — многочисленные собрания, беседы, тематические вечера, встречи с советскими рабочими и т. п. Как отмечается в документах интерклуба им. Загорского, встреча с рабочими завода «Красный Октябрь», в которой участвовали болгарские, венгерские и итальянские политэмигранты, прошла «с большим успехом»⁹⁰.

В 1926 г. политэмигранты организовали хор при болгарской секции клуба, а впоследствии и ансамбль народного танца. Эти коллективы были частыми гостями предприятий и учреждений Москвы. Так, например, в 1929 г. они дали концерты на заводе «Динамо», в Центральном клубе текстильщиков, в Сельскохозяйственной академии и т. д.⁹¹

Большую культурно-просветительскую работу проводили также политэмигранты, входившие в болгарские секции интерклубов в Одессе, Харькове, Ленинграде, Днепропетровске. В различных районах СССР в качестве профессиональных культпросветработников трудились Веселина Кожухарова (Иванова), Арменак Такворян, Мария Козовска, Здравко Тодоров, Василка Минчева, Петр Илиев, София Минасян, Стоянка Искова и многие другие болгарские политэмигранты.

Политэмигранты оставили след и в области советского искусства. Имеется в виду творческая деятельность политэмигрантов — художников и скульпторов Камена Цанева, Александра Жендова, Цочо Стоянова, Ивана Ацева, Крума Джакова, Янко Маринова, Вылю Вылева (Валентин Валев), закончивших советские вузы. Член Союза советских художников К. Цанев создал целый ряд интересных произведений: портреты Г. Димитрова и С. Орджоникидзе, бюст Д. Благоева и другие. Как талантливый скульптор был известен в Советском Союзе политэмигрант В. Вылев. Среди его многочисленных творческих удач выделяется памятник В. И. Ленину в городе Шатуре⁹².

Болгарские политэмигранты, в преобладающем своем большинстве закончившие советские вузы, приняли деятельное участие в многогранной культурной жизни Советского Союза. Они внесли свой посильный вклад в развитие культуры в болгарских районах Украины, содействовали ознакомлению советского народа с литературой, искусством и культурными традициями Болгарии. Участие болгарских политэмигрантов в проведении культурной революции в СССР обогащало их ценным опытом, знакомило с лучшими образцами русской и советской культуры. С другой стороны, болгарские политэмигранты получили в Советском Союзе неограниченные возможности для развития болгарской национальной культуры, литературы и искусства. Все это оказало благотворное воздействие на культурное строительство в социалистической Болгарии, на переднем крае которого были бывшие политэмигранты в СССР — видные писатели, партийные журналисты, художники, скульпторы, культпросветработники — К. Кюлявков, М. Марчевски, И. Петров, Р. Кандева, А. Жендов, И. Бояджиев, П. Нейчев, С. Колев, Я. Маринов и десятки других.

⁸⁹ ОПА-Бургас, инв. № 208, р. II, с. 29.

⁹⁰ Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 601, л. 62—63.

⁹¹ Там же, ед. хр. 846, л. 67.

⁹² В. Т и х а н о в а. Валентин Цаневич Валев. М., 1958, с. 12.

Д. С. ПРОКОФЬЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

XIX век в Польше не дал цельной и стройной теории перевода, вероятно, в силу изменчивости переводческих принципов, с одной стороны, и их прикладного значения, с другой. Эволюция принципов художественного перевода здесь, как и во многих других странах, совпадала со сменой направлений и стилей эпохи. Но и в рамках одного стиля, одного направления не было единства взглядов.

В 10—20-е годы у псевдоклассиков в силу традиционной ориентации на французские образцы проблемы перевода занимали определенное место в литературных программах. Решение этих проблем связывалось с классицистическим требованием приблизить сочинения иноземного автора к отечественным. Основной принцип перевода сводился к «национализации».

В литературных программах романтиков вопросы перевода особо не выделялись. Но на основании отдельных высказываний и суждений можно реконструировать переводческие принципы эпохи романтизма, которые становились все более «рациональными» и «трезвыми»¹ по мере того, как речь заходила об обязанностях переводчиков. Перевод должен был не только ликвидировать пробелы в польской литературе, но и способствовать формированию и совершенствованию национального языка, формированию национального сознания. Это было связано с романтической концепцией культуры.

В борьбе за национальную самобытность не обошлось и без издержек: в пылу полемики нередко высказывались крайние суждения о вреде переводов для формирования национальной литературы, национального самосознания. Но крайности суть крайности и они не могли оказать влияния на литературный процесс.

Одновременно с пониманием того, что переводная литература призвана обогащать национальную литературу, складывается представление о том, что перевод важен сам по себе и что переводчик должен дать достаточно полное представление об оригинале.

Мицкевичу принадлежит ведущая роль в формировании романтических принципов художественного перевода. Его рецензии, критические замечания по поводу переводов, собственная переводческая практика позволяют получить представление об этих принципах. Мастерству Мицкевича-переводчика посвящено немало работ польских и советских исследователей. Поэтому представляется целесообразным остановиться лишь на некоторых взглядах великого поэта на то, каким должен быть перевод, что и как нужно переводить.

¹ См. «Teksty», 1975, № 6, s. 10.

Нами избраны польские переводы русской поэзии 20—60-х годов, позволяющие выявить некоторые характерные тенденции переводческой деятельности, которая «в 1822—1863 годы заслуживает названия романтической»².

По числу переводов русская литература уступает французской, немецкой, английской. Однако значение переводов русской литературы, русской поэзии не определяется лишь их количеством. История переводов русской поэзии в Польше отражает интерес польских литературных кругов, польского общества к русской литературе, который был достаточно устойчивым, несмотря на всю сложность исторических взаимоотношений двух народов. Обращение к русской поэзии в Польше было следствием понимания того, что передовые русские литераторы не имели ничего общего со взглядами и политикой власть имущих, с политикой царизма, обрекавшей угнетенные народы на потерю национальной самобытности. В литературе родственного народа искали и находили общие идеи, мысли, настроения. Оппозиционная русская поэзия становилась союзником в борьбе за свободу, вводилась в контекст национальной литературы.

В первой четверти XIX в. переводчик трудился для читателя, который чаще всего знал язык оригинала, поскольку число читателей нередко было ограничено довольно узким кругом образованных людей. Франтишек Салезий Дмоховский во втором десятилетии XIX в. считал, что в Княжестве Варшавском и Королевстве Польском можно рассчитывать на 6000 образованных семей. Е. Лоек также считает, что во всей стране около 30—40 тыс. человек могло быть потенциальными читателями периодической печати. Из них 6—8 тыс. — периодики, политической и литературной, а значит и художественной литературы³. Роль переводчика заключалась не столько в расширении этого круга читающей публики, сколько в увеличении объема культурных ценностей. Поэтому, как утверждает поэт и переводчик Павел Хертц⁴, труд переводчика не уступал созданию оригинальных произведений. (Позже идет процесс расширения круга читающей публики, ее демократизация. Об этом, в частности, могут свидетельствовать архивные материалы, следственные дела участников восстаний — ссыльных. Поэзия становится более доступной, доходчивой в списках и особенно в песенном ее «приспособлении».)

А если обратиться снова к цифрам, к анализу книжных фондов самых крупных книжных лавок в Варшаве, Львове, Вильне в 1823—1827 гг., то можно прийти к выводу не только о преобладании поэзии и драмы над прозой, что, как известно, характерно для эпохи романтизма этого периода, но и к другому интересующему нас в связи с переводами наблюдению. В магазине Завадского в Вильне из 159 поэтических произведений 97 было оригинальных, 69 — переводных, у Венского в Варшаве из 167 104 было оригинальных, 63 — переводов; в лавке Пфаффа во Львове — на 75 книг 34 — оригиналы, 41 — переводы⁵. Итак, переводы составляли значительную часть поэзии, а порой преобладали. Вероятно, можно предположить, что эти цифры отражают не только читательский спрос, но и удельный вес поэтического перевода в литературной жизни того времени.

По данным других подсчетов⁶ известно, что чаще всего переводили поэзию Пушкина, а количество польских литераторов, переводивших с рус-

² Ibid., s. 10.

³ См. J. K a m i o n k o w a. *Życie literackie w Polsce w pierwszej połowie XIX w.* Warszawa, 1970, s. 42—43.

⁴ См. «O sztuce tłumaczenia». Ks. druga. Ossolineum, 1975, s. 90—91.

⁵ Я. Камёнкова использует в своей работе данные статьи: R. C y b u l s k i. *Assortiment księgarń na początku XIX wieku.* «Księgarz», 1960, N 11/12, s. 10—14.

⁶ J. B a c h ó r z. *Obrachunki arytmetyczne z romantyzmem.* «Ruch Literacki», 1975, № 3.

ского и писавших на этом языке, равнялось 37, причем, по мнению Я. Камёнковой, «литературная общественность первой половины XIX в. насчитывала 1100 имен»⁷.

Среди переводов из русской литературы этого периода обращает на себя внимание прежде всего поэзия декабристов. В то время, когда в России были запрещены не только сочинения декабристов, но и всякие упоминания о них, любые намеки на судьбу казненных и ссыльных, в Польше появился анонимный перевод «Дум» Рылеева⁸ с вступлением поэта к первому изданию и предисловием, в котором он пишет о том, что «обязанность каждого писателя — быть для соотечественников полезными, и я, по возможности, желая исполнить долг свой, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или по крайней мере достопримечательнейшие деяния предков наших»⁹.

«Думы» появились в Вильне в 1829 г., когда литературные споры все больше приобретали политическую подоплёку под влиянием нараставшего патриотического движения. В канун восстания, как и во время него и еще долго после, в ссылки и эмиграции, декабристы оставались для польских патриотов символом революционности, примером для подражания. Идеи революционного просветительства, стремление поэта быть полезным соотечественникам, привить им любовь к славным страницам прошлого, к родине — эти цели были близки и понятны патриотически настроенной части польского общества, к числу которой, несомненно, принадлежал переводчик. Разрешение на публикацию «Дум» Рылеева подписал цензор Павел Кукольник, личность весьма неординарная: известно, что в 1865 г. комиссия для рассмотрения польских и жмудских книг, издаваемых в Вильне, приняла постановление «О неправильных действиях цензора Кукольника, который пропускал книги, которые в списках значились запрещенными»¹⁰.

Семью годами ранее, в 1822 г., в России вышел выполненный Рылеевым перевод думы Немцевича о Глинском. Отдельное издание думы русский поэт посвятил «почтенному сочинителю в знак душевного уважения». Рылеев объяснил свой выбор тем, что герой думы принадлежит истории обоих народов, а «измена его отечеству и гибельный конец весьма поучительны». Свой перевод будущий декабрист сопроводил письмом, в котором он признает, что «Исторические песни» Немцевича побудили его выучить язык, «украшенный именами Кохановских, Красицких, Трембецких и Немцевичем». Свой перевод Рылеев считал далеким «от предмета и достоинств подлинника», «более неудачным подражанием нежели переводом». Тем не менее Немцевич назвал перевод отличным¹¹. Из переписки двух поэтов становится очевидным, что патриотизм и общность взглядов на воспитательную роль литературы определила выбор сочинения для перевода. Интересно, что оба сборника — «Думы» и «Исторические песни» — были восприняты как политическая агитация, призывающая к возмущению, и одновременно были изъяты из обращения цензурой.

Сопоставления «Дум» Рылеева с «Историческими песнями» Немцевича, предпринятые русской и польской критикой, позволили обнаружить раз-

⁷ J. K a m i o n k o w a. Życie literackie..., s. 326.

⁸ «Dumy Historyczne Rosyjskie K. Rylejewa. Przekład polski nakładem Aleksandra Zółkowskiego, drukiem Józefa Zawadzkiego». Wilno, 1829.

⁹ См. «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, с. 15—16.

¹⁰ См. И. К о р н и л о в. Русское дело в Северо-Западном крае. СПб., 1901, с. 371; см. также: Д. П р о к о ф ь е в а. Из истории литературной жизни Польши второй половины XIX в. Корреспонденция издателей Завадских. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

¹¹ Более подробно об этом см. Е. М. Двойченко-Маркова. Немцевич и Рылеев. В сб. Польско-русские литературные связи. М., 1970.

личия в «содержании идеала» при сходности целей и задач. Перерабатывая «Думу о Стефане Потоцком», Рылеев в «Волинском» усиливает гражданские мотивы, подчеркивая преимущества «доблести гражданской» перед «подвигом воина». «В противность Немцевичу, поэту военной доблести, Рылеев является певцом мужества гражданского», — писала русская критика¹². Это сравнение важно для понимания того, как складывались традиции в переводческой практике в русской и польской литературе. Разность «содержания идеала» не раз будет определять усиление или ослабление идейного акцента перевода по сравнению с оригиналом.

К декабристской поэзии обращались и поэты, находившиеся в ссылке в разных частях России. Так, некоторые стихи Тадеуша Лада-Заблоцкого, сосланного на Кавказ за антицарское сочинение¹³, так или иначе связаны с поэзией А. Одоевского. Стихотворение «К моей матери» в начальных шести строках почти дословно совпадает с посланием «Отцу» русского поэта-декабриста. Оба сочинения объединяет общая мысль о том, что годы непроницаемой гранью отделяют жизнь прежнюю от жизни настоящей. Четвертая строка выглядит как дословный перевод. Размер стихотворения Лада-Заблоцкого полностью воспроизводит ритмический строй послания «Отцу». Если первые шесть строк можно считать переводом, то в остальных польский поэт развивает тему по-своему. Два других стихотворения ссыльного поэта — «За здоровье Димитрия Демидова» и «Сонет» — свидетельствуют о том, что перевод, как и оригинальное произведение, подчиняется влиянию литературных конвенций, выбор которых, на наш взгляд, имеет глубокий смысл. Вместе с тем стереотип романтического героя, героической личности, живущей по законам новой эпохи, человека, преданного истине, твердого духом, но нежного душой, может и в переводе и в оригинальной поэзии выполнять функции «эзопова языка». «Сонет» написан в год смерти А. Одоевского. Он во многом перекликается со стихотворением Лермонтова. Возможно, что стихотворение русского поэта, которого называли «последним и глубоко искренним эхом декабризма», вызвало к жизни сонет польского ссыльного поэта. Этот сонет можно определить как близкое к переводу вольное подражание, что было одной из форм романтического перефразирования иноязычной литературы, достаточно широко распространенной в то время как в России, так и в Польше. Лермонтовские «Тучки» также послужили основой переделки-подражания: размер и образность сохранены в стихах Лада-Заблоцкого. Изменена конкретика, реалии: «Тучки златистые, тучки серебристые... Мы были бы рады небо Кавказа покинуть и окунуться в отчизны лазурь...». Возможно, использование известного образа было знаком коммуникации, своеобразным кодом. А выбор сочинений для переводов и подражаний свидетельствует о причастности польского поэта-изгнанника к передовой поэзии России, о стремлении продемонстрировать верность демократическим идеалам. Во всяком случае идеологическая функция переводов-подражаний видится именно в этом.

Декабристов, в свою очередь, привлекала польская поэзия. Так, В. К. Кюхельбекер писал Ю. Глинке в 1829 г. из динабургского заточения: «...теперь не упущу польского языка: поэты их Немцевич, Одынец, Мицкевич — достойны всякого уважения. Последнего знаю по переводам: его Крымские сонеты дивно хороши, даже в наших нестихотворных положениях, что же в подлиннике?»¹⁴.

¹² А. Н. Сиротинин. Рылеев и Немцевич. «Русский архив», 1898, кн. 1, с. 72—76.

¹³ См. Д. С. Прокофьева. Об одном стихотворении Т. Лада-Заблоцкого. «Советское славяноведение», 1976, № 4.

¹⁴ А. Мицкевич. Собр. соч. в 5 томах. М., 1954, т. 5, с. 641.

Сразу же после выхода «Сонетов» А. Мицкевича в Москве (декабрь 1826 г.) П. Вяземский перевел прозой весь цикл «Крымских сонетов» и часть «Любовных сонетов» и опубликовал их в 1827 г. в «Московском телеграфе». Вероятно, именно этот перевод имел в виду Кюхельбекер. Это был не единственный случай прозаического перевода поэзии. Так, «Цыганы» Пушкина появились в 1829 г. в 17 томе «Денника Варшавского» в прозаическом переложении, первый русский перевод из поэзии Словацкого (поэма «Араб») также был прозаическим. Объяснялось ли это стремлением к буквализму или скромностью переводчика, осознающего неравенство талантов, — информативная функция перевода выдвигалась на первый план. Вероятно, иногда это делалось сознательно, программно. Известную роль играла возникшая в XIX в. французская традиция переводить поэзию прозой. Однако поэтические переводы все же преобладали.

«Лучшим из всех переводов, какие у нас есть» Мицкевич назвал перевод своего друга А. Э. Одынца «Светланы» Жуковского¹⁵. Известный польский историк литературы и публицист М. Здоховский писал в 1897 г.: «Одынец, подобно Жуковскому, известен у нас более как переводчик, нежели оригинальный поэт. Он переводил тех же поэтов — Шиллер, Байрон, Мур — что и его русский собрат, часто одни и те же произведения — „Орлеанская дева“¹⁶. Наконец, как и Жуковский, Одынец помимо воли „смягчал“ Байрона, лишая его бунтарской воинственности, столь украшавшей творчество великого англичанина»¹⁶.

Русский современник Одынца С. И. Шевырев высоко оценивал его переводы, видя в них «народные воссоздания подлинников», считая, что «они приносят честь славянскому духу и его чудной гибкости и самостоятельности, умеющей так творчески претворять в свое народное создание других наций»¹⁷.

Итак, как отмечала критика, переводчик, с одной стороны, творчески претворял в свое народные создания других наций, а с другой стороны, «смягчал» бунтарские черты переводимой поэзии, приводя ее в соответствие со своим замыслом, своим мировоззрением. Вероятно, и здесь сыграла свою роль разность «содержания идеала», о которой уже шла речь. И в этом также можно видеть известную тенденцию в переводческой практике тех лет.

В 1827 г. Одынец перевел «Черную шаль» Пушкина. Этот перевод Мицкевич подверг критике, считая, что концовка удачна, а в целом перевод небрежный¹⁸. Мицкевич возражал против того, чтобы перевод далеко отходил от оригинала, и в своей статье о польских переводах из Дмитриева и Пушкина, которая была написана для «Московского телеграфа». В то же время он рекомендовал избегать «излишних эпитетов или других ничего не говорящих добавлений»¹⁹.

Критические замечания высказывал Мицкевич и по поводу перевода А. Роговским поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». «Произведение Пушкина — одно из прекраснейших в новой русской литературе [...] Оно требует от переводчика больше таланта и вдохновения. Сила стиля, богатство выражений, гармония стиха оригинала исчезли в переводе, правда плавном, но слабом и часто неверном [...] Не только отсутствует верность и точность в отдельных выражениях, но все построение стиха весьма не-

¹⁵ Там же, с. 359.

¹⁸ Цит. по: Л. И. Р о в н я к о в а. А. Э. Одынец и русская романтическая литература первой половины XIX в. «Эпоха романтизма», Л., 1975, с. 230.

¹⁷ «Москвитянин», 1842, ч. II, № 9, с. 172.

¹⁸ А. М и ц к е в и ч. Там же, с. 378.

¹⁹ Там же, т. 4, с. 49.

брежно, рифмы легки, чаще всего приходится на прилагательные, что хорошие стихотворцы должны применять очень ограничено.

Все же, несмотря на столько недостатков, нельзя отказать переводчику в таланте. Некоторые стихи и даже строфы переложены прекрасно²⁰.

В связи же с выходом в Париже в 1830 г. тома его собственных произведений («Конрад Валленрод», «Фарис», «Крымские сонеты») Мицкевич писал: «Отрывки из переводов я нашел точными и прекрасными. Переводчик удивительно заботливо старался передать в переводе все оттенки оригинала, часто свойственные лишь польскому языку»²¹.

Критические замечания А. Мицкевича по поводу переводов русской поэзии, а также в связи с «перевыражением» его собственных сочинений дают достаточно полное представление о романтических принципах перевода, в основе которых лежит требование верности, точности, внимательного отношения к оригиналу. За этим последним просматривается романтическое отношение к личности, индивидууму, к «иному», отличному, инациональному. Подобная точка зрения была близка воззрениям русских литераторов и переводчиков, современников Мицкевича. И на страницах польских журналов, в корреспонденции тех лет Мицкевич находил немало союзников. Знамение времени коснулось многих периодических изданий, и в том числе еженедельника «Тыгодник Петербургский», на страницах которого в 1830 г. некий Вв высказал свои замечания в связи с рецензией на переводы сочинений Пушкина, выполненные Z (Зеновичем). Рецензент этих переводов писал: «Особого внимания заслуживают гладкие и близкие переводы элегий и нескольких небольших стихотворений знаменитого Пушкина»²². (Кстати, современный автор фундаментального библиографического труда «Пушкин в Польше» М. Топоровский²³ считает Зеновича первым переводчиком Пушкина в настоящем значении слова.) Вв возразил ему: «Если, читая по-польски, мы не можем себе представить пусть хоть в слабом отражении, этой прелести красноречия, если то, что сверкало на русском языке, полиняло на польском, то перевод „гладкий и близкий“ не становится верным и прекрасным»²⁴. Итак, прекрасный означал не гладкий и близкий, а верный. Но верный и точный не значит дословный. При этом выступления сторонников дословного перевода встречаются и позднее, что, быть может, обусловлено уже духом иного времени, иных принципов? На страницах журнала «Тека Виленьска» в связи с переводом пушкинского «Пророка» редакция в своей приписке заметила, что это стихотворение, как и три других (Вяземского, Хомякова, Жуковского) не могут быть названы дословным переводом, а скорее подражанием в духе Одынца²⁵.

Кстати, Одынец стремился как можно более полно воссоздать оригинал, передать его «дух» и эмоциональный строй. Правда, в его переводе несколько изменена концовка, она ближе другим стихотворениям Пушкина. Увеличено количество строк, но это естественно при передаче четырехстопного ямба 9-сложным стихом. Женские рифмы не чередуются с мужскими, как у Пушкина, так как в польском языке трудно употреблять мужскую рифму. Тем не менее это перевод, а не подражание²⁶.

²⁰ Там же, с. 50.

²¹ Там же, т. 5, с. 443.

²² «Tygodnik Petersburski», 1830, № 10.

²³ М. Т о п о р о в с к и. Puszkín w Polsce. Warszawa, 1950.

²⁴ О переводах Зеновича см. В. Н. Стефанович. Польский переводчик А. С. Пушкина. В сб. Польско-русские литературные связи; «Tygodnik Petersburski», 1830, № 14.

²⁵ «TeKa Wileńska», 1858, № 3, с. 8.

²⁶ Более подробно о переводах Одынца см. Л. И. Р о в н я к о в а. Там же.

Романтики пытались ответить не только на вопрос как переводить, но и что переводить. В 1827 г. Мицкевич писал: «В течение десяти с лишним лет появляются многочисленные переводы с русского языка на польский, однако до сих пор из них не извлечено столько пользы, сколько можно было ждать от них для сближения литератур двух братских народов. Сперва при выборе произведений для перевода не всегда руководствовались хорошим литературным вкусом. Когда же благодаря глубокому знакомству с русской литературой научились выбирать произведения действительно достойные быть переведенными на чужие языки, не всегда оказывается удачной работа переводчиков»²⁷.

За отбор произведений не раз выступал издатель «Атенеума», писатель и поэт Ю. И. Крашевский. Из его переписки с сотрудником этого издания Блюменфельдом отчетливо видна разница принципов отбора. Если для Крашевского интерес представляли прежде всего произведения, несущие на себе печать национального, то для Блюменфельда важнее те произведения, которые могут привлечь внимание с точки зрения вненационального, универсального художественного мастерства²⁸.

Крашевский в 1840 г. писал: «Русская литература не может быть для нас безразлична, а тем не менее у нас так мало переводов. Наши земляки, живущие в глубине России, должны постараться познакомить нас с ее произведениями, это их обязанность»²⁹. И земляки откликнулись на этот призыв. Крашевский как издатель «Атенеума» получал большое количество писем об интересе к русской литературе, о переводческой деятельности. Из разных уголков России поступали к Крашевскому переводы. Их авторы нередко впервые обращались к этому роду занятий, что и определяло невысокое качество перевода. Но сам факт появления на страницах достаточного популярного «непериодического периодического издания»³⁰ сочинений русских поэтов и писателей имел большое значение, способствуя преодолению барьера, который отгораживал польское общество от русской литературы после поражения восстания 1830 г.

В 40—50-е годы прошлого столетия наступает новая волна интереса к русской литературе. Польское общество, его передовую часть привлекала прежде всего оппозиционная по отношению к царизму литература, ее гуманизм, демократизм. Переводили Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. Для этого периода, на наш взгляд, большое значение имели переводы русской демократической поэзии.

Одним из главных центров, в котором интерес к русской литературе был достаточно велик, была Литва, а точнее — Вильно. Здесь жили и работали такие известные переводчики русской литературы, как Антони Эдвард Одынец, Якуб Юркевич (Бенедикт Доленга), Владислав Сырокомля.

Сырокомля чрезвычайно серьезно относился к переводам, разделяя переводческие концепции великих романтиков. Чаще всего Сырокомля переводил «надневских побратимов»³¹. Первым русским поэтом, которого начал переводить Сырокомля, был Пушкин. Перевод пушкинского «Узника» существует под названием «Орел»³². Сырокомля любил изменять названия переводимых сочинений. В данном случае, вероятно, иное название

²⁷ А. Мицкевич. Там же, т. 4, с. 47.

²⁸ См. W. Roszkowska-Sykałowa. «Athenaeum» Józefa Ignacego Kraśzewskiego. 1841—1851. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1974.

²⁹ Цит. по: A. Zuga. Kraśzewski wobec literatury rosyjskiej. «Slavia orientalis», 1965, № 1.

³⁰ W. Roszkowska-Sykałowa. «Athenaeum»... s. XXXIII.

³¹ См. J. Orłowski. Władysław Syrokomla jako tłumacz poezji rosyjskiej. «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Lublin, Vol. XXVII, 7, 1972, s. 112.

³² В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 21.

диктовалось цензурными соображениями. Переводчику пришлось опустить и слова «вскормленный в неволе», дабы, по возможности, избежать политических намеков, понятных цензорам.

В 1854 г. Сырокомля перевел одно из ранних стихотворений Пушкина — «Лицинию». Как известно, подзаголовок «с латинского» был призван не столько указать на источник, сколько обмануть бдительность цензуры. Однако аналогии со временем царствования Александра I здесь достаточно прозрачны. Поэта поработенной страны не могли не привлечь слова и строки великого русского поэта: «Я рабство ненавижу», «придет ужасный день, день мщенья, наказания». Этот перевод Сырокомли сатиры Пушкина достаточно красноречиво говорит о подлинных взглядах польского поэта.

Сырокомля достаточно точно перевел это стихотворение Пушкина. Просветительскую сатиру, написанную шестистопным ямбом, размером, типичным для поэзии допушкинского периода, Сырокомля удачно передал силлабическим тринадцатисложником, т. е. тем размером, которыми были написаны социально-бытовые сатиры эпохи польского Просвещения.

Свободолюбивые стремления польского поэта определили его обращение к творчеству Лермонтова. В 1854 г. поэма Лермонтова «Мцыри» появилась в польской печати под названием «Laik klasztorny». Переводчик довольно произвольно обращается с текстом оригинала: в некоторых фрагментах перевода отчетливо чувствуется стиль Сырокомли, стиль доверительной беседы с читателем, гавенды. Подобный тип наррации был несвойствен Лермонтову. Кроме того, переводчик опустил некоторые фрагменты текста. Сокращение или переделка некоторых других частей поэмы Лермонтова привели к тому, что свободолобная направленность поэмы, ее гражданственность в переводе оказались ослаблены. Не исключено, что в этом повинна цензура, но точными подтверждениями мы не располагаем. Четырехстопный ямб Сырокомля передал одиннадцатисложником, типичным для польской романтической поэзии размером, к которому Сырокомля, как и другие переводчики русской поэзии, прибегали чаще всего.

Первый польский перевод поэзии Некрасова принадлежит также Сырокомле. Он появился в 1856 г. в «Газете Варшавской». Это был «Филаэтроп», который в переводе получил название «Друг человечества» (Przyjaciel ludzkości). Это изменение названия усилило ироничность стихотворения, но при этом пострадала его социальная заостренность, сатиричность. Не сохраняя национальный колорит оригинала, Сырокомля в переводе создал типично польскую атмосферу, используя специфические польские фразеологические обороты, назвав свой перевод гавендой — типично польским жанром. Трохейческий девяти- и семисложный стих Некрасова Сырокомля передал силлабическим одиннадцатисложником. Вместо перекрестной рифмы он воспользовался смежной, что характерно для русской народной поэзии, но не для поэзии Некрасова. Это придает переводу некоторую монотонность, нарушая мелодичность некрасовского стиха. Тем не менее перевод Сырокомли критика оценила как удачный, передающий суть оригинала.

Одним из лучших переводов Сырокомли считается перевод стихотворения Некрасова «На Волге»³³. Но и здесь поэт сокращает число строк, двумя строчками передает три строки русского поэта, поэтому перевод на 20 строк меньше оригинала. Но в конечном счете и это не главный недостаток перевода. Более существенным представляется вольное или невольное смягчение социальной направленности стихотворения. Некрасовская Вол-

³³ См. J. Orłowski. Władysław Syrokomla..., s. 115.

та — река рабства и тоски, а у Сырокомли — только боли и печали. Антикрепостническая направленность оказалась затушеванной.

Перу Сырокомли принадлежит перевод поэмы Рылеева «Войнаровский», опубликованный анонимно в Познани в 1861 г. Несмотря на то, что в 1856 г. была объявлена амнистия декабристов, поэзия Рылеева все еще находилась в индексе запрещенных изданий. Для перевода поэмы казенного декабриста Сырокомля пользовался либо изданием 1825 г., либо текстом, опубликованным в «Полярной звезде» Герцена. Автор предисловия к польскому изданию поэмы Рылеева Леон Гомолицкий высказал предположение, что переводчик имел текст, не искаженный поправками цензуры. Переводческий метод Сырокомли и в этой поэме дает себя знать известными сокращениями, с одной стороны, и добавлением некоторых образов, с другой. Так, например, переводчик опустил тот фрагмент рассказа главного героя, где он называет себя «врагом поляков». Редакция Сырокомли в данном случае понятна: в условиях цензуры ему важнее было донести до польских читателей свободолюбивые настроения и суть сочинения декабриста.

Четырехстопный ямб передан силлаботоническим одиннадцатисложником. Метафорам и сравнениям нередко найдены довольно точные соответствия. Но, как заметил Л. Гомолицкий, в переводе заметны тенденции к украшению стиля, избыток романтических метафор³⁴, то, против чего предостерегал переводчиков Мицкевич.

Интересно, что первое сочинение Сырокомли — гавенда «Почтальон» — имеет сходную с поэмой Рылеева концовку. Это заметил советский исследователь А. Илюшин³⁵. Трудно однозначно ответить на вопрос: есть ли это результат раннего знакомства Сырокомли с поэмой декабриста, поэтическая конвенция или простое совпадение. Однако заманчиво было бы предположить, что декабристская поэзия сопровождала весь творческий путь польского поэта, питая ее свободолюбием, гражданственностью, гуманизмом. В переводах Сырокомля выражал те мысли и чувства, которые, по целому ряду соображений, цензурных и иных, не мог открыто высказывать³⁶. Таким образом, переводы Сырокомли кроме своей художественной и информационной выполняли и важную общественную функцию. Как пишут современные польские исследователи³⁷, Сырокомля избирал для перевода те произведения, которые созвучны его взглядам, убеждениям, чувствам, настроению. Его свободолюбивые устремления, которые нередко выступают в его оригинальном творчестве в завуалированном виде, в переводах звучат в полный голос, открыто. Творчество переводимых им поэтов интересовало Сырокомлю не только само по себе, но и постольку, поскольку позволяло ему выражать свои собственные мысли и свою поэтическую программу. Переводы Сырокомли из русской поэзии сыграли важную роль в обогащении отечественной литературы, в сближении двух родственных литератур.

В свою очередь русских переводчиков в творчестве Сырокомли привлекали наиболее социально заостренные стихотворения, такие, как «Кукла», «Иллюминация». Стихотворения Сырокомли переводились с конца 50-х годов поэтами-демократами Л. Н. Трефолевым, И. В. Омудевским, Д. Д. Минаевым, А. Н. Плещеевым и другими, которые находили у польского автора близкие мысли и убеждения. «Отечественные записки» в 1857 г. писали о Сырокомле как о лучшем поэте Литвы. Позже в этом же

³⁴ L. G o m o l i c k i. Wstęp do: K. Rylejew. Wojnarowski. Wrocław, 1955.

³⁵ См. «История польской литературы», т. I. М., 1968, с. 450.

³⁶ См. «O sztuce tłumaczenia». Wrocław, 1955, s. 319—320.

³⁷ См. F. B i e l a k. Wstęp do: W. Syrokomla. Wybór poezji. BN, Seria I, № 54, wyd. 2, Wrocław, 1970, s. LXI—LXII; «O sztuce tłumaczenia», s. 320.

журнале отмечалось, что произведения польского поэта представляют интерес для читателей, воспитанных на сочинениях Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, привыкших к боевым звукам лермонтовской и некрасовской лирики, что в лучших стихотворениях Сырокомли русский читатель найдет те же самые мотивы, которые он привык встречать у своих поэтов. Таким образом, сходные убеждения и мысли, подобные мотивы творчества — вот, что определяло интерес к польскому поэту, выбор сочинений для перевода, для введения в контекст русской литературной жизни.

Переводчики не стремились к буквальной точности переводимых стихов. Иногда в целях усиления впечатления они заостряли социальное звучание, что вообще характерно для многих русских переводов. Для того, чтобы приблизить к русскому читателю поэтический мир Сырокомли, переводчики нередко обращались к знакомым бытовым деталям³⁸, «русифицировали» текст, исходя из принципа, что «в поэтических произведениях слишком близкий перевод иногда является литературным злодейством»³⁹.

Итак, даже беглый взгляд на польские переводы русской поэзии и критику этих переводов позволяет придти к выводу о том, что хотя иногда выбор произведений зависел и от вкуса переводчика, и от произвола издателя, и от «корректорской» роли цензуры, тем не менее появлялись переводы, обусловленные потребностями общественной жизни или общностью взглядов и интересов автора и переводчика. Передовые литераторы и критики во главе с Мицкевичем ратовали за строгий отбор сочинений для перевода, понимая важную роль переводной литературы в развитии национальной литературы, языка, культуры.

Выбор произведений для перевода иногда открывал новые стороны не только творческого облика переводчика, но и идейные взгляды и убеждения, порой не проявленные открыто в оригинальном творчестве. Перевод мог, таким образом, становиться формой выражения собственных мыслей, собственной поэтической программы.

Разность в «содержании идеалов» часто способствовала усилению или ослаблению идейного акцента произведения, приданию поэтическому сочинению большей остроты или смягчению, сглаживанию его бунтарских черт. А изначальные сходство, общность идеалов подчас были гарантией верного и точного перевода. Во то же время не всегда можно обнаружить прямо пропорциональную зависимость между степенью прогрессивности взглядов переводчика и качеством перевода. Точно так же, как нередко нет подобной зависимости между популярностью того или иного поэта и качеством переводов его сочинений. Это особенно очевидно на примере поэзии Пушкина и Мицкевича: их популярность зависела не только от переводов. Большую роль в этом сыграла масштабность талантов и личностей, их дружба, то, что русский поэт был известен в Польше как преследуемый царизмом «бард свободы», а Мицкевич в России — как большой поэт угнетенной страны. Немалую роль играл и тот факт, что их поэзию знали и в оригинале. Но и переводы, уступающие таланту этих великих поэтов, имели свое значение и иные функции — информативную и общественную.

В связи с переводом И. Козлова «Крымских сонетов» Мицкевича В. Белинский писал о том, что «борьба была неравная», но при разных масштабах таланта переводчик все-таки «мог усваивать русской литературе драгоценнейшие перлы иностранных литератур».

³⁸ Более подробно см. об этом: Д. С. Прокофьева. Сырокомля в России. В сб. Польско-русские литературные связи.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 219, л. 1. Письмо Л. Трефолева В. Лаврову.

Кроме того, как это ни парадоксально, нередко именно слабые переводы вызывали дискуссии, разговоры о принципах художественного перевода, заставляли задуматься над значением перевода для национальной литературы, осознать изменившиеся требования к ним. Роль таких переводов, пожалуй, можно сравнить с ролью гипсовых слепков с античных подлинников в развитии и распространении культуры, понимая всю приблизительность этого сравнения, так как принято считать перевод не копией, а интерпретацией. Интерпретация же во многом зависела не только от переводчика, но и от задач, которые решала литература в то время.

Перед двумя национальными литературами, перед русским и польским обществом стояли неодинаковые задачи. Это во многом определяло переводческий выбор, стремление заострить или смягчить идейную направленность поэзии. Вместе с тем в принципах русских и польских переводов много общего, сходного. Общим было и само стремление ввести в контекст национальной литературы близкую по духу литературу родственного народа.

ИОЛАНТА ДАРЧЕВСКАЯ

СТАРИННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ И БУКВАРИ

(К вопросу о единой истории
древнеславянского литературного языка в ареале
«греко-славянского мира»)

Поздний период истории древнеславянского литературного языка (XVII—XVIII вв.) отличался от раннего и среднего периодов более сложным соотношением системы древнеславянского языка с языком народно-разговорного субстрата, с промежуточными провизорными или потенциальными системами в локальных районах единого греко-славянского ареала, а также значительным расширением сферы литературы, процессом ликвидации синкретизма в литературе и возникновения новых литературных жанров¹.

Успешно развиваются в данный период новые национальные славянские языки (основы которых были заложены в предшествующие эпохи), функционирующие наряду с традиционным книжным древнеславянским языком. Возникает своеобразное гомогенное двуязычие, компонентами которого являются генетически ближайшие языки, отражающие разные стадии (архаическую и современную) развития языка письменности.

Несмотря на параллельное развитие народно-литературных славянских языков, авторитет древнеславянского языка ничуть не был нарушен: по-прежнему он применялся при создании оригинальных литературных произведений, на нем велось преподавание в школах, и он сам был учебным предметом.

Развитие просвещения, поднятие его на более высокий уровень, а также роль славянского языка в школах XVI—XVIII вв. выдвинули необходимость обеспечить школы нужными учебными пособиями. По известному замечанию Г. Лудольфа, стало «невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком»². Особенно насущной стала потребность в разработке славянской грамматики. Эта потребность была удовлетворена тогдашними научными силами.

Славянская школа XVI—XVIII вв. уже располагала многочисленными и довольно разнообразными учебными пособиями. Рукописные и старо-

¹ См. Н. И. Толстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. В кн. Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 5.

² Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, вступительная статья, примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, с. 113.

печатные азбуки, буквари³ и азбуки-прописи, грамматики и словари, обслуживающие нужды грамотного обучения, сохранились до нашего времени в довольно большом количестве, несмотря на то, что большинство старинных учебников вследствие специфических особенностей использования элементарных пособий, предназначенных для детей, утрачено.

Элементарные пособия по обучению грамоте — буквари — в XVI — XVIII вв. составлялись по букво-слагательному методу. Обучение грамоте по этому методу начиналось с твердого заучивания всех букв славянского алфавита. Выучив азбуку в прямом порядке, ученики должны были усваивать ее в обратной последовательности. Затем шли «слоги двописьменни, от согласных начинаеми, слог триписьменни», отдельные слова, изречения, молитвы, заповеди, т. е. учебный материал для упражнений.

При этом в процессе обучения весь букварь подряд прочитывался по складам; в частности, таким образом прочитывались разные звуковые сочетания, приводимые в качестве фонетических упражнений, сами названия букв, слова под титулом, наконец, молитвы, заповеди и т. п., служащие текстовым приложением к букварю, — не исключая даже выделенных кинорварью заголовков и уставных примечаний⁴.

С. И. Браиловский в своей монографии о Кирионе Истомине, характеризуя этот метод обучения грамоте, справедливо замечает, что «звуковое содержание согласной буквы, т. е. ее произношение в соединении с гласной в слоге и в словах, в расчет не принималось. За буквами следовало заучивание наизусть слогов или складов. Когда учащиеся заучивали всевозможные сочетания букв, тогда уже приступали к самому чтению, которое имело совершенно механический характер, т. е. читали бессознательно»⁵. Впрочем, как объясняет Н. Маркс, в это время нельзя было иначе поступить, как и нельзя было объяснить, что из «буки» и «газа» должен был получиться слог *ба*, а не *б у к в а з ь*. Тяжелый труд зазубривания доходил до крайности в тех случаях, когда школьнику приходилось, выучив азбуку в нисходящем порядке, заучивать ее в порядке восходящем⁶. Иными словами, для данного метода обучения характерна система чтения по складам, которая осмыслялась как наглядный и единственно возможный способ прояснения звукового состава того или иного слова, однозначно решающий всякий спор о его произношении⁷.

Схоластический метод преподавания книжного славянского языка⁸ во многом определил характер прежних букварей. Метод преподавания,

³ Как показывают послесловия и краткие заголовки, сопровождающие старопечатные учебники грамоты, эти книги приблизительно до XVII в. назывались *а з б у к а м и*. Самые ранние учебники, названные *б у к в а р я м и*, представлены могиловским изданием 1636 г. и московским Букварем 1637 г. Можно проследить, как в XVII столетии, особенно во второй его половине слово «букварь» постепенно входило в употребление в качестве названия учебника русской грамоты, между тем, как название «азбука» употреблялось главным образом в древней педагогике. Само слово «букварь» значит «содержащий буквы», и неслучайны другие названия — «азбука» и «азбуковник». В качестве названия первоначального учебника грамоты употреблялись также слова «буквица», «алфавитарий» и редко «азбучник», «обецадла» («абецадла»).

⁴ Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам. «Вопросы языкознания», 1970, № 5, с. 85.

⁵ С. Н. Браиловский. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902, с. 294.

⁶ Н. Маркс. К азбуке конца XVII в. из собрания А. И. Успенского, изданной Московским Археологическим институтом. М., 1901, с. 20.

⁷ См. Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам, с. 85.

⁸ Вообще при изучении иностранных языков в это время господствовало практическое изучение языка. Древнейшим способом изучения иностранных языков является словарный способ, заключающийся в заучивании слов на каждую букву алфавита с соответствующим их значением; степень знакомства с языком и измерялась также прежде всего количеством усвоенных иностранных слов на каждую букву. В более позднее

а также объем курса и учебные пособия были везде и долгое время почти одни и те же. Так, например, в Азбуке Ивана Федорова 1574 г. слоги помещены на пяти страницах (с 3-й по 7-ю)⁹. После букв и слогов следуют упражнения в чтении целых слов (с. 9—22) и слов сокращенных, написанных под титлами (с. 23—44). Практическое обучение чтению слов здесь удачно соединено с грамматическим материалом, разделенным на три раздела: первый — «А сия азбука от книги осмочастная, сиречь грамматики» (с. 9—19), который помещает образцы спряжения глаголов действительного и страдательного залога; второй — «По прозодии, а еже дваши въединых лежащее, и есть повелительная и сказательная» (с. 20—22), где представлена система надстрочных знаков — «просодий», усвоение которых составляло необходимую часть грамотного обучения, и третий — «По орфографии» (с. 23—44), который посвящен сокращенным словам и одновременно склонению имен существительных и прилагательных. Завершает изучение азбуки акростих (с. 45—48), служащий для повторения алфавита.

Вторая часть книги объединяет материал для чтения, нравственные наставления — молитвы, изречения из притч Соломона и посланий апостола Павла. Все они касаются вопросов воспитания и обучения, норм поведения учеников. После акростиха или в конце букваря обычно находятся числовые обозначения сотен и первых трех тысяч. Традиционная таблица чисел в Азбуке Ивана Федорова 1574 отсутствует.

Отметим, что Азбуку Ивана Федорова мы привели в качестве иллюстративного материала неслучайно. Она оказала влияние на многие последующие буквари. Почти все пособия для первоначального обучения грамоте, включая «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича (1721), сохранили структуру Азбуки Ивана Федорова: сочетание азбуки и материала для чтения. Система обучения азбуке, почти полностью повторяющая федоровскую, сохраняется во всех букварях, вплоть до первого печатного московского букваря Василия Бурцова (1634). Московские буквари от 1657 до 1708 г. имеют в большей части расположение материала такое же, как в данной азбуке, опуская лишь примеры склонения и спряжения. Все это свидетельствует об огромной популярности и значимости Азбуки Ивана Федорова и о ее высоких учебно-педагогических достоинствах.

До появления первопечатного букваря обучение грамоте проходило по рукописной азбуке. Оно, впрочем, долго еще сохранялось в старорусской учебной практике. По рукописным азбукам учился еще Петр I. Со времени появления печатных букварей начальное обучение поднялось на более высокий уровень. Ученики знакомились с буквами по разборчивому шрифту и приобретали элементарные знания по грамматике, арифметике, пению путем более наглядным и более удобным.

По мере учреждения училищ, развития просвещения и воспитания усложнялась и расширялась и букварная система обучения. Буквари XVII в. содержат уже довольно много сведений из грамматики древнеславянского языка и располагают достаточно обширным материалом для чтения, хотя и проникнутым исключительно церковным духом.

Пожалуй, после федоровской азбуки самой заметной вехой, отмечающей конец букварно-грамматического периода, был иллюстрированный букварь Кариона Истомина, гравированный Леонтием Буниным (1-е издание — Москва, 1694). Букварь Кариона Истомина лишен традиционного набора религиозных текстов. В основу букваря положено известное правило Коменского: «прежде вещь, потом слово».

время заучивались слова, расположенные не в азбучном порядке, а по смысловым группам, по известным понятиям или предметам.

⁹ «Буквар Ивана Федорова». Фототипич. издание. Київ, 1975.

«Нынѣ начертавъ букварь словенскихъ писменъ, предложихъ вещественныхъ видовъ образы, коимъ словомъ кая вещь начинается глаголяти, подѣ всякимъ писменемъ, ради любезнаго созерцанія отрочатамъ учащимся, и названія видовъ удобнаго в складѣ. Да что видить, сіе и назоветь слогомъ писмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ. Яко А дамъ, алекторъ, апсидъ. Б брань, брада. В виноградъ, вѣнецъ. И весь букварь тако избраженъ. Сими бо писмены вещи въ складѣ или слогѣ имуть начало. Ини же яко ѣ и ъ и иніи не начинаютъ вещи названія, но надрягаются къ другимъ писменемъ. И тѣхъ слов смотри въ серединѣ или въ концѣ реченій, въ своемъ ихъ порядкѣ, по азбуке словенской. Бабръ, багоръ, вервь, селдь, лебедь и прочее»¹⁰, — разъясняет автор в предисловии свой прием составления букваря, воплощая впервые принципы наглядного обучения.

Листы букваря украшены изображениями людей и животных, растений, построек, предметов труда и быта. Названия изображенных предметов включены в вирши, дающие первый материал для чтения. Каждой букве отведена отдельная страница. Вверху дается изображение буквы в виде людей (отсюда название «Лицевой букварь»), затем та же буква написана уставом и скорописью по-славянски, по-гречески, по-латыни и по-польски. Ниже находятся рисунки, сопровождаемые стихами. Лицевой букварь Кариона Истомина был не только пособием для овладения грамотой, при этом пособием необычным, ломающим представления об учебнике грамоты, но и первым иллюстрированным изданием для детей, где текст и рисунки органично связаны, где иллюстрация несет познавательную нагрузку.

Ярко выделяясь среди других русских букварей, Лицевой букварь открывает новую страницу в истории обучения грамоте.

Через два года после опубликования «Лицевого букваря» Карион Истомин издает в Синодальной типографии «Букварь языка славенска хотящим детям учиться чтенія писаний начало всех писмен достолепное начертание: к сему и инья главизны потребные во обучение должности христианския с душеспасительной ползою» (Москва, 1696). Пособие, видимо, предназначалось для внутриворцового использования, о чем говорит тираж книги — 20 экземпляров. В настоящее время из них сохранилось лишь два, один из которых хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве. Букварь Истомина 1696 г. получил в истории книги название «Большой букварь». «Большой букварь» повторяет по составу и «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детям хотящим учиться чтенію писаний» Симеона Полоцкого, изданный в Москве в 1679 г. Оба букваря представляют собой большую ценность для истории литературы XVII в.: они содержат правила стихосложения и иллюстрации к ним в виде собственных стихотворений Кариона Истомина и Симеона Полоцкого.

Как это уже отмечалось, первые петровские буквари все еще были похожи на прежние. Таков «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детям хотящим учиться чтенію писаний» (Москва, 1708). В основу этого букваря положено пособие Симеона Полоцкого 1679 г. Автор повторил даже заглавие книги, а в качестве предисловия взял стихотворение Полоцкого о пользе просвещения:

Отроче юный от детства учися
письмена знати и разум потщися.
Не возленися трудов положить,
имать бо тебе полза многа быти.

Однако, в отличие от букваря Полоцкого, в новом букваре опущены сведения о стихосложении, учение о просодии и общие сведения из синтак-

¹⁰ И. Т а р а б р и н. Лицевой Букварь Кариона Истомина. «Древности». ТИМАО т. XXV, 1916, Приложение 1, с. 279.

сиса. Зато он завершается послесловием, дающим рекомендации педагогического характера, обращенные к родителям.

К 1710 г. относится первая гражданская азбука. Ее экземпляр хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. На обложке находим заглавие «Азбука гражданская со правоучениями правлена рукою Петра Великого». Тут же сам Петр I написал: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги. А которые почерчены, тех в вышеописанных книгах не употреблять». Азбука включала «Изображение древних и новых писмен славянских печатных и рукописных», двух- и трехбуквенные слоги, а также «Нравоучения от Священнаго писания по алфавиту избрания». В заключение были даны таблицы «Число церковное и арифметическое» и «Ино показание великаго счисления».

Эта азбука без малейших изменений вошла в состав популярной в начале XVIII в. книги «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (СПб., 1717). Руководство «Юности честное зеркало», предназначенное для школьного и домашнего воспитания и содержащее также правила поведения, выдержало несколько изданий. Таким образом, новый гражданский шрифт получал широкое распространение, утверждались новые начертания букв и новые обозначения чисел.

В 1720 г. в Петербурге был напечатан букварь, созданный одним из знаменитейших людей своего времени, поэтом и драматургом, выдающимся деятелем просвещения Феофаном Прокоповичем. Первое издание букваря, к сожалению, не сохранилось. Известно второе его издание: «Первое учение отроком, в немже буквы и слоги, также: краткое толкование законного десятисловия, молитвы господни, символ веры, и девяти блаженств» (СПб., 1721). В дальнейшем это учебное пособие переиздавалось большими тиражами, став одним из самых популярных учебников грамоты. Букварь резко отличается от ранее выходивших. Наряду с традиционным материалом для изучения азбуки и молитвами для чтения, в нем помещены также и тексты, требующие осмысленного и углубленного изучения. Как разъясняет сам автор, царь повелел издать для народного употребления книгу, где истолкованы закон божий, символ веры, молитва господня и девять блаженств евангельских, с тем, чтобы «отроцы, читая учащиеся, по буквах и слогах, во утверждения чтения своего, не псалмов, и молитв, но сего толкования». Букварь открывает «Предисловие. К благочестивым родителям, воспитателем, приставником, господином и всем прочим имя отеческое над малыми отроками носящим».

«Первое учение отроком» было введено во всеобщее употребление благодаря усилиям самого Петра Великого. Он также думал и о составлении катехизиса: как свидетельствует П. Пекарский, он написал по этому поводу собственноручную записку и передал ее в Синод для исполнения Феофаном Прокоповичем¹¹.

В 1723 г. специальным указом было повелено букварь Прокоповича читать в церквах по великим постам вместо сочинений Ефрема Сирина и Соборника¹².

Букварь этот, наконец, получил широкое распространение за пределами России, о чем свидетельствует его переиздание в Рымнике в 1726 г. и в Сербии, где он выдержал семь переизданий (1726, 1727, 1734, 1759 — только катехизис без букваря, 1763, 1767, 1774 и, вероятно, 1792)¹³.

¹¹ См. П. П е к а р с к и й. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, с. 181.

¹² Там же, с. 181.

¹³ Г. М и х а й л о в и ч. Српска библиографија XVIII в. Београд, 1964, с. 14, 12, 14, 15, 16, 36, 51, 52, 65, 84, 86—88, 111, 112.

Интересно упомянуть еще два западнорусских букваря; «Букварь или начальное учение хотящим учиться книг писмены славенскими» (Чернигов, 1749) и «Букварь или начальное учение, хотящим учиться книг писмены славенскими» (Киев, 1760) — два архаичных для своего времени букваря, отпечатанные кирилловским шрифтом, по содержанию восходящие к первопечатному букварю Ивана Федорова. Такого же, впрочем, характера и «Букварь языка словенского чести учащимся в полезное руковождение» (в обители Почаевской, 1748 и 1798 гг.). Эти буквари повторяют характер прежних допетровских букварей, с той разницей, что добавляют главу «Латинская и полская писмена».

Необходимо отметить в заключение «Российский букварь для обучения юношества чтению, изданный при учреждении народных училищ в Российской Империи, по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя» (СПб., 1782). Этот учебник давал сведения о церковной и гражданской азбуках и включал новый материал для чтения — моралистические рассказы гражданского характера с правоучениями. Автором данного пособия является известный педагог Ф. И. Янкович де Мириево, серб по национальности, приглашенный в Россию в царствование Екатерины II для проведения школьной реформы как специалист во вопросах образования.

Вскоре после приезда Ф. Янковича, раньше занимавшего должность директора Темешварской нормальной школы, 17 сентября 1782 г. его проект организации русских народных школ был подвергнут рассмотрению и полностью принят. В этом же году Янкович основал первые народные школы¹⁴.

Новейшие исследователи деятельности Ф. Янковича¹⁵ указывают на связь созданных им русских учебников и учебных пособий с австро-сербскими. Так, «Таблицы азбучные для складов церковной и гражданской печати» (СПб., 1782) отличаются от своего сербского оригинала только употреблением гражданского шрифта. Имеется в виду сербская «Азбучная таблица», изданная в Вене в 1777 г., как специальный выпуск азбуки для сербских учителей. «Российский букварь для обучения юношества чтению, изданный при учреждении народных училищ в Российской Империи...» был создан по образцу сербского пособия «Святцы», т. е. букваря с молитвами и нравственными поучениями, изданного Янковичем в Вене в 1777 г.; «Руководство к чистописанию, для юношества в народных училищах Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующая императрицы Екатерины Вторыя» (СПб., 1782) воспроизводит пособие З. Орфелина «Славенская и валахийская каллиграфия или наставление к правильному писанию» (Карловац, 1788).

Таким образом, в самом конце XVIII столетия православный деятель просвещения мог свободно пользоваться сербскими достижениями педагогики, что было возможно, конечно, благодаря единой древнеславянской основе литературного языка.

Наиболее ранние из известных в настоящее время учебников грамоты — это т о л к о в ы е а з б у к и. С них начинается долгая история или, иначе, эволюция букваря. Толковые азбуки (под таким названием дошли до нас азбучные «акростихи», вирши) находим уже в списках XIV, XV, XVI вв. Правда, они сохранились в рукописных сборниках церковно-исторического характера, которые из-за их общего состава никак нельзя

¹⁴ В. Я. Струминский. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953; И. М а т л ь. Ф. Я. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования. В кн. Русская литература XVIII века и ее международные связи. XVIII век. Сб. 10. Памяти чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Л., 1975.

¹⁵ И. М а т л ь. Там же, с. 76—81.

назвать учебными пособиями. Но уже начиная с XVII в. тексты толковых азбук находим в букварях и в азбуках-прописях. С полной уверенностью можно сказать, что до времени появления букваря они выполняли аналогичную роль в процессе обучения грамоте, т. е. роль учебного материала.

О том, что толковые азбуки не были первыми (хотя они и остаются самыми ранними из дошедших до нас), может свидетельствовать тот факт, что азбучные акростиhi, сохранившиеся в учебниках грамоты XVI и XVIII вв., не являются самым начальным учебным материалом, а выполняют роль более сложных текстов для упражнений в чтении и письме. Как известно, в букварях им предшествует ряд упражнений, позволяющих не только усвоить буквы, но и овладеть техникой чтения слов, написанных полностью или сокращенных, «с титлами».

Но о самых первых учебниках грамоты мы не беремся судить, хотя по отдельным историческим свидетельствам и по данным археологических раскопок можно установить, что употребление элементарных пособий, имевших вид берестяных грамот, деревянных и восковых табличек, так называемых вощечек, восходит к XII—XIII вв.

Итак, толковые азбуки — веха на пути развития букваря. Они, как это было отмечено, составляли общую черту древних прописей и древних букварей. Отсюда и предположение, что древняя пропись и древний букварь имели друг с другом много общего. Подтверждением вышесказанного может служить древнее именование букваря азбукой-границей.

Азбучный акростих является одной из разновидностей стихотворной формы, получившей широкое распространение в Византии, затем в соседних славянских государствах, в том числе и в древней Руси¹⁶.

Связь азбучного акростиха со старинными учебниками грамоты была отмечена в литературе: «Древние названия букв, обыкновенно заключающие в себе, во-первых, определенный смысл, а во-вторых, те звуки, которым они соответствовали, сами по себе служили к облегчению заучивания порядка и произношения письмен. С течением времени названия букв стали дополняться (а может быть и заменяться?) целыми изречениями, начинавшимися с этих букв. Написанные в одинаковом стихотворном размере и расположенные в алфавитном порядке, такие изречения составляли азбучный акростих, иначе называемый толковой азбукой, или азбукой-границей и служивший первым руководством к обучению грамоте¹⁷.

Одной из ранних толковых азбук является «Молитва Константина философа». Этот памятник южнославянской литературы возник как предисловие к «Евангелию учительному». В древней Руси «Молитва Константина философа» получила широкое распространение; пришла она сюда во многих списках и не только с «Евангелием», но и в составе сборников. В литературе она известна благодаря исследованиям А. И. Соболевского¹⁸, Н. М. Каринского¹⁹, К. Куева²⁰ как образец толковой азбуки вплоть до XVI в.

К числу ранних толковых азбук можно причислить также «Молитву грешного человека», так называемую «Покаянную азбуку»²¹, также опубликованную А. И. Соболевским²².

¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы. М.—Л., 1937, с. 10.

¹⁷ А. Н. Петров. К истории букваря. «Русская школа», 1894, № 4, с. 15.

¹⁸ См. А. И. Соболевский. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900, кн. 16, с. 321—323.

¹⁹ Н. М. Каринский. Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. ОРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, с. 259—268.

²⁰ К. Куев. Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.

²¹ А. И. Соболевский. Церковнославянские стихотворения конца IX и X веков. СПб., 1892, с. 7—8.

²² Там же.

К ранним толковым азбукам относится и «Азбука о Христе» (она дошла до нас в списках XIV — начала XV в.), а также «Азбука об Адаме». Эта последняя имела в свое время широкое распространение в учебной литературе — она сохранилась не только в составе сборников церковно-педагогического характера, но и в составе двух азбук-прописей XVII в., а также частично в составе толковой азбуки, помещенной в Букваре Ивана Федорова.

Большинство толковых азбук, вошедших в состав учебников грамоты XVI—XVII вв., восходят к XIV и XV вв. В это время азбучный акростих как пособие для усвоения азбуки достиг своего наивысшего развития. В составе первопечатных азбук первыми пособиями для запоминания букв служили, как известно, не азбучные акростихи, а прямой, обратный, а также смешанные буквенные ряды.

Следовательно, примерно в это время толковые азбуки утратили свою прежнюю функцию — средства первых учебных упражнений. Они приобретают функцию упражнений, закрепляющих определенные знания в области чтения и письма, и вышолняют ее до тех пор, пока толковая азбука вообще не была вытеснена из учебной книги другими литературными произведениями.

Если буквари имеют целью научить детей грамоте во всем ее объеме (об этом свидетельствует хотя бы содержание букварей: азбука, склады, сведения из грамматики, орфографии, значения чисел, молитвы, символ веры), то азбуки-прописи предполагают у ученика знание азбуки и содержат главным образом материал для упражнений в скорописи или материал для чтения. Надо отметить, что в поздних азбуках-прописях, кроме этого основного содержания, находим некоторые сведения по арифметике (четыре правила арифметики, задачи и др.).

Все же основное назначение азбук-прописей — дать письменные упражнения. Они и являлись, таким образом, своего рода учебниками каллиграфии. Прописи (отсюда и название азбуки-прописи) состояли из кратких двуступий, преимущественно нравственного или религиозного характера.

Традиционное содержание азбуки-прописи — два раздела. В первом, после каждой заглавной буквы, приведены различные скорописные начертания букв, иногда слогов и целых слов, начинающихся с данной буквы; во втором — прописи, т. е. как отмечалось, двуступия, а также разные изречения, молитвы и выдержки из церковных книг, образцы деловых бумаг, формы частных писем, значения чисел.

Думается, что учитель должен был прежде писать эти прописи, а ученики списывали с них. Подытоживая, можно сказать, что азбуки-прописи — это своего рода учебники каллиграфии или также хрестоматии для упражнения в чтении. Интересна в этом отношении Азбука-пропись XVII в., изданная Московским Археологическим институтом (М., 1910). Азбука содержит Александрию. Повесть об Александре встречаем также в азбуке, датированной 1677 г. Отсюда и заключение, что русская школа XVII в. пользовалась Александрией как художественно-воспитательной поэмой, т. е. как уже более сложным текстом для чтения.

Можно полагать, что за азбукой или букварем для овладевших навыками чтения вовсе не обязательно должны были следовать такие священные традицией книги, как Часослов, Апостол, но шло и множество других рукописных книг, удовлетворяющих растущую любознательность читателя и расширявших его кругозор. Здесь были составлены повести и рассказы, басни и сказки, описания путешествий, сочинения по математике, географии, истории, философии, языкознанию и др. В таком составе эти азбуки примыкали к так называемым а з б у к о в н и к а м —

древнейшим энциклопедическим рукописным сборникам. Первоначально азбуковники сводились к алфавитному перечню иноязычных и вообще непонятных слов с их толкованиями. Позднее они представляли соединение азбуки с подбором разнообразных сведений энциклопедического характера.

Сборники подобного рода стали создаваться в конце XVI — начале XVII в. Их появление связано с работами справщиков и переводчиков Московской Руси, а также с известным качественным переломом в ходе развития русской лексикографии: Оживленная работа по переводу, правке и редактированию текстов, которая велась в XVI в., возбуждала активный интерес к вопросам языкознания. Прямым следствием этого и было появление азбуковников.

В своем развитии азбуковники постепенно превращаются в тематические сборники. Главной темой таких сборников становится языковедение, которое в это время находится еще в тесной связи с богословием и философией, так как цель познания языка связывалась с задачами веры: сохранить в переводе точный смысл Писания и других церковных книг. Например, в Азбуковнике ГПБ О. XVI. I (начало XVII в.) с 136 л. по 220 л. идут статьи, относящиеся к правописанию и грамматике.

По мнению Л. С. Ковтун «общий ход развития тех сборников, в которых сложился азбуковник, таков: изборники, затем сборники все более специализированные, затем сборники словарно-грамматические и наконец лишь в качестве заключительного этапа — расчленение задач: словарь и грамматика как две языковедческие темы со своим специальным назначением»²³.

Появление азбуковника неслучайно. Оно прекрасно вписывается в рамки своего рода букварно-грамматического периода в истории просвещения и воспитания. Конечно, буквари, грамматики, тематические сборники продолжали свое существование, но рядом с ними (с начала XVIII в.) стали появляться учебники по математике, географии, физике, истории и другим учебным предметам.

Лексикографические приемы, выработанные в азбуковниках, подготовили появление первых печатных словарей. Одновременно с первыми печатными словарями в самом конце XVI в. появляются первые печатные грамматики, так же как и словари, служившие практическим целям и вызванные практическими нуждами: развитием переводческого дела, а также школьной практикой. Они, как известно, впервые появляются в Западной Руси, где было больше стимулов для их возникновения, и авторами их, конечно неслучайно, являются учителя братских школ.

Довольно рано грамматические сочинения, возникшие среди восточных славян, стали известны и у южных славян. Так, в библиотеке Болгарской академии наук хранится список грамматики М. Смотрицкого 1721 г., сделанный рукой неизвестного переписчика, а на форзаце хранящегося в книгохранилище Рильского монастыря экземпляра грамматики Смотрицкого рымникского издания 1755 г., где автор не указан, «любопытный Неофит» установил, что, это сочинение Смотрицкого, о чем свидетельствует его собственноручная приписка²⁴. Еще более широкую известность получила в Болгарии грамматика Смотрицкого в переделке Авраама Мразовича 1834 г. Грамматической системе Мразовича — Смотрицкого следовали славяно-болгарские грамматики Неофита Бозвели (1835), Христки Павловича (1836) и др.²⁵.

²³ Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975, с. 225.

²⁴ См. Н. М. Д ы л е в с к и й. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. ТОДРЛ, т. XIV, 1958, с. 470—473.

²⁵ См. там же, с. 473.

Молдавию и Валахию обслуживали переизданные грамматики М. Смотрицкого в Снагове (1697) и, вероятно, многочисленные списки, из которых известен довольно ранний 1655 г., сделанный иеромонахом Стефаном из Ловеча в Торговице в Валахии. Этот список с издания I 1619 г. хранится в библиотеке Ломского педагогического училища в Болгарии.

Грамматика М. Смотрицкого московского издания 1721 г. была почти до конца XVIII в. единственным учебником этого рода в школах Сербии. Как пишет П. А. Кулаковский, «Суворов распорядился, чтобы ученики его всегда произносили так, как он их учил, а сам считал эти русские формы единственно правильными — славянскими, и поддерживал господствующее тогда мнение, что в русской книге сохранился общий язык письменности православных югославян»²⁶.

В 1755 г. данное сочинение было переиздано в Рымнике «въ пользу и употребление отроков сербских, желающих основательнаго научения славенскаго диалекта». Это издание представляет собой точную перепечатку московского издания 1721 г.

Грамматике Смотрицкого следовали затем изданные для сербских школ «Руководство к праволагланію и правописанію во употребленіе сербских училищ» (Вена, 1793) Стефана Вуяновского; «Руководство къ славенстѣй грамматикѣ, во употребленіе славено-сербскихъ народныхъ училищъ» (Вена, 1793; 2-е изд. 1800, 3-е изд. 1821); «Славенска Грамматика» (Буда, 1832). Все они представляли более или менее точные переделки грамматики Смотрицкого. Сюда относится и упомянутая выше грамматика А. Мразовича 1834 г.

Не меньшей популярностью пользовался и известный букварь «Первое оученіе отрокомъ» Феофана Прокоповича, равно как и «Лексиконъ трезязычный, сиречь реченій славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чинъ расположенное» (Москва, 1704).

Таким образом, нормы, установленные названными учебными пособиями и заучиваемые в восточно- и южнославянских школах, долгое время в этих школах господствовали почти безраздельно.

В свете всего сказанного актуальной становится задача изучения текстов учебно-педагогической литературы XVI—XVIII вв., в частности, того ее обширного и важного раздела, который представляют буквари. Славянские буквари имеют многостороннее значение: они интересны и для истории славянской культуры, так как содержат в себе ценные данные по истории просвещения, роли древнеславянского языка в системе обучения и воспитания, и для славянского исторического языкознания — как тексты лингвистического содержания, кодифицирующие книжно-литературную норму позднего древнеславянского языка. Изучение истории древнеславянского языка — одна из актуальных задач, стоящих перед историками литературного языка: «До сих пор серьезное внимание уделялось лишь древнейшему этапу истории древнеславянского языка — языку старославянскому, языку памятников X—XI вв., что касается изучения древнеславянских памятников более поздних эпох — вплоть до XVIII вв., то они изучались спорадически, главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт, присущих отдельным (национальным) славянским языкам. Большинство исследователей отказалось от опытов создания общей истории древнеславянского языка в тех или иных локальных ареалах восточно- или южнославянском или уже — русском, украинско-белорусском, сербском, болгаро-македон-

²⁶ П. А. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII в. (Очерк из истории влияния на югославянские литературы). СПб., 1903, с. 163.

ском, хорватско-глаголическом, влахо-молдавском и т. д., не говоря уже о создании общей истории, которая бы охватила всю территорию так называемого «греко-славянского мира»²⁷.

Между тем, славянские буквари в их полном виде заключают материал, который нельзя не принять во внимание при изучении единого литературного языка православных славян.

---

²⁷ Н. И. Толстой. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.). В кн. Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 230—231.

Из истории славистики

ВИЛЬГЕЛЬМ ЦАЙЛЬ

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНИИ (С КОНЦА XVII в. ДО 1945 г.)

Ссылаясь на обоснованное многими славистами и историками комплексное понятие славистики, которая наряду с изучением языков, литературы и фольклора включает в научное исследование и преподавание также другие проблемы истории славянских народов¹, под историей славистики в Германии я понимаю историю возникновения, распространения, углубления и пропаганды научных знаний о славянских народах, их языках и культуре в широком историческом контексте. Особая роль в этом процессе выпала на долю практических языковых знаний как существенной основы для передачи и восприятия культур и ознакомления с историей славянских народов. Решить такие важные и ответственные в научном и политическом отношении задачи можно было с помощью комплекса научных дисциплин, а также при национальном и международном дисциплинарном сотрудничестве на широкой основе. В Германии, где, как и в других странах, не только метод, но и — часто под влиянием особых исторических событий — само содержание славистических исследований принимали то или иное направление, этот комплекс не исчерпывался только языкознанием, литературоведением и фольклористикой. Имели место более или менее успешные попытки всестороннего исследования различных областей культурной жизни и национальной истории славянских народов с учетом их взаимных и международных связей, а также научно-исторического объяснения отношений и взаимовлияния славянских и неславянских культур. Следует также отметить усилия как в области пропаганды культурных и научных достижений славян, так и распространения результатов проведенных славистических исследований и достижений в различных областях, осуществляемых с помощью различных средств.

В идейной позиции славистики в Германии, в ее научной, социальной и политической ангажированности «за» и «против» славянских народов — я вижу специфику немецкой славистики в рассматриваемое время. При больших или меньших социально-экономических, политических и культурных связях немецкого и славянского народов в отдельные исторические

¹ Ср. Д. Ф. Марков. Славяноведение как комплекс научных дисциплин. В сб. Методологические проблемы истории славистики, М., 1978; е г о ж е. Некоторые вопросы истории славистики. В кн. «Práce z dějin slavistiky», t. II, Praha, 1975, s. 13—17; W. Zeil, H. P o h r t. Zur Entwicklung der Slavistik in Deutschland von ihren Anfängen bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Slavistik» (далее — ZfSl), XXII, 1977, S. 170—193.

эпохи и периоды славистика развивалась в основном в двух противоположных традиционных направлениях: к первому принадлежало большинство славистов, придерживавшихся буржуазно-гуманистических установок, которые не исключали не только идейно-политической дифференциации, различий и колебаний, но и вытекающих из этого ошибочных выводов; второе направление (усилившееся со второй половины XIX в.) составляли националистически и шовинистически настроенные немецкие слависты, интересы которых в период империализма в огромной степени смыкались с интересами германского империалистического «Остфоршунга» и «Дойчтумсфоршунга», связанных с реакционной политикой господствующих классов в отношении славянских народов. Выходящей за пределы буржуазного общественного устройства, обусловленной более широкими социальными и политическими связями и пролетарским интернационализмом альтернативой обеим названным традиционным линиям в немецкой славистике был идеологически и политически обоснованный интерес, проявляемый многочисленными представителями немецкого революционного рабочего движения к русскому народу и к другим славянским народам, их истории, культуре, науке, языкам, а также их усилия, направленные на распространение славистических знаний среди пролетариата и его союзников. «Знание русского языка,— писал Фридрих Энгельс в 1874 г. в своем цикле „Эмигрантская литература“,— языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков и ради раскрываемой им литературы,— теперь уж не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов»². Такое положение вещей представляет собой существенную особенность славистики в Германии, отличающую ее от славистики в славянских странах. В этих странах, несмотря на все различия их исторического развития и порой серьезные разногласия между деятелями культуры и науки, что отражалось и на славистике, существовали гораздо более благоприятные предпосылки и стимулы для развития славистических исследований, поскольку они составляли здесь неотъемлемую часть исторического процесса формирования буржуазных наций, «национального возрождения», защиты национального существования и национально-освободительной борьбы, а позднее, особенно в 1933—1945 гг.,— борьбы против фашизма. Особенно быстро развивавшееся в XIX в. национальное самосознание славянских народов способствовало углубленному и расширенному сравнительному изучению вопросов истории и культуры славянских народов, а также истории их национальных языков. В итоге в славянских странах, несмотря на все имеющиеся социальные и идейно-политические различия, преобладало иное отношение людей, особенно ученых, ко всем славистическим проблемам, отражавшим национальные интересы славянских народов: в славистике ставились задачи, вытекавшие из борьбы славян за национальный, культурный и социальный прогресс³.

В качестве важной движущей силы славистических исследований в славянских странах, в том числе и среди славян, живших в Германии, выступала идея «славянской солидарности», которой принадлежит особое место в истории славянских народов, их культуры и науки. Этой идее единства славянских народов, которая несмотря на вышеуказанные различия, оказала сильное влияние на славистику в славянских странах, противостояла со стороны немцев временная изоляция от базы славис-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2, т. 18. М., 1961, с. 526.

³ Ср. Д. Ф. Марков. Там же; W. Z e i l. Der nationale Befreiungskampf der slawischen Völker um die Wende des 19. Jahrhunderts zum 20. Jahrhundert und die Sorabistik. «ZfSl», XVII, 1972, S. 563—579.

тических исследований, объяснявшаяся прежде всего враждебной позицией господствующих классов по отношению к славянам.

Основными препятствиями для развития славистики в Германии были широко распространенные среди немецкого населения на основе нередко сознательно насаждаемых предубеждений и антипатий невежество и безразличие в отношении славянских народов, усилившаяся со второй половины XIX в. националистическая предубежденность против них немецкой интеллигенции, и, в первую очередь основанная на национализме и шовинизме, особенно проявившаяся в условиях «натиска» германского империализма на Восток и Юго-Восток, «научному» обоснованию и подкреплению которого служила система так называемого «Остфоршунга», откровенная враждебность господствующих классов и их прислужников по отношению к славянам, их культуре, их справедливым национальным, социальным и политическим требованиям. После 1917 г. в арсенале немецких остфоршеров появился открытый или скрытый антисоветизм, который был характерен также и для буржуазной науки в возникших в 1918 г. независимых западно- и южнославянских государствах. Находясь в таком положении и на таких позициях, славистика в Германии была не в состоянии выполнять свою гуманистическую миссию — путем распространения славянских языков и культур, сведений об истории славян — способствовать германо-славянскому взаимопониманию и сотрудничеству. Вплоть до 1945 г. она отставала в своем развитии от других гуманитарных наук, не могла идти в ногу с быстрым, начиная с XX в., развитием славистики в славянских странах и не отражала все возрастающее международное значение славянских народов, их языков и культур.

Тот факт, что большинство либеральных немецких славистов либо совсем не сознавали преимущественно общественной детерминированности славистики, либо не осознавали всех вытекающих из этого последствий, а посвящали себя славистике ради нее самой и верили, «что она никогда не может привести к плохому, так как поиски истины хороши сами по себе»⁴, повлек за собой далеко идущие последствия в идейно-политическом и научном отношении. При сознательно консервативных политических позициях некоторых ученых и большей или меньшей лояльности по отношению к тогдашним правительствам такое замыкание в рамки «чистой науки» вело к исключению из исследований и преподавания ключевых проблем истории славянских народов и важных социальных и политических вопросов современности. Этим объясняется и бросающееся в глаза преобладание с XIX в. языкознания над другими областями славистики.

На это оказывало влияние и все возрастающее понимание того, что один ученый был не в состоянии охватить весь накопленный объем знаний по славистике и ее историографии (что было возможно в XVIII в.), что способствовало дальнейшей специализации в науке, а также повышению значения в славистике изучения языков и передачи знаний о них, начиная с эпохи Просвещения и национального романтизма. Этим объясняется то, что германская славистика долгое время была простым придатком индоевропеистики. Во второй половине XIX в. не было недостатка в попытках постепенно вывести ее из этого русла. При односторонней ориентации на сравнительное языкознание славистика не могла соответствовать своему подлинному назначению. Но необходимо отметить, что особенно в период Веймарской республики и фашистской диктатуры немецкие слависты, хотя и ориентировались в своих исследованиях именно на это направление, не всегда могли избежать подчинения империалистической политике в области науки и злоупотреблений достижениями славистики, что можно тем

⁴ Н. В о г н, М. В о г н. Der Luxus des Gewissens. München, 1969, S. 183f.

не менее рассматривать как их попытку уклониться от прямого обслуживания интересов правящих кругов.

Все эти отрицательные моменты препятствовали не только развитию славистических исследований и распространению знаний о славянах в Германии, но и тормозили развитие других научных дисциплин, так как многие ценные результаты исследований славянских ученых, вследствие языковых барьеров, преднамеренной изоляции от славянской культуры и науки, пренебрежения к разработке определенных областей, лишь с трудом проникали в немецкую науку. В связи с этим положение и перспективы развития славистики в Германии при всем единстве мировой славистики в отношении ее предмета исследования независимо от многочисленных общих черт, параллельных путей развития, а также периодических тесных контактов между славистами в Германии и их коллегами в славянских странах отличались от положения и перспектив развития славистики у славянских народов.

Возникновение щедры финансируемого государством германского империалистического «Остфоршунга» представляло опасность для либерального направления в немецкой славистике⁵. Система «Остфоршунга» пыталась в том числе и с помощью выгодных финансовых предложений подчинить представителей этого направления своим реакционным целям и использовать их достижения для осуществления своих замыслов. Оказались неизбежными определенные, часто лишь тактические и словесные, уступки немецких славистов изоцированной системе «Остфоршунга», которая, будучи материально обеспеченной и претендуя на руководство широкой сферой исследований по славяноведению, во все возрастающей степени конкурировала с либеральным направлением в славистике, что привело к их временному слиянию. Эта тяжелая обстановка в германской славистике в период империализма составляет одну из особенностей ее развития в течение примерно половины столетия. После же Великой Октябрьской социалистической революции большинство немецких славистов, не всегда солидаризируясь с официальным антисоветизмом, не видели или отвергали то новое, что давала науке основанная на марксизме-ленинизме советская славистика, лишая себя этим важных научных итогов и выводов.

Учитывая политическое и идеологическое развитие Германии до 1945 г., следует тем более высоко оценить усилия и успехи тех специалистов, которые продолжали с буржуазно-либеральных позиций вести исследования в области славистики и занимались пропагандой славянских языков и культур. Их деятельность, не получавшая, как правило, никакой поддержки или получавшая очень незначительную поддержку со стороны государства, при всей ограниченности ее общественного воздействия, обусловленной ее мировоззренческой узостью и ошибочными идейно-политическими построениями, составляет существенный компонент прогрессивной традиции в немецкой славистике.

Развитие славистики в Германии показывает, что немецкие слависты могли внести вклад в германскую и международную славистику и содействовать ее прогрессу именно тогда, когда они обращались к основным задачам славистики, сознательно порывали с национализмом и шовинизмом

⁵ Cp. E. W o l f g r a m m. Slawisten in der Ostforschung. In: Auf den Spuren der Ostforschung. Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl—Marx—Universität Leipzig (GSR), Sonderband 1, 1962, S. 151—166; F. H. G e n t z e n, E. W o l f g r a m m. «Ostforscher» — «Ostforschung». Berlin, 1960; Ch. M ü c k e n b e r g e r. Zum Wesen und zur Entwicklung der «Ostforschung». In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Berlin, 1964, S. 281—293; G. V o i g t. Aufgaben und Funktion der Osteuropa—Studien in der Weimarer Republik. In: Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. II. Berlin, 1965, S. 369—399.

господствующих кругов, тесно сотрудничали с либерально настроенными, прогрессивными буржуазными славянскими учеными в стране и за рубежом и во имя прогрессивных целей стремились ознакомить общественность с итогами своих исследований. Уважение, с которым большинство немецких славистов относилось к культурным и научным достижениям славянских народов, к их языкам, способствовало преодолению западно-европейских или германо-центристских воззрений, созданию картины жизни славянских народов в духе буржуазно-прогрессивных идей у части германского населения, в духе буржуазного гуманизма. Созданные на такой основе исследования немецких славистов достигали результатов, находили международное признание как ценный вклад в мировую славистику. Наряду с конструктивным сотрудничеством немецких и славянских ученых, это являлось прогрессивной альтернативой национализму и шовинизму господствующих кругов, враждебному отношению к славянам, которые в конце XIX в. охватили широкие круги немецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, а также безразличию большинства немецкого населения к славянам, в определенной мере переросшему в пренебрежение и даже презрение.

К особенностям развития славистики в Германии я причисляю также большинство причин и обстоятельств, заставлявших в то время исследователей концентрировать внимание на занятиях языками, культурами и историей славянских народов, и их влияние на отношение различных классов и слоев немецкого населения к славянам. В славистике угнетенных славянских народов существенной движущей силой славистических исследований с конца XVIII в. становятся их возрастающее национальное чувство, формирующееся в эпоху Просвещения и романтизма национальное языковое, культурное и историческое самосознание, которое позднее вылилось в углубляющуюся политическую борьбу за национальное освобождение, социальное равноправие и государственную самостоятельность. При всем значении, которое процесс формирования буржуазных наций славянских народов со всеми его социальными и национальными последствиями, и прежде всего связанные с этим подъем национальных культур и развитие науки славянских народов имели и для немецкой славистики, в Германии, однако, он в полной мере коснулся только живущих в этой стране славянских национальных меньшинств. У лужицких сербов и части поляков, земли которых после трех разделов Польши в последние десятилетия XVIII в. были включены в состав Пруссии, преобладали национальные, национально-культурные и национально-политические мотивы для зарождения и развития славистических исследований, что не исключает того, что при этом играли роль и другие причины.

Для немцев же большее значение имели другие основания. Наряду с последствиями, вытекающими из географической близости славянских народов, а также с вхождением лужицких сербов и поляков в состав страны, сюда относятся прежде всего экономические, торговые, некоторые политические, военные, религиозные и, наконец, выдвигаемые различными сторонами развития чисто научные проблемы. Разумеется, на отдельных этапах развития славистики в Германии они ставились по-разному. Преобладание таких задач в немецкой славистике не исключает того факта, что на каждом этапе имелись видные прогрессивные немецкие буржуазные ученые, осознавшие всемирно-историческую роль славянских народов, значение их культур и языков и руководствовавшиеся этим сознанием в своей научной деятельности. Свои исследования и преподавание они не подчиняли исключительно прагматическим или тактическим целям правящих кругов и не занимались славистикой ради самой славистики, а ставили свои работы на службу культурному, социальному и политичес-

кому прогрессу. Осознание ими вытекающей из признания политического и духовного значения славянских народов необходимости культурного сближения и научного сотрудничества с ними и основанный на этом интерес к славянским народам, их культурам, языкам и истории давали сильные импульсы развитию славистики в Германии, обусловили ряд ее крупных достижений.

К особенностям развития славистики в Германии я отношу и то большое значение, которое видные немецкие слависты придавали изучению славянских языков, выработке практических навыков в пользовании ими. Распространение языковых знаний занимало, конечно, прочное место и в славистике славянских стран, но в Германии оно рассматривалось как основная предпосылка для других форм деятельности, причем и здесь, наряду с борьбой против социальных и политических предрассудков приходилось преодолевать ложные представления о необычных трудностях изучения славянских языков. Многие немецкие слависты даже видели в изучении славянских языков основную задачу славистики в Германии. Нельзя упускать при этом из виду, что это отчасти было связано и с чисто утилитарными соображениями, отвечавшими эгоистическим классовым интересам определенных кругов. Так, например, немаловажную роль играли в этом плане интересы купечества в ходе освоения новых рынков сбыта и соображения при выработке военных планов. Но незнание языков или недостаточные языковые знания были также причиной того, что культурные и научные достижения славянских народов не находили в Германии соответствующего отклика, в результате чего очень нужное сотрудничество немецкого и славянских народов во многих областях влачило жалкое существование.

Другая, тесно связанная с предыдущей особенностью славистики в Германии состоит, на мой взгляд, в том, что в значительной мере ею занимались здесь и двигали ее вперед конструктивно сотрудничавшие немецкие и славянские ученые, что в некоторых областях на протяжении десятилетий немецкую славистику представляли почти исключительно славянские ученые, постоянно или временно работавшие в Германии, что направляющие импульсы она получала именно от славянских ученых. Жившие в Германии помимо славистов из славянских стран славяне — представители других гуманитарных, а также естественных наук и даже ремесленники, объединявшиеся в научные и просветительские общества и союзы, также оказывали стимулирующее влияние на развитие славистики в Германии. Особую роль в этом плане играло то историческое обстоятельство, что в Германии жили лужицкие сербы, а после разделов Польши и поляки, которые уделяли большое внимание изучению своих родных языков, сохранению культуры и истории своих народов, и тем самым они обогащали и значительно продвигали вперед немецкую славистику в целом.

О роли полонистики и сорабистики в немецкой славистике невозможно с достаточной полнотой сказать в столь сжатом обзоре. Это также является одной из ее особенностей. Этим лишь подчеркивается их особое положение и ни в коем случае не умаляются другие области. Слависты в Германии до 1945 г., разумеется, с различной интенсивностью, зависевшей от многих факторов и прежде всего от внутривнутриполитического положения в стране в различные периоды, изучали языки, культуру и историю всех славянских народов, причем русскому народу, его языку и культуре, мировому значению русской культуры всегда уделялось особое внимание. «Польский вопрос» в Пруссии оказал большое влияние на основание и развитие кафедр славянской филологии во Вроцлаве и Берлине в 1841 г. Точно также сорабистика была важной научной и политической частью славистики в Германии. «Сербо-лужицкий вопрос» играл решающую роль не

только в утверждении сорабистики как существенной части славистики в Германии путем создания Матицы Сербской в Бауцене в 1847 г., но и при основании кафедры славянской филологии в Лейпцигском университете в 1870 г.⁶ Такая взаимосвязь между национально-освободительной борьбой лужицких сербов и сорабистикой определяет ее особое место в славистике в Германии, так же как и ее особую функцию и значение в истории сербо-лужицкого народа⁷. Постоянная поддержка, оказываемая лужицким сербам в их сорабистических исследованиях, во-первых, со стороны представителей других славянских народов на базе демократической «славянской взаимности», идеи которой имели большое значение для лужицких сербов, их культуры и науки, и, во-вторых, со стороны буржуазно-либеральных немецких ученых, также относится к особенностям истории славистики в Германии до 1945 г. При этом не следует упускать из виду политического консерватизма и мировоззренческой ограниченности буржуазных ученых, что исключало более глубокое понимание ими основных социальных и политических проблем.

Особенности истории славистики в Германии, которые на отдельных этапах ее развития претерпевали те или иные изменения, получали ту или иную форму или акцент, играли в конкретно-историческом процессе развития этой науки как ускоряющую, так и замедляющую роль. Это показывает обзор истории славистических исследований и преподавания в Германии⁸.

Первый заметный подъем славистических исследований в Германии, традиции которых, как и в других странах Европы, корнями уходят в XVI в., имел место на рубеже XVII и XVIII вв. и особенно в первые десятилетия XVIII в. Стимулами для этого послужили культурные, научные и просветительские устремления, а также экономические и церковно-политические задачи эпохи раннего Просвещения в Германии и раннего пинетизма в Галле. Особое значение имели гуманистические взгляды немецких и славянских, особенно сербо-лужицких ученых, таких как Готтфрид Вильгельм Лейбниц, Гюб и Генрих Вильгельм Людольфы и Иоганн Леонгарт Фриш, а также Михал и Абрахам Френцели, которые, сознавая значение славянских народов, прежде всего русского народа, его языка и культуры в истории Европы, хотели поставить славистические исследования на службу духовному и культурному сближению народов, и тем самым наметили то прогрессивное традиционное направление развития славистики в Германии, о своей принадлежности к которому впоследствии заявили многие немецкие и славянские ученые в Германии. Первым успехом немецких славистов была «Русская грамматика» (1696) Генриха Вильгельма Людольфа. Она заняла прочное место в истории не только среди

⁶ W. Z e i l. Zur Bedeutung des Leipziger slawistischen Lehrstuhls für die Sorabistik in Deutschland. In: ZfSl XXII (1977), S. 131—136; e r o ж e. Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für slawische Philologie (1870—1945). Ein Beitrag zur Geschichte der Slawistik in Deutschland und der deutsch-slawischen Wissenschaftsbeziehungen. In: Lëtôpis (Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung in Bautzen), A 24/2 (1977), S. 202—225.

⁷ Ср. J. B r a n k a ě k, F. M ě t š k. Geschichte der Sorben, Bd. 1: «Von den Anfängen bis 1789. Bautzen, 1977; J. S o l t a, H. Z w a h r. Geschichte der Sorben, Bd. 2: Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1974; M. K a s p e r. Geschichte der Sorben, Bd. 3: Von 1917 bis 1945. Bautzen, 1976; H. S c h u s t e r — S e w c. Der Beitrag russischer und sowjetischer Sprachwissenschaftler — Slawisten zur Entwicklung der sorabistischen Linguistik. In: Der Große Oktober und die russische Sprache. Leipzig, 1977, S. 111—123; W. Z e i l. Funktion und Bedeutung der Sorabistik in der Geschichte der Sorben bis 1945. In: Lëtôpis B (в печати).

⁸ Ср. W. Z e i l, H. P o h r t. Zur Entwicklung der Slawistik in Deutschland. Ibid., В. Ц а й л ь, X. П о р т. Этапы развития славистики в Германии до 1945 г. В сб. Методологические проблемы..., с. 146—173, 319—320.

пособий для занятий русским языком за границей, но и среди различных попыток его описания⁹. В ходе расширившихся и углубившихся дальнейших теоретических, практических исследований, провозглашавших борьбу против равнодушия и враждебности по отношению к славянам, славистика в Германии пережила новый подъем во второй половине XVIII — начале XIX в. Этому способствовали как собственные успехи немецких ученых, так и подъем славистических исследований в славянских странах, связанный с просветительским этапом национального возрождения славянских народов, в ходе которого в славянских странах были заложены основы современной научной славистики. Возросшая с начала 60-х годов XVIII в. и связанная с имевшей международное значение деятельностью Августа Людвиг фон Шлёцера и Иоганна Готтфрида Гердера ориентация немецких просветителей на языки, на их историко-философское и сравнительное исследование, а также их интерес к народам, их истории и культурным достижениям создали основу для дальнейшего развития славистики в Германии. Для немецкого Просвещения, видевшего будущее в установлении взаимопонимания с Россией, характерно, что, наряду с Лейбницем, Шлёцер, один из ведущих немецких просветителей, сам долгое время работал в России, а затем постоянно оказывавший поддержку основателю современной славистики Йозефу Добровскому, ожидал «важных наставлений относительно славянских языков из Петербурга или Вены», «так как только там можно найти ученых мужей, с постоянным усердием на протяжении многих лет отдающих себя изучению славянского языка»¹⁰. Проповедуемая Гердером идея дружбы немцев со славянами, которая была изложена прежде всего в знаменитой «Славянской главе» его труда «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), по своей основной социальной и этической тенденции предвещавшая буржуазный общественный строй, была особым стимулом для развития продуктивного германо-славянского сотрудничества, на которое обе стороны всегда могут сослаться. Историческая дальновидность Гердера и его вера в великое будущее славян сделали его ведущим представителем прогрессивного буржуазного направления в исследовании, восприятии и в передаче знаний о славянской культуре в Германии. Его прогрессивные воззрения на национальную и международную роль народной поэзии, а также призывы собирать и публиковать фольклор славянских народов впоследствии нашли последователей¹¹.

Вместе со Шлёцером и Гердером работала целая плеяда выдающихся немецких и славянских, главным образом сербо-лужицких ученых: Карл Готтлоб фон Антон, Иоганн Кристиан Кристоф Рюдигер, Иоганн Северин Фатер, Иоганн Кристоф Аделунг, Карл Гульде, Иоганн Готтлиб Гауптман, Кристиан Кнаут и Георг Кёрнер, а также Ян Горчански, Михал Ян Валда и Ян Бедрих Фрико. Все они использовали достижения развивающейся в рамках позднего Просвещения и раннего романтизма научной славистики в славянских странах. Они плодотворно обменивались опытом, были в состоянии и сами оказать воздействие на развитие славистики за пределами Германии.

К особенностям славистики XVIII в. относится тесная связь филологических и исторических исследований, часто воплощавшаяся в одном лице. Начиная с XVI в., в первую очередь Россия и ее история находились в цен-

⁹ Ср. Р. Б у д а г о в. Заметки о русском языке в современном мире. «Общественные науки», 1977, № 6, с. 126.

¹⁰ A. L. Sch l ö z e r. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771, S. 330.

¹¹ Ср. E. H e x e l s c h n e i d e r. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967.

тре внимания немецких ученых, стоявших на различных позициях. Благодаря этому интересу мы имеем источниковедческие работы непреходящего значения, важные для славистики в целом. Говоря об истории славистических исследований, следует вспомнить немецкую историографию по России и Восточной Европе, которая после перехода от связанного с легендами аналитического изложения к критически проверяющей факты историографии на рубеже XVII и XVIII вв. занимала все большее место и которая в XVIII и XIX вв. и в России принималась во внимание и оказала известное влияние; несмотря на всю ее самостоятельность и специфичность по сравнению со славистикой при изображении истории славянских народов ее нельзя сбрасывать со счетов, рассказывая об истории славянских исследований. В XIX в. все больше ослабевала характерная для XVIII в. связь между филологией и историографией, так как накопление знаний вызывало более узкую специализацию науки. Историография как и филология все больше превращалась в самостоятельную отрасль славистических исследований.

XVIII в., особенно его вторая половина, был периодом, когда были заложены основы славистики. Он создал «историческую модель во взаимоотношениях между национальными культурами Восточной и Западной Европы, между славянскими и другими европейскими культурами». В области восприятия и распространения культурных достижений славян, усилий, направленных на распространение славянских культур в Германии и других странах Западной Европы, германское Просвещение выполняло функцию европейского посредника¹². Немецкие слависты приняли в этом большое участие. Они пришли к основополагающему и имеющему большое значение для будущего убеждению, что изучение и знание славянских народов, их истории, их культуры, включая народную культуру, и их языков должны стать интегральной частью европейской науки и образования.

Шлёдер, Рюдигер и немецкий востоковед Иоганн Давид Михаэлис настойчиво выступали за распространение серьезных знаний о славянских народах и их культурах, а также за изучение их языков в Германии. При этом они всегда обращали особое внимание на возрастающее значение русского народа, его историю, культуру и язык. Точка зрения Рюдигера о том, что важнейшей предпосылкой для расцвета языка и культуры народов, в том числе и славянских является их национальная свобода¹³, особенно ясно характеризует гуманистическую позицию немецких просветителей. Как действительно прогрессивная альтернатива социальному и национальному угнетению и дискриминации славян, пренебрежению их культурными ценностями, а также часто выражавшимся сомнениям в жизнеспособности языков малых славянских народов, она в своей основной социальной и политической тенденции выходит за рамки буржуазного общественного миропонимания.

Немецкая и славянская научная, художественная и критическая периодика, издатели, книготорговцы и переводчики, как и, наконец, научные общества XVIII—XX вв. играли роль первооткрывателей культурных и научных достижений славянских народов для Европы, были конструктивным элементом в славистике в Германии¹⁴. Распространение пронизанных идеями гуманизма культур славянских народов, особенно русской культу-

¹² Cp. G. Ziegengeist. Die slawischen Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis 20. Jahrhundert. ZfSl XXI, 1976, S. 440.

¹³ «Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten von J. C. C. Rüdiger», 5. Stück. Halle, 1793. S. 46, 226 f.

¹⁴ Cp. G. Ziegengeist, Ibid., S. 442.

ры, в котором особую роль играли сознававшие свою ответственность переводчики, имело поэтому важное значение, поскольку оно еще больше усиливало интерес к славянам и их языкам.

Заложенные в XVIII в. основы немецкой славистики явились в определенной степени и высшей точкой ее развития. Гуманистическая дальновидность немецких и славянских ученых в Германии и удивительное видение взаимосвязей и будущих тенденций развития науки, на которых базировалось всестороннее изучение истории славянских народов, их культур и языков, остались недостижимы для немецкой буржуазной науки вплоть до 1945 г. Одной из важных причин этого несомненно было быстрое накопление знаний и связанное с этим развитие отдельных дисциплин, обусловившие необходимость специализации ученых. Другой — растущий национализм, в первую очередь немецкий.

В первые десятилетия XIX в. процесс формирования национальных культур славянских народов как существенная составная часть их «национального возрождения» поднялся на новую ступень. В условиях романтического этапа «национального возрождения» западных и южных славянских народов, проходившего не без влияния немецкой национально-романтической мысли, и подъема общественной мысли в России возникло много своеобразных славянских исследований, имевших общеевропейское значение. Начиная с этого времени славянские народы во все возрастающей количественно и качественно степени стали оказывать влияние на культурный и научный прогресс человечества. Расширились и углублялись межславянские и внутриевропейские, прежде всего германо-славянские контакты, ускорился процесс передачи знаний, что послужило новым толчком для дальнейшего развития славистики в Германии. Во втором десятилетии XIX в. славянские исследования в Германии испытали новый подъем. Германо-русское братство по оружию в освободительной войне против Наполеона значительно усилило интерес немцев к русскому языку, культуре и истории.

И впоследствии история, язык и культура русского народа постоянно занимали особое место в работах славистов Германии. Об этом свидетельствует деятельность Йоганна Адольфа Эрсмана Шмидта и Яна Петра Йордана в Лейпциге. Издавая «Ежегодники славянской литературы, искусства и науки» (1843—1848), Йордан хотел проложить мост между славянской и немецкой культурой, раскрыть историческое значение русского народа и других славянских народов, их культур и языков в процессе развития человеческого общества. Особое значение приобрели, несмотря на все их идейно-политические и методологические слабости, многочисленные, составленные славистами, в том числе и немецкими, обзоры русской литературы, такие, например, как «Литературные портреты из России» (1837) Гейнриха Кенига и Н. А. Мельгунова, «Взгляд на историю русской литературы» (1840) Я. М. Неверова и «Художественная и научная литература русских» (1843) Вильгельма Вольфсона, критические статьи и заметки по русской литературе Карла Августа Варнхагена фон Энзе, Я. П. Йордана и других. Переводами произведений русской литературы на немецкий язык в середине XIX в. много занимались Фридрих Боденштедт, Карл Роберт Липперт и Август Видерт. Традиция распространения знаний о литературах славянских народов, главным образом русского народа, при помощи обзоров и переводов, авторами которых были немцы и славяне, продолжалась и в дальнейшем. Лужицкий серб Ян Карл Богвер Пьех перевел на немецкий язык «Историю славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Спасовича (Лейпциг, 1880—1884) и «Основные черты истории новейшей русской литературы» С. А. Венгерова (Берлин, 1889). В Германии вышли в этот период «История русской литературы» А. Райнхольдта (Лейпциг,

1886), «История русской литературы» Г. Полонского (Лейпциг, 1886) и «История русской литературы» А. Брюкнера (Лейпциг, 1905).

При этом большую роль играли различные литературные журналы, а также издаваемый немецкий ученым Адольфом Эрманом «Архив научного изучения России» (1841—1867)¹⁵.

Немаловажным свидетельством интереса к России были также учебные пособия по русскому языку, создание которых обуславливалось прежде всего практическими, утилитарными мотивами, а зачастую экономическими и политическими целями.

Большое значение для дальнейшего развития славистики в Германии имели работы Франца Боппа по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Включая в свои сравнительные языковедческие исследования славянские языки, особенно старославянский, он в 30-х годах XIX в. создал солидную основу для научной славистики. Главным импульсом ее развития являлись культурные и научные достижения славянских народов габсбургской монархии периода «национального возрождения» и вообще подъем культуры и науки в славянских странах, прежде всего в России, как интегрирующая составная часть национальной истории. Но и возрастающее политическое значение славянских народов габсбургской монархии (славянский съезд в Праге в 1848 г.) и прежде всего русского народа способствовало развитию культуры и науки в Германии. Славистическим исследованиям, в которых наряду с Боппом, благодаря инициативе и познаниям имели также заслуги Фридрих Потт, Вильгельм фон Гумбольдт, братья Август Вильгельм и Фридрих фон Шлегели, а также братья Якоб и Вильгельм Гримм, было присуще признание славянских языков не только как объекта научных исследований, но и как живого средства взаимопонимания, важной предпосылки для ознакомления с культурными ценностями и развития знаний вообще.

Наряду с разносторонней полезной деятельностью в области исследования культурного посредничества и рецепции русской культуры и языка в первой половине XIX в. большое внимание уделялось западным и южным славянским языкам и культурам. Под сильным воздействием прежде всего чешской и словацкой славистики довольно высокого уровня достигла сорабистика. Вышли в свет работы Любенского, Гандри Цейлера и Йордана по грамматике, лексикографические труды Яна Фрица Цвара и Яна Арношта Смолера, образцовый труд по сербо-лужицкому народоведению «Народные песни вендов в Верхних и Нижних Лужицах» (1841—1843), изданный Смолером и Леопольдом Гауптом¹⁶. К зачинателям изучения западно- и южнославянских языков относятся также Якоб Гримм и Иоганн Андреас Шмеллер¹⁷. Во второй половине XIX в. особое значение имело и ознакомление общественности с народными преданиями западных и южных славянских народов. Эти предания собирались, переводились,

¹⁵ Ср. В. И. Кулешов. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина), изд. 2. М., 1977; «Geschichte der klassischen russischen Literatur». Berlin—Weimar, 1965; А. Л. Григорьев. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977, с. 86—96, 29—34.

¹⁶ Ср. R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa, Bd. 1—2. Bautzen, 1954—1960; W. Zeil. Zu den Anfängen sorabistischer Studien in Deutschland. In: Studie z dejin slavistiky konce XVIII—1 pol. stoleti XIX. Bratislava, 1978 (в печати); его же. Zur Entwicklung der Sorabistik in Deutschland zwischen 1848—1849 und 1945. In: ZfSl XXIII, 1978, S. 132—143.

¹⁷ Ср. M. Vasmer. B. Kopitars Briefwechsel mit Jakob Grimm. Berlin, 1938; S. Franková. Johann Andreas Schmeller — einer der ersten deutschen Slawisten. In: ZfSl XV, 1970, S. 413—418.

издавались и интерпретировались знаменитыми немецкими поэтами, учеными и издателями ¹⁸.

Высшая ступень развития славистики в Германии до 1917 г. связана с ее институционализацией, обусловленной научными и политическими условиями. В 1841 г. в университетах Берлина и Вроцлава были созданы «профессуры славянских языков и литератур», а в 1847 г. основана Сербская Матица в Баудене ¹⁹. И хотя приходилось еще преодолевать многие трудности и предрассудки, бороться за признание культур и языков славянских народов, с этим решительным шагом, обусловленным значением славянских народов и уровнем славистических исследований, развитие славистики приобрело международную значимость, стало необратимым и в Германии. В 1870 г. была создана кафедра в Лейпцигском университете, в 1873 г. — вновь основана кафедра в Берлине, а в 1911 и 1914 гг. кафедры славянской филологии были образованы в университетах Мюнхена и Кенигсберга. Лейпциг, имевший длительные традиции плодотворных немецко-славянских контактов и сотрудничества и ставший в XIX в. центром славянского издательского дела и книготорговли, после освобождения болгарского народа от турецкого ига превратился также в важный центр немецко-болгарских связей и занятий болгаристикой, т. е. сравнительной балканистикой.

Буржуазно-демократическая революция 1848—1849 гг. в Германии явилась рубежом между подъемом и начавшимся упадком идеологии и культуры немецкой буржуазии. Пессимизм и открытая враждебность по отношению к прогрессивному оптимизму Просвещения, а также отказ от гуманизма и революционного демократизма были следствием классового компромисса между буржуазией и дворянством. Мал был круг немецких ученых, которые и после поражения буржуазно-демократической революции в Германии, означавшей также цензуру и в истории славистики, выступали за исследование и пропаганду славянских языков и культур, и тем самым отмежевывались от возрастающих националистических и шовинистических тенденций и с буржуазно-гуманистических позиций относились к славянским народам. Наряду с Бошом и Поттом к ним принадлежит демократ и республиканец Август Шлейхер, который в большей мере чем другие использовал славянские языки в качестве важной составной части сравнительного языкознания. К выдающимся представителям сорабистики, ведущим центром которой стала основанная в Баудене Сербская Матица, относились Я. А. Смолер, Михач Горник и Кресчан Богдавер Пфуль. Их научные работы одновременно явились одной из форм борьбы в защиту национальных прав сербо-лужицкого народа, против усиливающейся дискриминации, германизации и угнетения со стороны господствующих кругов в Германии.

Неблагоприятными были условия для развития славистики в возникшем в 1871 г. прусско-немецком милитаристском государстве с его антидемократической внутренней и агрессивной внешней политикой. В конце

¹⁸ Cp. H. Rö h l i n g. Studien zur Geschichte der balkanslawischen Volkspoesie in deutschen Übersetzungen. Köln—Wien, 1975; M. J ä h n i c h e n. Zwischen Diffamierung und Widerhall. Tschechische Poesie im deutschen Sprachgebiet 1815—1867. Berlin, 1967; E. H e x e l s c h n e i d e r. H. Graßhoff. Aus dem Briefwechsel Therese Jakob-Talvjs an P. J. Köppen. In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966, S. 477—488.

¹⁹ Cp. H. R ö s e l. Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland, T. I: Die Universitäten Berlin und Breslau im 19. Jahrhundert. Berlin, 1957; e g o ж e: Beiträge zur Geschichte der Slawistik an den Universitäten Halle und Leipzig im 18. und 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1964; R. J e n é, Ibid., S. 256—262; J. S o l t a, H. Z w a h r. Ibid., S. 104—111; E. H a r t s t o c k. Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz 1830—1848/49, Bautzen, 1977, S. 41—59, 80—100.

XIX в. германский империализм наложил свой отпечаток на все области общественной жизни. Это нашло свое выражение в германском империалистическом «Остфоршунге» и его учреждениях, а также в экспансии германского империализма на Восток и Юго-Восток, в политике и идеологии, в первую очередь направленной против славянских народов. Враждебность к России, которая нередко выливалась также во враждебность по отношению к русскому народу, еще больше усилилась с притоком прибалтийских немцев в университеты и прессу Германии, начавшимся в 60-е годы и возросшим после закрытия университета в Дерпте (Тарту) в 1889 г. Таким образом возможности гуманитарной миссии славистики в Германии были очень ограничены. Из буржуазных ученых лишь небольшое число исследователей-славистов в духе прежних гуманистических традиций выступало за сотрудничество и взаимопонимание со славянскими народами, продолжало изучение их языков, культуры и истории и пыталось их пропагандировать.

В Лейпциге к ним относился Август Лескин, который своими языковедческими трудами, привлекающими до сих пор внимание ученых, и многочисленными статьями, а также работами по фольклористике оказал большое влияние на развитие славистики в Германии и в мире. Благодаря его деятельности было признано равноправие славистики с другими филологическими дисциплинами, о чем свидетельствовало основание Индогерманского института в Лейпциге в 1898—1899 гг. с тремя независимыми друг от друга отделениями: общего языкознания, индийских и славянских языков. Вместе с Лескиным работали Вильгельм Вольнер, Роберт Шольвин, Асмус Зёренсен и Густав Вайганд. Вайганду удалось в рамках основанного и руководимого им Института румынского языка в Лейпциге создать в 1906 г. при поддержке болгарских деятелей Семинар болгарского языка, который благодаря прогрессивным взглядам Вайганда смог стать значительным центром болгаристики, не получившей до этого развития в Германии. Представителями этого традиционного направления были в Мюнхене — Эрих Бернекер, путь которому проложил немецкий византист Карл Крумбахер, в Кенигсберге — Пауль Рост.

Крумбахер обосновывал необходимость разработки славяноведения в Германии идейным богатством славянских культур, предлагал покончить с недооценкой восточных соседних народов. В программной статье «Культурные ценности славянства и славянская филология в Германии» (1908) он писал: «То, что историей славян, как и других восточноевропейских народов, до сих пор так пренебрегают в наших университетах, в средних школах почти вообще проходят мимо нее, объясняется не ее объективной маловажностью, а нашей собственной ленью, недалечностью и невежеством, а также, возможно, повинистической заносчивостью»²⁰. Это мнение разделял Матия Мурко, о чем свидетельствовала его лейпцигская вступительная лекция «Славянская филология в Германии» (1917). Он, как и Крумбахер, придерживаясь буржуазно-гуманистических взглядов, указывал на значение славянских языков и культур, а также на традицию филологического их исследования и преподавания в Германии²¹.

Развитию и обогащению славистики в Германии способствовали своими серьезными славистическими исследованиями многие славянские ученые,

²⁰ Cp. W. Zeil, H. Pohrt, Ibid., S. 184—193; W. Zeil. Slawistische Forschung und Lehre in Leipzig 1870—1917 und ihr Platz in der internationalen Slawistik. In: История славистики конца XIX — начала XX в. София, 1978 (в печати).

²¹ «Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», II, 1908, S. 267—286, 309—316, цит. по: K. Krumbacher. Populäre Aufsätze Leipzig, 1909, S. 348; ср. также: G. Voigt. Bemerkungen zu Tendenzen der vor- und frühimperialistischen deutschen Rußlandkunde. In: WZ der Humboldt—Universität zu Berlin (GSR), XVIII, 1968, 2, S. 249—254.

преподававшие славистику в германских университетах. В Берлине работали Ватрослав Ягич, которому международная славистика обязана «Архивом славянской филологии», и Александр Брюкнер, славянский ученый широкого профиля. С Берлином и Вроцлавом связано имя Войтеха Цыбульского. Вроцлав был также местом деятельности Владислава Неринга. Как преемник Лескина, в Лейпциге недолго работал М. Мурко, где в 1792—1794 гг. преподавал польский язык Богумил Линде²². Сорабистика, которой в основном занимались славянские ученые при поддержке знаменитых ученых, как и прежде играла существенную роль в борьбе сербо-лужицкого народа против антинародной политики немецких господствующих классов. Важнейшими в этой области были совместная польско-лужицкая работа «История сербо-лужицкого народа» Вильгельма Богуславского и Горника (1884) и основополагающие для развития мировой славистики языковедческие исследования Корлы Арношта Муки.

Такое сотрудничество немецких и славянских ученых знаменовало собой высшую ступень развития славистики в Германии XIX в. Наряду с различными теоретическими и практическими работами по лингвистике, предметом научных исследований стали и определенные исторические процессы, для изучения которых вскоре были созданы специальные учреждения (в Берлине, Бонне, Гамбурге и Лейпциге), а также литература и прежде всего народные предания. Уделялось внимание и славянской археологии. Наконец, с расширением перевода и интерпретаций литератур славянских народов, прежде всего русской литературы, в широких кругах читателей пробудился интерес к истории славянских народов и к их культуре, что создавало предпосылки для дальнейшего развития славистики.

Большое значение для общественного резонанса славистики в Германии на рубеже XIX и XX вв. имел интерес ведущих представителей немецкого революционного рабочего движения к культурам славянских народов, особенно к русской культуре. Первую попытку общей немецкой оценки русской литературы XIX в. с марксистских позиций предприняла Роза Люксембург в своем введении к «Истории моего современника» В. Г. Короленко (1918).

Великая Октябрьская социалистическая революция, а также образование самостоятельных чехословацкого, польского и югославского буржуазных государств поставили перед славистикой в Германии новые задачи. Она пыталась справиться с ними путем расширения и интенсификации, а также организационной модернизации исследований и преподавательской деятельности²³. Но шовинизм и реваншизм, антикоммунизм и антисоветизм как проявление упадка буржуазной идеологии и как опора господствующих классов Германии в их «натиске» на Восток и Юго-Восток, идеологически подготавливаемым и обосновываемым германским империалистическим «Остфоршунгом», существенно ограничивали возможности исследований и преподавания в области славистики. Ограничение контактов с Советским Союзом и с буржуазными славянскими и другими государствами привело немецкую славистику к временной

²² «Internationale Wochenschrift», XII, 1918, S. 225—252, 295—320.

²³ Cp. H. P o h r t. Wojciech Cybulski, ein polnischer Slawist und Patriot des 19. Jahrhunderts. Zu seinem Wirken in Berlin 1841—1880. In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Berlin, 1964, S. 113—136; e r o ж e. Vatroslav Jagić und die Slawistik in Berlin. In: ZfSl XXI, 1976, S. 378—391; e r o ж e. Beiträge zum Wirken des Slawisten Aleksander Brückner in Berlin 1881—1939. In: ZfSl XV, 1970, S. 90—102; A. H e r m a n n. Samuel Bogumił Lindes Studienzeit und Lehrtätigkeit in Leipzig. In: ZfSl, 1963, S. 268—286; W. Z e i l. Der Briefwechsel zwischen Korla Arnošt Muka und Matija Murko (1918—1931). Ein Beitrag zur Geschichte der Slawistik. In: Lëtöpis A 16/2 (1969), S. 214—243.

международной изоляции. Наконец, германский фашизм пытался «унифицировать» славистику в Германии и полностью подчинить ее реакционному «Дойчтумс» и «Остфоршунгу».

Происходивший в Веймарской республике, особенно в связи с Рапальским договором (1922), процесс дифференциации среди представителей немецкой буржуазной науки достиг своего апогея в период фашистской диктатуры. Он охватил и славистику.

Некоторые слависты сознательно поставили себя на службу господствующим кругам Веймарской республики, а позднее фашистской диктатуре или же поддерживали их косвенно, исходя из своих консервативных взглядов. Здесь следует назвать Фридриха Вильгельма Ноймана и Артура Лютера. Впрочем, их деятельность частично имела и позитивное значение. Лютер, например, своими переводами произведений русской классической литературы содействовал их популяризации в Германии. Противоречива научная деятельность ряда новых учреждений, таких, например, как Институт Юго-Восточной Европы и ислама в Лейпциге (1917), Институт Восточной Европы во Вроцлаве (1918), Русский научный институт в Берлине (1923) и Украинский научный институт в Берлине (1926). Определяющим в их деятельности было однозначное, реакционное, антисоветское и антикоммунистическое направление, хотя в них велись и ценные исследования по славистике ²⁴.

Однако большинство немецких славистов, придерживаясь различных идейно-политических воззрений, не одобряло политику и идеологию господствующих кругов, направленную против славян. Осознавая возросшее после 1917—1918 гг. значение славянских народов, их языков и культуры, а также учитывая быстрое развитие славистики в Советском Союзе и в буржуазных славянских государствах, эти слависты выступали за деловое сотрудничество со славянскими учеными, снова переходили на позиции «чистой науки». Вопреки мировоззренческим барьерам, а также ошибочным идейно-политическим оценкам, несмотря на вынужденное подчинение своих исследований «Дойчтумс» и «Остфоршунгу» ²⁵, либерально настроенные немецкие слависты подготовили ценные работы, демонстрировавшие их усилия, направленные на объективное исследование языков и культур славянских народов. К ним относились прежде всего немецкие ученые Бернд фон Арним, Э. Бернекер, Пауль Дильс, Фридрих Лоренц, Карл Гейнрих Мейер, П. Рост, Рейнгольд Траутман и Макс Фасмер, сербо-лужицкие ученые К. А. Мука, Богуслав Швела и Павол Вирт, а также работавшие в Германии представители других славянских народов А. Брюкнер, М. Мурко и Дмитрий Чижевский. Они обогатили славистику в Германии и мировую славистику основополагающими языковедческими и культурно-историческими работами, имевшими тогда большое научное значение. Некоторые из этих работ и теперь являются образцовыми. Немецкие слависты внесли также существенный вклад в дело новой организации славистики. Например, М. Фасмер, наряду с созданием славистических учреждений в Лейпциге и Берлине расширил необходимый для германской науки книгообмен, прежде всего с Советским Союзом, и тем самым создал важные предпосылки для научной деятельности немецких и славянских ученых ²⁶.

²⁴ В. Цайль, Г. Порт. Там же; L. Zeil. Die deutsche Slawistik zur Zeit der Weimarer Republik im Spiegel der Korrespondenz zwischen Max Vasmer und Matija Murko. In: ZfSl XXII, 1977, S. 232—243.

²⁵ Cp. G. Voigt. Ibid.; его же. Das Ukrainische Wissenschaftliche Institut in Berlin (1926—1945). In: Zur Ukraine—Politik des deutschen Imperialismus. Jena, 1969, S. 118—156.

²⁶ Cp. G. Voigt. Aufgaben... S. 396.

Важнейшими центрами славистики в Германии в то время были кафедры славянской филологии во Вроцлаве, Берлине, Лейпциге, Мюнхене и Кенигсберге, славянские семинары и кружки славянских языков при многих университетах и высших технических школах (например, в Галле, Мюнстере, Эрлангене, Берлине, Гданьске и Дармштадте), возникшие в 1932 г. Славистическое рабочее объединение при Берлинском университете, ординатуры истории Восточной Европы в Берлине, Бонне, Гамбурге и Лейпциге, учебные группы в ряде университетов, которые занимались вопросами истории славянских народов, особенно русского народа ²⁷.

Сербская Матица в Бауцене оставалась основным центром сорабистики в Германии. Наряду с сербо-лужицкими учеными сорабистикой занимались и видные немецкие ученые: К. Г. Мейер, М. Фасмер, Р. Траутман и Ганс Гольм Бильфельдт ²⁸. Реализация важных планов исследований по сорабистике стала совершенно невозможной в условиях подавления гитлеровцами сербо-лужицкого национального движения и ликвидации всех национальных и культурных учреждений сербо-лужичан.

Свидетельствами развития славистики в Германии в межвоенный период являются также учреждение в 1922 г. самостоятельного Славянского института в рамках философского факультета Лейпцигского университета, создание М. Фасмером Славянского института при университете и Славянской комиссии при Академии наук в Берлине в 1926 и 1932 гг. ²⁹, издание М. Фасмером и Р. Траутманом «Очерков по славянской филологии и истории культуры» (1925 г. и след.) — образцового труда, созданного в результате международного сотрудничества М. Мурко, а затем М. Мурко и К. Г. Мейером серии «Slavika» (1919 г. и след.), за которой последовали «Труды по изучению языка, литературы, культуры, фольклористики и археологии славян», издание М. Фасмером серии «Публикации Славянского института при университете Фридриха Вильгельма в Берлине» (1927 г. и след.) и Р. Траутманом серии «Славяно-балтийские источники и исследования» (1927 г. и след.). Примечательно, что в этих сериях публиковали свои работы немецкие и славянские ученые.

В 1925 г. М. Фасмер основал известный и за пределами Германии «Журнал славянской филологии», который вскоре заменил прекративший существование «Архив славянской филологии» ³⁰. Через этот журнал М. Фасмер хотел «познакомить немецкого читателя с результатами исследований в славянских странах» ³¹. В журнале печатались многие славянские, в частности советские слависты. Для лужицких сербов он был после 1937 г. важнейшим центром и средством распространения научных знаний. Как и славистические труды М. Фасмера и Р. Траутмана журнал оказался важной научной и моральной базой для сохранения сербо-лужицкой культуры и науки, а также для борьбы лужицких сербов за свое национальное существование ³².

²⁷ Cp. M. W o l t n e r. M. V a s m e r. In: Zeitschrift für slawische Philologie, XXXI, 1963, S. 6.

²⁸ Cp. G. V o i g t. Aufgaben... S. 398; «Slawische Rundschau», H. 5, 1932, S. 411 f.

²⁹ Cp. W. Z e i l. Zur Bedeutung...; его же. Die Pflege...; L. Z e i l, W. Z e i l. Die Pflege der Sorabistik in Berlin von 1925 bis 1945 und ihre Bedeutung für die Sorben. In: Lëtopis A (в печати).

³⁰ Cp. L. Z e i l. Gründung und Tätigkeit der «Slawischen Kommission» an der Berliner Akademie der Wissenschaften (1932—1945). In: ZfSl XXIII, 1978 S. 120—131.

³¹ Cp. L. Z e i l. Die deutsche Slawistik. Ibid.

³² «М. Ф а с м е р к М. М у р к о», 8 10 1924. Цит. по: L. Z e i l. Die deutsche Slawistik. Ibid., S. 238.

В 20—30-е годы М. Фасмер, поддерживаемый некоторыми немецкими славистами, снова выступил за расширение знаний о народах Восточной и Юго-Восточной Европы и в связи с этим за создание благоприятных условий для развития славистики, включая и сорабистику. Однако отклик на это был незначителен, как и незначительной была финансовая поддержка со стороны властей и частных лиц. В таком же духе с демократических позиций высказывались Генрих Феликс Шмид и Р. Траутман, которые в 1927 г. представили программу развития славистики в Германии на будущее³³.

Несмотря на значительные усилия немецких и славянских ученых и существенные достижения, славистика находилась в изоляции от других гуманитарных наук³⁴. Она была «чисто кафедральной наукой, суженной до круга немногих ученых, и без всякого отклика в обществе»³⁵. В Веймарской республике, хотя и получило некоторое развитие буржуазно-демократическое направление в славистике, также отсутствовали важнейшие социальные и политические предпосылки для того, чтобы наука о славянских народах могла стать фактором просвещения и воспитания нации³⁶. Во время фашистской диктатуры славистика еще в большей мере была подчинена целям гитлеровской экспансии, непосредственной подготовке к войне и, наконец, ведению войны, и ее гуманистическое направление резко ограничивалось. Некоторые видные буржуазные ученые консервативных взглядов посвятили себя науке ради самой науки и не видели или не желали видеть тесных социальных и политических взаимосвязей науки и общества. Так, например, если основополагающие труды прежде всего советской славистики по истории славянских литератур, в частности восторженно принимаемая рабочим классом советская литература, в буржуазных славистических кругах Германии не встречали интереса или встречали очень незначительный интерес и отметались как политическая пропаганда, то работы советских и других славянских ученых о классической литературе славянских народов, особенно русского народа, находили признание, о чем свидетельствовали многочисленные рецензии и статьи.

В отличие от буржуазных и даже демократических исследователей и читателей, немецкий рабочий класс в период после Октябрьской революции стремился к тесной дружеской связи и знакомству с культурой России и Советского Союза, на что, разумеется, академическая славистика не оказывала влияния. С марксистских позиций вопросами истории и культуры славянских народов, особенно русского народа занимался только Георг Закке в Лейпциге. Как член Коммунистической партии Германии и активный антифашист он в 1933 г. был уволен из Лейпцигского университета и брошен в фашистский концентрационный лагерь, где и погиб³⁷. Такова же была судьба М. Горлина, ценная работа которого «Н. В. Гоголь и Э. Т. А. Гофман» (Берлин, 1933) вышла в серии М. Фасмера «Публикации Славянского института».

³³ Ср. также: М. К а s p e r, Ibid., S. 162, 180; о значении деятельности Макса Фасмера ср. также: А. V. F e d o r o v. Zur Geschichte der Volks- und Hochschulbildung in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945—1949. Erinnerungen. В сб. Erinnerungen sowjetischer Hochschuloffiziere 1945—1949. Berlin, 1977, S. 31—72.

³⁴ М. V a s m e r. Vorwort zum 1. Band der Gemeinverständlichen Schriften des Slavischen Instituts an der Leipziger Universität. Leipzig, 1923; е г о ж е. Vorwort zum 1. Band der Veröffentlichungen des Baltischen und Slavischen Instituts an der Leipziger Universität. Leipzig, 1922.

³⁵ H. F. S c h m i d, R. T r a u t m a n n. Wesen und Aufgaben der deutschen Slawistik. Ein Programm. Leipzig, 1927; G. V o i g t. Aufgaben..., S. 395 f.

³⁶ Ср. также: R. R ů ž i č k a. Slawistik und Russistik vor 1945 und heute in der DDR. In: Der Große Oktober und die russische Sprache. Leipzig, 1977, S. 106—110.

³⁷ H. F. S c h m i d, R. T r a u t m a n n, Ibid., S. 14.

Только после разгрома гитлеровского фашизма в 1945 г. славистика получила возможность содействовать взаимопониманию и дружбе между народами. Мечта о гуманистических началах славистики, владевшая умами крупных немецких ученых уже на рубеже XVII и XVIII вв., смогла осуществиться на новой, более широкой основе и в изменившейся социальной и политической ситуации.

Только в ГДР впервые были созданы важнейшие предпосылки для всестороннего развития славистики в тесном сотрудничестве с учеными Советского Союза и других братских славянских социалистических стран, для превращения ее в научную дисциплину, обогащающую знание. Вместе с тем были созданы условия для научного освещения истории славистики, достижения которой являются частью гуманистического культурного наследия.

В результате появились многочисленные ценные труды по истории славистики в Германии, были открыты новые важные источники³⁸. Однако многое еще предстоит сделать в области теоретических, методологических и конкретно-исторических исследований по истории немецкой славистики. Сейчас уже возможна разработка общей истории славистики в Германии до 1945 г., что и является творческим замыслом историков ГДР. Затем можно будет поставить задачу осветить историю славистики в ГДР.

К основополагающему кругу проблем, которые возникают при изучении истории славистики в Германии до 1945 г., на наш взгляд, относятся понятие славистики в Германии, ее периодизация, оценка научных и идейно-политических позиций ее крупнейших представителей и, наконец, оценка взаимосвязи между общим и особенным на отдельных этапах развития славистики. Предстоит исследовать также вопросы конкретно-исторического развития немецкой славистики:

1. Вклад немецкой славистики в мировую славистику;
2. Славистика в истории германо-славянских отношений;
3. Политика господствующих классов и славистика в Германии, прежде всего в период империализма;
4. Немецкое посредничество и рецепция культурных и научных достижений славянских народов: а) отношение немецкой общественности к славянам и славистике; б) научная и идейно-политическая роль немецких реферативных и специальных научных журналов и серий; в) деятельность немецких и славянских издателей, книготорговцев, библиотекарей и переводчиков в области славистики; г) место переводов произведений литературы и науки в немецкой славистике;
5. Роль кафедр славянской филологии в Берлине, Вроцлаве, Лейпциге, Мюнхене и Кенигсберге в разработке и распространении знаний о славянских народах и в развитии германо-славянских научных отношений;
6. Роль других научных учреждений (семинаров и кружков славянской филологии или славянских языков при некоторых немецких университетах и высших школах, семинаров и ординатур восточноевропейской истории, Сербской Матицы в Бауцене, а также научных обществ и Академий наук, студенческих и гимназических объединений) в истории славистики и германо-славянских научных отношений;
7. Развитие и значение славистики в Германии в 1917—1945 гг.;
8. Германо-славянское сотрудничество в области славистики: а) сотрудничество между немецкими и сербо-лужицкими учеными; б) сотрудничество между немецкими славистами и славистами в славянских стра-

³⁸ Ср. G. V o i g t. Aufgaben..., S. 377.

нах; в) научные связи между сербо-лужицкими учеными и другими славянскими учеными в XIX и XX вв.; г) участие немецких славистов в славистических конгрессах в Праге и Варшаве в 1929 и 1934 гг., а также в подготовке к славистическому конгрессу в Белграде в 1939 г.;

9. Деятельность славянских ученых-славистов в Германии до 1945 г.;

10. Издание источников по истории славистики в Германии (важнейших документов и переписки).

Полное решение этого круга проблем предусматривает комплексная программа исследования и освещения истории славистики в Германии до 1945 г., которая может быть выполнена только при тесном сотрудничестве ученых ГДР, СССР и других стран. При этом важную роль будут играть Комиссия по истории славистики при Национальном комитете славистов ГДР и ее кооперация с Международной комиссией по истории славистики при Международном комитете славистов.

СООБЩЕНИЯ

С. В. ПАВЛОВСКИЙ

О ПОПЫТКЕ Г. С. РАКОВСКОГО СОЗДАТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ В ОДЕССЕ (1858—1859)

Деятельность Г. С. Раковского, основателя революционно-демократического направления в национально-освободительной борьбе болгарского народа, выдающегося революционера и публициста, издателя и редактора первой в истории Болгарии революционной газеты «Дунавски лебед», имела огромное значение для распространения революционно-демократической идеологии в прогрессивных кругах болгарского общества в 60—70-х годах XIX в. и активизации национально-освободительной борьбы против османского ига.

Об одесском периоде деятельности Г. С. Раковского (март 1858—конец 1859 г.), который был исключительно плодотворным в отношении как формирования его революционного мировоззрения, так и в литературном творчестве, имеется ряд документальных публикаций и работ советских и болгарских историков¹. Однако деятельность Г. С. Раковского по созданию политической газеты в г. Одессе специально не рассматривалась. Настоящая статья — попытка освещения данного вопроса.

Идея о необходимости создания общенационального политического органа как орудия революционной пропаганды появилась у Г. С. Раковского после Крымской войны 1853—1856 гг., когда ему стало ясно, что с помощью просветительской идеологии, господствовавшей в национально-освободительном движении Болгарии, нельзя решить главную задачу — освобождение болгарского народа из-под власти Османской империи. Надежды народных масс, патриотической интеллигенции и национальной буржуазии на освобождение с помощью России в ходе Крымской войны не оправдались, а тяжелое поражение обусловило снижение активности России в решении Восточного вопроса, уменьшило ее возможности в реальной поддержке освободительной борьбы болгарского народа во второй половине 50-х и 60-х годах XIX в.

---

¹ Архив на Г. С. Раковски, т. I. София, 1952; А. Д. Б а ч и н с к и и М. Д. Д и х а н. Документи за пребыването на Раковски в Одеса. «Военно-исторически сборник», 1963, № 1; Л. С. Е р и х о н о в. Вестник на Г. С. Раковски «Български древности» (по неизвестни документи из руските архиви). «Език и литература», 1961, № 5; Ст. В е л и к о в. Преписка по опийте за издаване на «Български древности» от Г. С. Раковски в Русия. «Известия на Държавните архиви», София, 1970, № 20; С. I. С і д е л ь н и к о в. Болгарський революционер Г. С. Раковский. Харків, 1959, с. 48—62; Ц. Г е н о в. За дейността на Г. С. Раковски в Одеса. «В памет на професор Александър Бурмов». София, 1973, В. Т р а й к о в. Георги Стойков Раковски. София, 1974, с. 150—170.

Передовая общественность порабощенной Болгарии активно искала такую политическую концепцию, которая помогла бы разрешить коренные проблемы, стоящие перед страной. Выдающуюся роль в ее разработке сыграл Г. С. Раковский, первым обосновавший необходимость всенародного вооруженного восстания как главного средства завоевания политической независимости. Он первым пришел к выводу о необходимости систематической подготовки к восстанию, создания революционной партии, объединяющей и направляющей революционную силу народа на свержение иноземного господства. Г. С. Раковский заложил основы революционной стратегии и тактики, которые затем развили его знаменитые последователи, великие болгарские революционеры-демократы Л. Каравелов, В. Левский, Хр. Ботев.

В болгарской историографии вполне справедливо принято считать, что политическая деятельность Г. С. Раковского делится на два периода: с 1841 до 1854—1856 гг. и с 1856 по 1867 гг. (до его смерти)². В первый период политической деятельности Г. Раковский находился под преимущественным влиянием просветительской идеологии, активно участвовал в церковно-национальной борьбе. Но участие Г. С. Раковского в заговоре брайльских болгар в 1842 г. уже указывало на то, что молодой болгарский патриот не довольствовался только мирными средствами и не исключал вооруженной борьбы против иноземного господства. Для Г. С. Раковского участие в этом заговоре, стремление объединить силы не только болгар, но и греков, сербов, румын в освободительной борьбе против османских завоевателей является тем рубежом, с которого начинается его освобождение от буржуазно-просветительских иллюзий и превращение из либерального активиста греко-болгарской церковной борьбы в революционера-демократа, борца за национальную независимость.

В 40-е — первую половину 50-х годов XIX в. сформировалась еще одна яркая черта революционной идеологии Г. С. Раковского — непримиримая классовая ненависть к чорбаджийскому сословию, которое в процессе исторического развития экономически и политически связало себя с османской системой эксплуатации болгарских трудящихся, превратилось тем самым в их непримиримого врага.

Начало второго периода политической деятельности Г. С. Раковского проходило под сильным влиянием Крымской войны, особенно в ее начальный период, когда Россия одержала ряд побед и казалось, что участь некогда могучей Османской империи будет решена. Г. С. Раковский активно включается в четническое движение, связывая его расширение и активизацию с приближением русских войск к границам империи³. Но неудачный ход последующих действий, падение Севастополя и последовавшее за ним поражение царской России ослабило надежды Г. С. Раковского на внешнюю военно-политическую помощь в борьбе против Османской империи, лишило его возможности оставаться в Болгарии, он вынужден был эмигрировать в Австрию. В эмиграции, понимая невозможность немедленного открытого вооруженного выступления против угнетателей, он приходит к выводу о необходимости пропаганды идеи

² И. Шишманов. Раковски като политик. Избрани съчинения. София, т. I, с. 334; Н. Генчев. Г. С. Раковски и българската възражденческа просвета. В сб. В памет на професор Александр Бурмов. София, 1973, с. 176—177; е го же. Г. С. Раковски и външнополитическите проблеми на българската национална революция. В сб. В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974, с. 143.

³ Подробнее см. В. Д. Конобеев. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в период Крымской войны. «Славянский архив». М., 1959, с. 330—339; е го же. Българското национално-освободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972, с. 272—314.

национального освобождения Болгарии, справедливо считая, что печатное слово может быть не менее острым, чем сабля, сыграть важную политическую и организаторскую роль и принести огромную пользу болгарскому народу. Литературная, а затем и публицистическая деятельность, в процессе которой он развивал свои воззрения на перспективы национально-освободительной борьбы, сыграла важную роль в формировании его революционных взглядов ⁴.

Ко времени прибытия в Россию, т. е. к марту 1858 г., Г. С. Раковский накопил основательный литературный опыт. Им уже были созданы первая в истории болгарской литературы революционная поэма «Лесной путник», «Предвестник лесного путника», автобиографическое произведение «Неповинный болгарин», ряд стихотворений. В Новом Саде при финансовой поддержке известного сербского публициста и издателя Д. Медаковича Г. С. Раковский стал издавать газету «Българска дневница», в которой помещались острые критические материалы, отличающие систему турецкого произвола и болгарское чорбаджийство. Он активно вел поиски корреспондентов по всей Болгарии и за ее пределами. Тогда же у него появилась идея об издании литературного приложения к своей газете под названием «Дунавски лебед», в котором бы поднимались важнейшие вопросы болгарской истории, литературы, языка ⁵. Был издан пробный номер «Дунавского лебеда», разосланный подписчикам «Българской дневницы», которых по подсчетам С. И. Сидельникова было около 250 ⁶.

Запрещение австрийскими властями «Българской дневницы», восемнадцать номеров которой успело выйти к октябрю 1857 г., еще раз продемонстрировало враждебное отношение австрийского правительства к болгарскому национально-освободительному движению и его лучшим представителям. Это был чувствительный удар для Г. С. Раковского. «Ничто другое меня так не огорчило, как уязвленное мое сердце гонение австрийского правительства, которое прекратило издаваемые мною „Българску дневницу“ и „Дунавски лебед“, то был сильный удар для меня», — писал он своему знакомому Савве Радулову ⁷. Однако его решимость издавать газету не ослабла. Он глубоко осознавал необходимость политической газеты для болгарского освободительного движения, понимая, что после Крымской войны в Болгарии сложилась такая политическая обстановка, в которой вооруженное восстание было невозможно. Международное положение тоже не благоприятствовало осуществлению этой цели. В сложившихся условиях великий болгарский революционер первостепенное значение придавал организации регулярной и систематической пропаганды идеи борьбы за национальную независимость и социальный прогресс, а также информированию международной общественности о положении дел в Болгарии. Единственным наиболее эффек-

⁴ Следует подчеркнуть, что существуют разные точки зрения относительно времени перехода Г. С. Раковского на революционные позиции. В данной статье нет возможности выразить аргументированно свое мнение, однако, важно сказать, что переход Г. С. Раковского на последовательные революционные позиции занял довольно продолжительное время от Браильского бунта 1842 г. до лета 1861 г., когда он окончательно освободился от либеральных иллюзий относительно способности султана и его администрации решить болгарский вопрос мирным путем и начал открытую революционную пропаганду через газету «Дунавски лебед», издаваемую им в Белграде с сентября 1860 по октябрь 1861 г.

⁵ Впервые свою мысль об издании литературного приложения («любословного листа») Г. С. Раковский высказал в письме своему знакомому из Свиштова В. Манчовичу 16 апреля 1856 г. См. Архив на Г. С. Раковски, с. 99.

⁶ С. И. Сидельников. Там же, с. 34.

⁷ Архив на Г. С. Раковски, с. 144.

тивным средством для осуществления этих целей являлась газета. Ее появление диктовалось объективными условиями исторического процесса, потребностью национально-освободительного движения в четко разработанных социальной и национальной программах, усиливающейся тягой болгар к образованию, просвещению. Г. С. Раковский был первым, кто не только понял эти потребности, но и упорно и целеустремленно стремился к созданию политического органа.

Вот почему после прекращения издания «Българской дневницы» в Новом Саде (ноябрь 1857 г.) он принимает решение о поездке в Россию⁸ с целью возобновить издание болгарской политической газеты, через которую можно было бы высказываться о планах и перспективах освободительной борьбы своего народа, привлечь внимание международной общественности к положению в Болгарии, поставить четкие задачи перед болгарским народом в достижении национальной независимости.

Относительная близость болгарских земель к южнороссийским губерниям, многочисленные болгарские колонии в Молдавии и Валахии, интенсивность морских и сухопутных связей между ними и Болгарией делали возможным быструю доставку газеты в болгарские земли, а оттуда — необходимых Г. С. Раковскому корреспонденций. Учитывая все эти факторы, болгарский революционер выбрал самый крупный административный, экономический и культурный центр Юга России — Одессу.

В марте 1858 г. (по некоторым данным это произошло 6 марта)⁹ Г. С. Раковский пересек границу Российской империи и направился в Одессу. Этот молодой город, основанный в 1794 г., уступал по численности населения только Петербургу, Москве и Варшаве. Особенностью социально-классовой структуры населения Одессы являлось решительное преобладание буржуазных элементов над дворянскими, наличие значительной разночинской прослойки. Большую роль при этом играли международные связи города со странами Западной Европы, с их бурной политической жизнью, а также и то, что Одесса была центром «Новороссии», в аграрном строе которой явственно обозначилась тенденция «американского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве¹⁰.

«Смело можно сказать, — отмечалось в старейшей газете „Одесский вестник“, — нигде в России, за исключением столиц, общественная жизнь не представляет такого разнообразия, как в Одессе»¹¹. В городе царил вольнолюбивый дух, приверженность передовым идеям и гуманистическим идеалам французской революции.

Многие одесситы имели связи с греческим национально-освободительным движением. Здесь отбывали ссылку два великих поэта, певцы свободы А. С. Пушкин и А. Мицкевич. В Одессе проживали верные друзья поэта-демократа Т. Г. Шевченко, А. И. Лизогуб и В. Н. Решкин, которые поддерживали дружеские связи с опальным поэтом во время закаспий-

⁸ Следует отметить, что у Г. С. Раковского были планы издания газеты в одной из стран Западной Европы, в частности, в Бельгии. С одной стороны, его привлекали довольно широкие возможности буржуазного правопорядка в изложении своих политических взглядов, но, с другой — открытая враждебность западных держав к болгарскому национально-освободительному движению, поддержка ими греко-фанариотского духовенства, стремление внести религиозно-политический раскол, оказывая помощь католической и протестантской пропаганде, стали, по-видимому, главными причинами, побудившими Г. С. Раковского отказаться от такой попытки.

⁹ Ц. Генов. Там же, с. 226.

¹⁰ С. Я. Боровой. «Колокол» и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974, с. 194—195.

¹¹ «Одесский вестник», № 35, 1 апреля 1858 г.

ской ссылки¹². Все это дало повод Николаю I считать, что в молодом южном городе обосновалось «гнездо заговорщиков»¹³.

Революционные традиции города, несмотря на мрачные годы николаевской эпохи, позже усилились и умножились. В одном из жандармских донесений середины 50-х годов говорилось, что Одесса отличается от других городов империи характером вольности, свободы слова, неисполнением и осуждением всех распоряжений¹⁴.

В конце 50-х годов в России сложилась революционная ситуация. Одесса также, как и другие города России, была втянута в бурный круговорот политических событий того времени. По популярности революционно-демократических изданий «Колокола» и «Современника» Одесса занимала одно из первых мест в Российской империи. «Колокол», например, некоторое время открыто продавался в магазине книготорговца Бобровяча по цене 60 копеек за номер, несмотря на реальную опасность попасть в опалу. Журнал Н. Г. Чернышевского «Современник» также был весьма распространен в городе: в 1859 г. число подписчиков составляло 94, а в 1860 г. — 114. Об огромном влиянии революционной пропаганды А. И. Герцена имеется интересное свидетельство личного врача графа М. С. Воронцова Э. С. Андреевского, человека весьма неодобрительно относившегося к распространению вольной русской прессы: «Каждый уездный училищник, взлелеянный на казенный счет, под розгами за папироски и незастегивание всех крючков своего общипанного мундирика... писал обличительные статьи, отпускал длинные волосы и бороду, читал „Колокол“ Герцена и смотрел настоящим Робеспьером»¹⁵.

Острая полемика велась между двумя городскими газетами «Одесским вестником» и «Журналь д'Одесса». Если первая считалась едва ли не самой передовой газетой провинциальной России, в которой помещались материалы, свидетельствовавшие о том, что ее редакторы были близки к позициям русских революционных демократов, то вторая являлась его антиподом, обвинявшим своего оппонента чуть ли не в распространении социалистической пропаганды, причем полемический пыл «Журналь д'Одесса» носил характер клеветнического доноса¹⁶.

В Одессе во второй половине 50-х годов, помимо двух указанных газет, выходил еще ряд периодических изданий литературно-политического и коммерческого характера на русском, греческом, французском, еврейском языках. Несомненно, что оживленная политическая и культурная жизнь этого города вселяла в Г. С. Раковского надежду на успешное возобновление издания газеты на болгарском языке.

Большие надежды возлагал также Г. С. Раковский и на многочисленную болгарскую эмиграцию, обосновавшуюся в течение XVIII — первой половины XIX в. на Юге России, в частности, в Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Бессарабской губерниях. По статистическим данным 60-х годов XIX в. в этих четырех южных губерниях проживало около 100 тыс. болгарского населения¹⁷. В Одессе также обосновалась крупная болгарская колония. Некоторые из болгарских колонистов, занимаясь торговой и предпринимательской деятельностью, сумели сколотить значительные капиталы (Н. Х. Палаузов, братья Н. М. и С. М. Топшковы,

¹² «Одесса. Очерк истории города-героя». Одесса, 1957, с. 48.

¹³ С. Я. Боровой. Там же, с. 195.

¹⁴ К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60-е—70-е годы XIX в.). Кишинев, 1972, с. 80.

¹⁵ С. Я. Боровой. Там же, с. 202.

¹⁶ Там же, с. 199—202.

¹⁷ В. Н. Жук. Общественность Украины в российско-болгарских отношениях 60—70-х годов XIX в. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Киев, 1977, с. 14.

В. Рашеев), имели и обширные связи в Петербурге и Москве. Г. С. Раковский рассчитывал и на их финансовую помощь.

В Одессе по инициативе Н. Х. Палаузова, идейного руководителя либеральных кругов болгарской эмиграции, 2 февраля 1854 г. было создано Болгарское благотворительное общество (Настоятельство), которое формально занималось сбором средств в пользу болгар, а фактически было политической организацией болгарской буржуазной эмиграции¹⁸. Г. С. Раковский надеялся на материальную и политическую поддержку Настоятельства в создании национального политического органа. Возобновление издания политической газеты, призванной будить в болгарском обществе чувство национального самосознания, звать болгарский народ к борьбе за свержение ненавистного османского гнета — вот та главная политическая цель Г. С. Раковского, достижению которой была подчинена вся его деятельность в России.

Г. С. Раковский учитывал и то, что в русском обществе к концу 50-х — началу 60-х годов XIX в. наблюдался рост интереса к положению южнославянских народов. Начиная с В. Г. Белинского, лучшие представители революционно-демократического направления России проявляли глубокое сочувствие к национально-освободительной борьбе угнетенных славянских народов Балканского полуострова.

Живо интересовались болгарскими делами и представители иных общественно-политических течений. Среди них следует назвать издателя «Московитянина» М. П. Погодина, стоявшего на позициях реакционной теории «официальной народности», идейных руководителей славянофильства братьев К. С. и И. С. Аксаковых, А. С. Хомякова, Ю. В. Самарина, а также таких видных общественных деятелей, как В. Г. Тепляков, Д. М. Княжич и многие другие.

Итак, с одной стороны, обстановка, сложившаяся в России, была для Г. С. Раковского весьма благоприятна. Однако, с другой стороны, царизм предпринимал лихорадочные усилия для претворения распространения революционно-демократической пропаганды и критики буржуазно-либеральными кругами политики правительства в отношении готовящейся отмены крепостного права.

Так, министр народного просвещения Е. П. Ковалевский в предписании Одесскому комитету цензуры прямо потребовал усиления бдительности и запрещения публикации материалов, противоречащих «преподанным цензуре правилам»¹⁹.

Столичные власти высказывали недовольство «Одесским вестником» за публикацию критических материалов и статей, в результате чего редакторам газеты было строжайшим образом предписано в случае малейшего сомнения по поводу публикуемых материалов непосредственно обращаться к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору А. Г. Строганову²⁰. Следствием этого распоряжения явилось экстренное заседание Одесского цензурного комитета в феврале 1858 г., на котором было решено усилить контроль за «Одесским вестником»; редакции газеты было вменено в обязанность высылать каждый готовый номер в Главное управление цензуры²¹.

Особое значение царская администрация придавала пресечению проникновения революционной пропаганды из-за границы. Это касалось

¹⁸ В. Д. Конобеев. Българското националноосвободително движение, с. 314—315.

¹⁹ Одесский областной государственный архив (ООГА), ф. 8, оп. 1, ед. хр. 22, л. 18—19.

²⁰ Там же, ед. хр. 21, л. 10—11.

²¹ Там же, ед. хр. 19, л. 2, 9.

прежде всего герценовских изданий, а также всех других пропагандистских материалов, представляющих угрозу царскому самодержавию. В секретном предписании министерства внутренних дел (октябрь 1859 г.) одесским властям сообщалось, что за границей основаны «злоумышленное общество Марианны», а также «Союз коммунистов», главная цель которых — распространение революционных замыслов в других государствах. Одесской администрации отдавалось распоряжение о тщательном наблюдении за лицами, прибывающими из-за границы, в том числе и за иностранцами, с тем, чтобы в случае выявления злоумышленников «они были арестованы со всеми бумагами и вещами»²².

Картина общественно-политической жизни Одессы будет неполной, если не упомянуть об атмосфере полицейской слежки за неудобными самодержавию элементами. Только в одной Одессе в период пребывания здесь Г. С. Раковского полицейскими властями были отданы распоряжения об установлении секретного надзора более, чем за 40 лицами из различных социальных слоев: студентами, писцами, военнослужащими, купцами, дворянами, иностранными подданными. Под полицейским надзором находился также молодой поляк, студент Киевского университета К. Турчиновский, который был связан с Г. С. Раковским дружеской перепиской²³.

В свете отмеченных фактов становится понятным то недоверие, подозрительность и даже враждебность, с которыми официальные русские власти встречали планы публицистической деятельности, исходившие от людей, подобных Г. С. Раковскому, за которыми велась «дурная слава», как о бунтовщиках и распространителях вольнолюбивых идей. Великому болгарскому патриоту предстояло преодолеть значительные трудности, масштабы которых он не мог предвидеть, когда направлялся в Россию с намерением осуществить свои планы относительно издания политической газеты.

Готовя почву для успешного осуществления своей главной цели, Г. С. Раковский считал необходимым упрочить и умножить свои связи с болгарами и лицами других национальностей, с пониманием и сочувствием относившимися к его издательским планам. Г. С. Раковский серьезное внимание обратил на болгарскую молодежь, обучающуюся в России в различных учебных заведениях. Находясь в водовороте бурных политических событий России, многие болгарские учащиеся и студенты испытывали влияние революционно-демократических идей, становились последователями А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. По возвращении в Болгарию эти молодые люди активно участвовали в болгарском национально-освободительном движении²⁴.

Г. С. Раковский возлагал большие надежды на патриотически настроенную молодежь, справедливо полагая, что в ней заключается будущее Болгарии. В молодых людях, искренне и всей душой желавших свободы своей родине, он видел своих будущих корреспондентов и помощников по созданию газеты, соратников по вооруженной борьбе. Проработав непродолжительное время во Второй Херсонской семинарии в качестве надзирателя

²² Там же, ф. 2, ед. хр. 495, л. 1.

²³ Там же, ед. хр. 489, л. 14; см. также. Архив на Г. С. Раковски, т. II, 1957, с. 291—294.

²⁴ Как указывает К. А. Поглубко, к концу 70-х — началу 80-х годов среди учителей Болгарии более 40% получили образование в России (К. А. П о г л у б к о. Основные предпосылки и направления болгаро-русских революционных связей 50—60-х годов XIX в. В сб. 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878—1978. М., 1978, с. 37). В. Н. Жук дает конкретные цифры: с 1854 по 1877 г. 222 болгарских юноши и 23 девушки получили образование в России (В. Н. Ж у к. Там же).

за учащимися из южно-славянских земель Г. С. Раковский снискал себе большую любовь и уважение болгарских учащихся, на которых огромное впечатление производили его горячий патриотизм, любовь к болгарскому народу, преданность его интересам, ненависть к любому проявлению угнетения и несправедливости. К ним, в частности, относились В. Друмев и Хр. Стоянов. Впоследствии В. Друмев активно участвовал в Первой болгарской легии Г. С. Раковского в 1862 г., глубоко возмущался происками некоторых консервативно настроенных болгар, пытавшихся очернить Г. С. Раковского, клеветнически приписывавших ему русофобские взгляды в связи с его отрицательным отношением к переселению болгар в Россию²⁵. Хр. Стоянов также активно участвовал в революционном движении: в 1870 г. он даже был председателем Софийского революционного комитета, созданного В. Левским. В 1860—1861 гг., т. е. в период издания газеты «Дунавски лебед» в Белграде, он высылал Г. С. Раковскому материалы о болгарских переселенцах. Он был человеком, хорошо знавшим русскую действительность и бедственное положение русского народа. «Лава, которая еще поглотит здешних тиранов,— писал он Г. С. Раковскому,— готова вспыхнуть и лишь ждет своей минуты»²⁶.

Среди друзей болгарского революционера следует отметить и упоминавшегося выше К. Турчиновского, сочувствовавшего планам Г. С. Раковского и оказывавшего ему посильную помощь. Он распространял в Киеве поэму Г. С. Раковского «Лесной путник», чем вызвал резкое недовольство консервативно настроенных болгар, которые считали, что К. Турчиновский «бунтует» их соотечественников. Почитатель А. И. Герцена, он настойчиво советовал Г. С. Раковскому установить контакты с великим русским революционером-демократом: «Если бы Вы могли сойтись с Г. Искандером, имеющим также свою типографию в Лондоне, то это было бы полезно для Болгарии,— писал он—. Он действует пером, но так сильно, что по его приговору в С. Петербурге переменяют министров, избирают новых, делают важные преобразования и пр. и прочее. Искандер — человек гениальный. Он издает журнал под названием „Звезда“ и листок, дополнительный к этому журналу „Колокол“»²⁷.

Г. С. Раковскому не удалось установить связи с А. И. Герценом. Однако мысль К. Турчиновского о силе герценовского пера вполне соответствовала убежденности великого болгарского патриота в исключительно важной роли политической газеты и его стремлению создать орган систематической революционной пропаганды, столь необходимой болгарскому народу²⁸.

Чтобы облегчить получение разрешения на издание газеты, Г. С. Раковский 13 июня 1858 г. принимает русское подданство. К лету 1858 г., хорошо разобравшись в политической обстановке, сложившейся в России накануне отмены крепостного права, он понял, что русские власти вряд ли разрешат ему издание газеты открыто политического характера. Поэтому Г. С. Раковский проявляет большую осторожность в своих контактах с русскими цензурными органами. В августе-сентябрь 1858 г. он обратился в одесский комитет цензуры и представил программу и пробный номер ли-

²⁵ Архив на Г. С. Раковски, т. III. 1966, с. 626—627.

²⁶ Там же, с. 812.

²⁷ Там же, т. II, с. 294.

²⁸ К. А. Поглубко в книге «Из истории болгаро-российских культурных связей 40—70-х годов XIX в. (болгары в учебных заведениях Одессы, Киева, Кишинева)» (Кишинев, 1976) указывает, что К. Турчиновского не следует причислять к последователям русских революционеров-демократов. Автор считает, что он «принадлежал к тем слоям российского общества, которые в 50-е годы питали либеральные иллюзии по отношению к внутренней и внешней политике Александра II» (с. 71—72). Но это замечание автора, на наш взгляд, недостаточно аргументировано.

тературной газеты «Дунавски лебед». Однако официального ответа, несмотря на неоднократные запросы, Г. С. Раковский не получил. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь тогда, когда Г. С. Раковский, воспользовавшись прибытием министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, сочувственно относившегося к южно-славянским народам, 24 июня 1859 г. вручил ему прошение с ходатайством о разрешении ему издания литературного вестника. К этому времени Г. С. Раковский изменил название своей газеты на «Български древности».

Чем же объясняется столь продолжительное молчание одесского начальства по поводу прошения Г. С. Раковского? По нашему мнению, следует указать прежде всего на исключительно важную роль политических причин, которыми руководствовались царские власти, решая судьбу и характер будущей газеты и на которые еще не было обращено достаточного внимания в советской и болгарской историографии.

Очень интересные сведения, проливающие свет относительно издания Г. С. Раковского, дает письмо одесского генерал-губернатора А. Г. Строганова министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, который запрашивал главу исполнительной власти Новороссийского края о «честности и благонадежности Г. С. Раковского к принимаемой им на себя обязанности редактора»²⁹. А. Г. Строганов сообщил, что еще в мае 1858 г. (т. е. спустя чуть более месяца после приезда Г. С. Раковского в Россию) он связался с министром иностранных дел и «получил от него сведения относительно болгарского уроженца Раковского, где князь Александр Михайлович (Горчаков.— П. С.) отзывался о нем, как о человеке с прекрасными порывами, но без твердых правил и убеждений, почему, если можно пользоваться сведениями и предположениями его, то с большой разборчивостью и осторожностью»³⁰.

Опубликованные документы свидетельствуют о том, что в министерстве иностранных дел знали о революционной деятельности Г. С. Раковского еще со времен брайльских событий 1842 г. Об этом сообщали русские дипломатические представители, в частности брайльский вице-консул Корнеев. Кроме того, тогдашний новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов писал в марте 1842 г. начальнику III отделения А. Х. Бенкендорфу о ведущей роли Георгия Македона (одно из имен Раковского) в подготовке и осуществлении заговора³¹.

Таким образом, полученные А. Г. Строгановым сведения относительно «честности и благонадежности» Г. С. Раковского свидетельствовали, что это был потенциально опасный человек для царского самодержавия, к которому следовало относиться с большой опаской и недоверием. В то же время А. Г. Строганов не мог не видеть и огромные достоинства Г. С. Раковского: его образованность, широту взглядов, горячий патриотизм, ненависть к Османской империи, энергию. Одесский генерал-губернатор хотел бы иметь газету, возглавляемую такой выдающейся личностью, как Г. С. Раковский, с тем, однако, чтобы газета служила интересам официальной политики России на Балканах, но при этом отказалась бы от революционных призывов к угнетенным южнославянским народам. Для А. Г. Строганова было весьма заманчиво использовать авторитет Г. С. Раковского для воздействия на болгарское национально-освободительное движение в нужном для царской России направлении.

²⁹ Ст. В е л и к о в. Преписка по опште за издаване на «Български древности» от Г. С. Раковски в Русия. «Известия на Държавните архиви», кн. 20. София, 1970, с. 178—180.

³⁰ Там же, с. 180.

³¹ Георги Стойков Р а к о в с к и. Възгледи, дейност, живот, т. II. София, 1968, с. 180.

Сомнения и колебания одесского генерал-губернатора отразились в его ответе Е. П. Ковалевскому. «Принимая во внимание,— писал А. Г. Строганов,— ...самое обстоятельство издания журнала на болгарском языке, что могло придать оному некоторым образом политический характер, я полагал бы... преимущественно знать по сему предмету мнение министра иностранных дел, без коего и я со своей стороны не нахожу возможным сообщить Вам...какое-либо положительное решение...»³².

Ответ А. Г. Строганова свидетельствует, что Г. С. Раковский находился под наблюдением самых высоких одесских властей. Генерал-губернатор не хотел брать на себя ответственность за разрешение издания газеты, ибо он понимал, что сам факт ее издания известным участником национально-освободительной борьбы болгарского народа, каким был Г. С. Раковский, придает газете политический характер. Желание А. Г. Строганова знать мнение по этому делу А. М. Горчакова преследовало цель не только выяснить его отношение к идее издания болгарской газеты в Одессе, но и переложить ответственность на более высокопоставленное лицо в случае, если решение будет все-таки в пользу Г. С. Раковского.

Е. П. Ковалевский письмом от 28 октября 1859 г. ознакомил А. М. Горчакова с программой «Българских древностей», одновременно интересуясь, не будет ли возражений с его стороны, чтобы Г. С. Раковский издавал газету по представленной им программе. Возражений не последовало, но зато было дано важное указание о том, «что срочное издание на болгарском языке может иметь интерес для поселенных в России болгар, но в то же время я признаю, чтобы издатель Раковский во всей точности следовал представленной им программе, не позволяя себе помещать в своем вестнике статей политического содержания»³³.

Разрешение на издание литературной газеты без права публиковать в ней материалы политического характера было дано одесскими цензурными властями только 24 февраля 1860 г.³⁴ Оно безнадежно опоздало, так как Г. С. Раковский после более, чем двадцатимесячного бесплодного ожидания уже покинул Одессу и направился в Сербию в связи с появившимися у него новыми планами. В декабре 1859 г. Г. С. Раковский принимает бесповоротное решение об отъезде из России и поиске более удобного места для решения своей главной задачи. После тщательной оценки международного положения Г. С. Раковский пришел к выводу, что Сербия будет наиболее подходящим местом для издания болгарской политической газеты и направился в Белград.

Таким образом, попытка, предпринятая Г. С. Раковским, закончилась неудачей. Весьма прохладное отношение царских властей к издательским планам болгарского патриота было обусловлено глубокой враждебностью самодержавия ко всему передовому и прогрессивному, боязнь политических осложнений.

Неудача Г. С. Раковского объясняется также и тем, что его не поддержало ни материально, ни политически консервативно настроенное руководство болгарской буржуазной эмиграции в Одессе.

Тем не менее, несмотря на неуспех в деле создания легального политического органа, время, проведенное Г. С. Раковским в России, не пропало даром. Попав в бурную политическую атмосферу предреформенной России, ознакомившись с российской общественно-политической жизнью и испытав на себе влияние идеологии русских революционеров-демократов, Г. С. Раковский с успехом использовал накопленный опыт в дальнейшей политической и революционной борьбе за освобождение своего народа.

³² Ст. В е л и к о в. Там же, с. 180.

³³ Там же, с. 181—182.

³⁴ Там же, с. 188.

Д. С. ИЩЕНКО

ПОУЧЕНИЯ ФЕОДОРА СТУДИТА В РУКОПИСИ РЫЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Видный болгарский исследователь древней славянской письменности И. С. Дуйчев, говоря о произведениях византийских авторов, известных в ранних славянских переводах, отметил восхищение славянских переводчиков творениями Феодора Студита (759—826) и подчеркнул, что славянами были переведены основные его произведения — Большой и Малый катехизис¹. В подтверждение И. С. Дуйчев упоминает три списка, содержащих перевод поучений Феодора Студита: Загребский (по описанию В. А. Мошина), Нямецкий (по описанию А. И. Яцимирского) и Рыльский (по описанию Е. Спространова)².

И. С. Дуйчев впервые отметил Загребский список как содержащий поучения Феодора Студита. Эта рукопись (Югославянской академии в Загребе, собр. Верковича, № IV d4, конец XIII — начало XIV в., сербская) была описана Б. Цоневым³ и В. Мошиным⁴, которые, перечислив заглавия и начала содержащихся в ней поучений, не определили, что все ненадписанные (безымянные) поучения принадлежат здесь Феодору Студиту. Что касается Нямецкого списка (рукопись Румынской Академии наук в Бухаресте, собр. Нямецкого монастыря, № 66 (33), XV в., сербская), то наличие в нем поучений Феодора Студита установлено А. И. Яцимирским⁵.

Однако авторы всех указанных описаний не отметили, какие же именно поучения — Большого или Малого катехизиса — содержатся в этих рукописях. Между тем, приведенное выше упоминание И. С. Дуйчева заставляет думать, что в них находятся оба катехизиса. Нами установлено, однако, что Загребская и Нямецкая рукописи включают поучения Малого катехизиса в южнославянском переводе и что, далее, они представляют собою выборки из гораздо более полного перевода Малого катехизиса, содержащего 103 поучения и представленного в сербской рукописи Хиландарского монастыря (Афон, Греция), № 387, 2-й половины XIII в.

¹ I. D u j č e v. Rapport complémentaire. The Slavic response to Byzantine poetry. Actes du XIIe Congrès International d'Études byzantines. I. Beograd, 1963, p. 421.

² Ibid.

³ Б. Ц о н е в. Кирилски ръкописи и старопечатни книги в Загреб. София, 1912, с. 21—27.

⁴ В. М о š и н. Cirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije. I. Opis rukopisa. Zagreb, 1955, s. 214—217.

⁵ А. И. Я ц и м и р с к и й. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. ИОРЯС, т. VII, кн. I. СПб., 1902, с. 118—119 (и отдельное издание — СПб., 1908, с. 132 и след.); е г о ж е. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СОРЯС, т. 79, СПб., 1905, с. 706—710.

Эта рукопись, еще не описанная⁶, не названа И. С. Дуйчевым в его перечне, что является, конечно, упущением, так как в ней содержится наибольшее количество поучений Малого катехизиса, переведенных у славян. Как показано нами, этот же перевод лежит в основе многих русских списков Малого катехизиса Феодора Студита⁷.

Обратимся теперь к упомянутому И. С. Дуйчевым Рыльскому списку (рукопись Рыльского монастыря в Болгарии, № 3/31, конец XV — начало XVI в.)⁸. Об этой рукописи вкратце, без раскрытия содержания, писал Б. Цонев, отметив, что в ней находятся «святых отец скитских словеса и наказания» в русской редакции⁹. Более подробное описание принадлежит Е. Спространову, указавшему, что в этом сборнике русской редакции среди произведений Ефрема Сирина, Иллариона Великого и других есть оглашения Феодора Студита, занимающие 12 листов¹⁰. Однако ни количество этих поучений, ни их заглавия и начала, ни, тем более, принадлежность их Большому или Малому катехизису Е. Спространовым не указаны¹¹.

Отметим, что рукопись содержит четыре поучения Феодора Студита, находящиеся в ней на л. 87—98 и относящиеся к Малому катехизису. Каждое из них начинается обращением *Братие и отцы*, характерным для всех оглашений Малого катехизиса. Здесь находятся следующие поучения (идентифицируем их в соответствии со стабильной нумерацией, обычной для греческих списков¹², но отсутствующей в славянских переводах): л. 87—90 — № 103; л. 90—92 — № 50; л. 92—95 — № 52; л. 95—98 — № 54.

Правописание всех поучений русское. Состав поучений в рукописи представляет большой интерес, так как отличается от известных нам русских и южнославянских сборников оглашений Феодора Студита. Текст всех четырех поучений является особой редакцией южнославянского перевода Малого катехизиса, представленного в Хиландарском списке. Но в русских рукописях, содержащих поучения этого перевода, оглашение № 103 отсутствует (как, впрочем, и в южнославянских, кроме Хиландарской).

Почтение № 52, имеющееся в Хиландарском и Загребском списках, также отсутствует в русских рукописях, включающих большое количество поучений Феодора Студита, и встречается только в составе сборников слов разных авторов как единичное вкрапление, причем в сокращенном виде (таковы рукописи: ГБЛ, собр. Румянцева, № 367, начало XV в.,

⁶ Описаны только шесть листов из этой рукописи, хранящиеся в ГБЛ, собр. Григоровича, № 1700 (см. А. Е. В и к т о р о в. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 14, № 20).

⁷ Д. С. И щ е н к о. Переводы огласительных поучений Феодора Студита и их место в истории литературного языка Древней Руси. В кн. Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии, вып. 1. Славянская историческая лексикология. М., 1975, с. 15—17.

⁸ За сведения об этой рукописи приношу глубокую благодарность Г. Д. Богатыревой.

⁹ Б. Ц о н е в. Ръкописната сбирка в Рилския манастир. «Български преглед», год. VI, кн. X. София, 1900, с. 94, № 64.

¹⁰ Е. С п р о с т р а н о в. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902, с. 78.

¹¹ Отсутствие в описаниях рукописей указаний на Большой или Малый катехизис объясняется неразработанностью до недавнего времени критериев их различения. Такие критерии предложены нами в статье: Д. С. И щ е н к о. Поучения огласительные Феодора Студита. В кн. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1. М., 1976, с. 224—235.

¹² Эта нумерация и в издании по 13 греческим спискам: E. A u g a y. Sancti patris nostri et confessoris Theodori, studitis praepositi Parva Catechesis. Parisiis, 1891.

л. 178; ГПБ, собр. Соловецкое, № 1051/1160, XVI в., л. 10; ГПБ, собр. Погодина, № 871, XVI в., л. 438—439).

Это поучение имеется в русских рукописях в полном виде только в совершенно другом переводе, не восходящем к хиландарскому типу и не отраженном в Рыльском списке (например, ГБЛ, собр. Румянцева, № 406, XV в., л. 77—79; ГПБ, собр. Соловецкое, № 1134/1244, конец XV — начало XVI в., л. 99—100).

Своеобразна и приуроченность поучения № 103 в Рыльской рукописи к неделе мытаря и фарисея, чего нет ни в Хиландарском списке, ни в большинстве греческих текстов Малого катехизиса; укажем лишь на позднюю греческую рукопись (XVII в.) из библиотеки св. Марка в Венеции, № Gr. II, 64, содержащую 29 поучений Феодора Студита, расположенных в следующем порядке: № 103, 49—61, 63, 62, 64, 66—68, 107, 108, 69, 70, 79, 71—73; первое из них, № 103, приурочено здесь именно к неделе мытаря и фарисея¹³. Рукопись с таким порядком поучений могла послужить образцом для выборки, представленной в Рыльском списке; сама же выборка проводилась по переводу хиландарского типа.

Таким образом, Рыльская рукопись № 3/31 содержит, как Загребская и Нямецкая, поучения Малого катехизиса, и, следовательно, И. С. Дуйчевым не были названы списки перевода Большого катехизиса (они существуют только в русских рукописях, и сам перевод является русским; была переведена 2-я книга Большого катехизиса, состоящая из 124 поучений).

Возвращаясь к Малому катехизису, представленному в Рыльской рукописи, отметим, что русская редакция и правописание списка могут свидетельствовать о движении текста от южных славян, где был сделан перевод, на Русь, а затем обратно.

¹³ Описание см. E. Mioni. *Bibliothecae divi Marci Venetiarum codices graeci manuscripti*, v. I, pars I. Roma, 1967, p. 184—185. Возможно, что подобный состав имеется и в другой греческой рукописи конца XVII в., из Иерусалимской библиотеки, № 205, в которой находятся 28 поучений Малого катехизиса от № 103 до № 73, но в описании А. И. Пападопуло-Керамевса не указаны порядок их следования и приуроченность к дням чтения (см. А. Παπαδόπουλος - Κεραμέβος. *Ιεροσολιμίτικη βιβλιοθήκη*. I. Ἐν Πετροπόλει, 1891, с. 285).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЙОРДАН ВЕНКОВ. Революционната ситуация в България през Втората световна война (философско-социологически аспекти). София, 1977, 335 с.

Вопросы революционной ситуации в Болгарии в период второй мировой войны, которым посвящена рецензируемая монография, как это отмечает и сам автор, до сих пор оставались одними из наименее разработанных и освещенных в литературе. Как показали организованная в 1972 г. Институтом истории БКП при ЦК БКП дискуссия об этапах революционной ситуации в Болгарии, а также исследования, вышедшие после нее, различия во мнениях по этим вопросам продолжают существовать. Это побудило автора книги специально заняться их комплексной разработкой, причем основное направление его исследования — философско-социологическое.

Работа в целом и особенно некоторые ее разделы имеют подчеркнуто полемический характер. Автор энергично выступает против разного рода мелкобуржуазных, анархистских, псевдореволюционных и других антинаучных взглядов по рассматриваемым вопросам. Вместе с тем он высказывает несогласие и с отдельными оценками и мнениями, встречающимися в марксистской исторической литературе.

До сих пор существуют разноречивые мнения, например, по вопросу о хронологических границах революционной ситуации в Болгарии в период второй мировой войны. Некоторые авторы относят ее возникновение к осени 1943 г. или к концу лета 1941 г. Другие полагают, что с начала второй мировой войны или после 22 июня 1944 г. в Болгарии начинается революционный кризис, который позже перерастает в революционную ситуацию. Часть исследователей считает, что эта революционная ситуация возникла осенью 1940 г. или же после присоединения Болгарии к тройственному пакту в марте 1941 г. и т. д. Многие авторы утверждают, что революционная ситуация наступает только тогда, когда революционизирование масс становится всеобщим, и они проявляют безоговорочную готовность к общенациональному штурму старой власти, а «верхи» полностью дезорганизованы, совершенно потеряли влияние в народе и выказывают полную неспособность справиться с положением. Такое понимание

вопроса, по мнению И. Венкова, носит односторонний характер, неточно и неправильно.

Рассмотрев основные ленинские теоретические и методологические позиции по этой проблеме и проанализировав обстановку в Болгарии того времени, автор рецензируемой монографии приходит к выводу, что хотя революционная ситуация предполагает наличие кризисных взаимоотношений между двумя социальными полюсами — «верхами» и «низами», — которые не могут быть разрешены иначе, как путем революции, такая ситуация может существовать и тогда, когда процесс революционизирования масс еще не достиг своей высшей точки развития, т. е. когда еще не наступил общенациональный кризис, однако имеется налицо явная тенденция к нарастанию революционного настроения масс с перспективой стать в будущем всеохватывающим. Исходя из анализа объективных процессов в социально-экономической и общественно-политической жизни Болгарии в период второй мировой войны, автор утверждает, что революционная ситуация в стране возникает непосредственно после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. и продолжается вплоть до победы народного восстания 9 сентября 1944 г. О возникновении революционной ситуации после 22 июня 1941 г. свидетельствуют как возросшая политическая активность народных масс, бедственное материальное положение которых неуклонно усугублялось, так и охвативший господствующую верхушку кризис, который непрерывно нарастал и углублялся.

Возникновение революционной ситуации в Болгарии обусловило и перелом в тактике Болгарской коммунистической партии — она приняла курс на развертывание вооруженной борьбы, подготовку народа к вооруженному восстанию. «Именно объективные условия, которые создаются в стране после 22 июня 1941 г. и кладут начало революционной ситуации, — пишет автор, — делают не только возможными, но и неизбежными вооруженные формы борьбы, сочетаемые с призывом к подготовке народа к вос-

станию в будущем, делают их именно главными, существенными, коренными, решающими» (с. 87). По мнению Й. Венкова, на протяжении всего периода развития революционной ситуации в Болгарии эта тактика БКП в главном, существенно, не претерпевает изменений. Она лишь совершенствуется, приспосабливается к динамике революционной ситуации, к переходу от одного ее этапа к другому.

Вторая глава рецензируемого труда посвящена этапам революционной ситуации в Болгарии в годы второй мировой войны. Прежде чем приступить к определению их границ, автор отмечает, что о наступлении нового этапа можно говорить лишь в том случае, если происшедшие объективные изменения во всей совокупности элементов революционной ситуации настолько значительны, что они делают объективной потребность в новом приспособлении тактики партии, организации новых форм революционной борьбы. Исходя из этих критериев, Й. Венков выделяет четыре этапа революционной ситуации в Болгарии.

Первый из них охватывает период с июня 1941 г. по февраль — март 1943 г. Это — время начальной ориентации масс и постепенного, хотя и неуклонного роста их революционной организации.

Второй этап длился по май — июнь 1944 г. В этот период экономическое положение трудящихся масс значительно ухудшается. После коренного изменения стратегической обстановки в результате разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге наступает перелом в революционном настроении и борьбе болгарского народа. Значительно усугубляется кризис «верхов». В политике правящей верхушки все явственнее выступают элементы растерянности и неуверенности.

Третий этап, хронологические границы которого автор определяет с мая — июня по вторую половину августа 1944 г., может быть назван этапом приблизительного равновесия сил. Хотя революционные силы еще не могут нанести врагу решительного удара, у господствующего эксплуататорского класса уже нет сил добиться перевеса. Это колеблющееся равновесие сил неизбежно порождает у правящих кругов смятение, стремление лавировать, сочетать репрессивные меры с уступками, что в особенности находит выражение в политике правительства Й. Багрянова. В соответствии с изменившейся обстановкой претерпевает эволюцию и позиция БКП по вопросу о характере правительства, которое должно быть создано в результате свержения монархо-фашизма. Если осенью 1943 и в начале 1944 г. партия стояла за создание антигерманского правительства, в состав которого могли войти даже

представители некоторых кругов буржуазной оппозиции, то летом 1944 г. коммунисты развертывают борьбу уже за создание самостоятельной власти Отечественного фронта без каких бы то ни было компромиссов с правыми нефашистскими кругами.

Со второй половины августа 1944 г. наступает последний, наивысший этап в развитии революционной ситуации — этап общенационального кризиса, закончившегося всенародным вооруженным восстанием 9 сентября 1944 г. Автор останавливается на термине «непосредственная революционная ситуация», который применяется некоторыми, в основном болгарскими, историками при характеристике последнего этапа. Он отвергает концепцию об «общей» и «непосредственной» революционной ситуации как ошибочную.

В третьей главе выясняются основные характерные черты и особенности революционной ситуации в Болгарии в период второй мировой войны. Здесь автор рассматривает роль внутренних и внешних факторов, их соотношение и взаимодействие в ходе возникновения и развития революционной ситуации, роль революционного опыта болгарского рабочего класса и трудового крестьянства, национальных и революционных традиций, социально-классовое содержание и структуру «верхов» и «низов».

В заключительной, четвертой, главе монографии показано, как опыт Болгарии убедительно подтверждает, что по мере развития революционной ситуации неуклонно возрастает роль боееспособной коммунистической партии, руководствующейся в своей деятельности научной теорией марксизма-ленинизма и выступающей как подлинный авангард широких трудящихся масс. Здесь исследуются вопросы диалектики национального и интернационального в деятельности БКП, ее опыт в политическом воспитании и революционизировании масс, в разоблачении антисоветской политики монархо-фашистских правителей и укреплении в болгарском народе дружбы к первому в мире социалистическому государству. В свете опыта БКП Й. Венков вскрывает несостоятельность концепций некоторых современных «теоретиков» типа Дебре и Маркузе, отрицающих роль марксистской партии в революционной ситуации и подменяющих массовую политическую работу и борьбу террористическими действиями.

Рецензируемая книга, разумеется, не исчерпывает все проблемы, связанные с революционной ситуацией в Болгарии в период второй мировой войны. Как отмечает и сам ее автор, ряд существенных вопросов этого социального явления должен стать объектом дальнейших исследований. К ним принадлежит, например, широкий круг социально-пси-

холологических проблем, проблема соотношения объективного и субъективного в стратегии и тактике БКП, экономические проблемы революционной ситуации в Болгарии, проблема ее значения в развитии революционного процесса на Балканах и в Европе и др.

Исследование И. Венковым вопросов возникновения и развития революционной ситуации в специфических исторических, национальных и социально-политических условиях Болгарии может послужить подспорьем для дальнейшей

разработки этой важной темы. Высказанные им мнения по таким существенным вопросам, как границы и этапы революционной ситуации в Болгарии, ее специфические особенности, роль различных факторов в ее развитии и т. п., сделанные в труде обобщения и выводы во многом представляются убедительными. Они, несомненно, имеют значение и для изучения других сторон революционного процесса как в Болгарии, так и за ее пределами.

Л. Б. Валев

И. В. МИХУТИНА. *Советско-польские отношения. 1931—1935.* М., 1977, 287 с.

Изучение советско-польских отношений в межвоенный период является весьма актуальной и важной задачей, поскольку их состояние оказывало, несомненно, влияние на международную обстановку на всем европейском континенте.

До последнего времени наиболее полно были изучены различные аспекты этих отношений в 20-е годы. Что же касается изучения проблем советско-польских отношений в 30-е годы, то существенный сдвиг здесь произошел во второй половине 70-х годов, в связи с выходом в 1976 г. монографии польского историка М. Лечика, посвященной политике Польши в отношении СССР в 1925—1934 гг., а также рецензируемой монографии И. В. Михутиной.

Работа И. В. Михутиной опирается на широкую источниковедческую базу. В ней использованы материалы польских архивов (фонд МИД Польши из Архива новых актов, фонды Центрального архива МВД, Центрального архива ЦК ПОРП), некоторые документы из центральных советских архивов, советские, польские и западные публикации дипломатических документов, пресса обеих стран, мемуары, а также литература по теме, интересный обзор которой дан во введении. Выбор подобного круга источников во многом предопределил глубокое и полное освещение автором прежде всего дипломатических аспектов отношений СССР и Польши. Экономические, культурные, научные, общественные взаимоотношения двух стран лишь затрагиваются в книге. Структура работы, так же как и выбор вопросов, являющихся предметом исследования, представляются вполне обоснованными.

Работа состоит из четырех глав, введения и заключения. В первой главе рассматривается история советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г., с инициативой которого Совет-

ское правительство выступило еще в середине 20-х годов. И. В. Михутина анализирует комплекс причин внутреннего и внешнеполитического характера, заставивших польское правительство пойти на подписание с СССР пакта о ненападении. Оценивая значение заключенного пакта для Польши, автор приходит к совершенно справедливому выводу, что в условиях нарастания угрозы для территориальной целостности и политической независимости Польши со стороны Германии, «нормализация отношений с СССР ... объективно становилась одним из самых существенных факторов укрепления внешнеполитических позиций» (с. 55). Вместе с тем, как подчеркивается в исследовании, реализация заложенных в пакте о ненападении возможностей зависела прежде всего от того, будет ли польское правительство рассматривать улучшение отношений с СССР как одну из стратегических задач своей внешней политики или же это всего лишь тактический шаг, не имеющий ничего общего с решением задачи укрепления безопасности в Центральной и Восточной Европе. Выяснение этой проблемы и составляет одно из важнейших направлений исследования И. В. Михутиной.

В работе убедительно показано, что Советское правительство последовательно стремилось не только к постоянному улучшению двусторонних отношений с Польшей, но и к политическому сближению и сотрудничеству с ней в целях создания прочных гарантий предотвращения угрозы со стороны Германии. Подтверждением тому являлась моральная и политическая поддержка Советским Союзом Польши в связи с разнузданной антипольской кампанией в Германии после прихода там к власти фашистов, а также в связи с проектом «пакта четырех», имевшим не только антисоветскую, но и антипольскую направленность. Советская сторона выступила даже с предложением

нием советско-польского оборонительного союза против Германии.

Совершенно иным было отношение к пакту о ненападении польского правительства. Как убедительно показала И. В. Михутина, режим «санации», руководствуясь старыми догмами антисоветизма и преувеличивая собственные возможности на международной арене, оказалась не в состоянии оценить во всем объеме значение нормализации советско-польских отношений для судеб мира в Центральной Европе и обеспечения безопасности Польши. Польская сторона рассматривала пакт лишь как тактический шаг, с помощью которого она стремилась нормализовать польско-германские отношения в условиях, когда западные державы проявляли все более отчетливое стремление к уступкам Германии с тем, чтобы направить ее реваншистские устремления на восток. Автор очень точно подмечает, что соглашение с Германией было принципиальной целью польской внешней политики.

Последовательно проследивая развитие польской внешней политики после заключения польско-советского договора о ненападении, автор большое внимание уделяет характеристике германского аспекта дипломатических акций «санации». На многочисленных примерах убедительно показано, что практически все дипломатические шаги польского правительства, предпринимавшиеся с конца 1932 г., преследовали цель склонить Германию к соглашению с Польшей. Весьма интересной представляется данная автором оценка так называемой атмосферы превентивной войны как тактического шага польской стороны для оказания давления на Германию с целью ликвидации напряженности во взаимоотношениях. Приход к власти в Германии фашистов и резкое ухудшение советско-германских отношений усилили стремление польской дипломатии к соглашению с Германией. Польское правительство расценивало сложившуюся ситуацию как наиболее благоприятную для удовлетворения своих великодержавных амбиций, для повышения своей роли на востоке Европы. Именно эти цели являлись основным содержанием проводившейся Ю. Пилсудским и Ю. Беком политики «балансирования». Гарантией успеха собственных внешнеполитических расчетов «санация» считала польско-германскую декларацию о ненападении 1934 г. Тщательный анализ текста декларации привел автора к совершенно обоснованному выводу, что соглашение не давало никаких гарантий неприкосновенности польско-германской государственной границы. Более того, с помощью соглашения с Польшей, Гитлеру удалось предупредить угрозу изоляции Германии после ее выхода из международных организаций и склонить польское правительство к противодей-

ствию перспективе образования фронта миролюбивых государств.

Наиболее рельефно различия в подходе польской и советской дипломатии к проблеме обеспечения безопасности собственных государств в условиях нарастания военной угрозы в Европе проявились в ходе борьбы за заключение Восточного пакта, инициатива которого исходила от Советского правительства. Идея заключения регионального договора о взаимопомощи стран Центральной и Восточной Европы встретила понимание у наиболее дальновидных западных политиков, которые справедливо усматривали в ее осуществлении возможность создания достаточно эффективного барьера против реваншистских устремлений германского империализма. И. В. Михутина достаточно убедительно показала, что «правительство „санации“ взяло на себя тяжелый груз моральной и политической ответственности за срыв Восточного пакта» (с. 271).

Несомненным достоинством монографии И. В. Михутиной является то, что автор не ограничился анализом только двусторонних отношений, а вскрыл основное содержание польской внешней политики конца 20-х — первой половины 30-х годов, которая, как совершенно справедливо отмечается в работе, была «объектом единоличных решений Пилсудского» (с. 176). Практически мы имеем дело с первым в советской историографии достаточно полным очерком польской внешней политики в Европе (исключение составляют лишь взаимоотношения Польши с Чехословакией, Италией и Балканскими государствами, занимавшими весьма важное место в польской дипломатии) в первой половине 30-х годов, что чрезвычайно расширяет познавательное значение рецензируемого исследования для советского читателя.

Другим важным направлением исследования И. В. Михутиной является выяснение отношения основных политических партий Польши к принципиальным проблемам внешней политики страны в рассматриваемый период. Решение этой проблемы, играющей в целом вспомогательную роль по сравнению с предшествующей, представляется менее удачным. В частности, это касается отношения национальной демократии к польско-германской декларации 1934 г. (с. 170—172), различий в подходе пилсудчиков и эндеков к вопросу о путях укрепления буржуазного строя в Польше (с. 171) и некоторых других вопросов. Несомненно, это связано со слабой разработкой этой проблематики в историографии.

Оценивая в целом работу И. В. Михутиной, следует сказать, что она вносит существенный вклад в разработку проблемы советско-польских отношений в межвоенный период.

Г. Ф. Матвеев

КНИГА О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В БОЛГАРИИ В 80-х ГОДАХ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В общих трудах болгарских и советских историков, созданных в последние десятилетия, а также в некоторых статьях по специальным вопросам дана краткая характеристика создания Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и его развития в начале XX в., однако подробное исследование этой проблемы во всей ее сложности и многогранности предпринято лишь недавно автором рецензируемой работы¹.

Хронологически книга охватывает период, начиная с освобождения Болгарии от османского ига до первой Балканской войны. Но как начальный, так и заключительный периоды рассмотрены в общих чертах; главное внимание автор сосредоточил на одном десятилетии — с середины 90-х годов до 1905 г., в течение которого развернулось организованное крестьянское движение, был создан Земледельческий союз, превратившийся в мелкобуржуазную демократическую крестьянскую партию.

Работа основана на широком круге источников, в числе которых документы Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива Болгарии, Болгарского исторического архива Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии, окружных архивов, Дома-музея Ц. Бакалова-Церковского в с. Бяла Черква Великотырновского округа, стенографические отчеты Народного собрания, пресса различных политических направлений, воспоминания.

Автор впервые подробно осветил возникновение центров демократического крестьянского движения — в с. Мусина Великотырновского округа и в Варненском округе. Бесспорной удачей является анализ так называемой «Мусинской республики»², в которой ярко выявилось сочетание народнической и социалистической пропаганды среди крестьянства, связанное с деятельностью Г. Недялкова, Ц. Лисичкова, а также Н. Габровского и Ц. Бакалова-Церковского. В книге подробно рассказывается о создании в селе демократических крестьянских организаций, участии крестьянства Великотырновского округа в политической борьбе конца XIX в. Как показывает автор, иной характер носила политическая деятельность среди

крестьян Варненского округа противников социализма Ю. Пекарева, Н. Холевича и других, хотя и они пропагандировали требования, способствовавшие активизации борьбы трудящихся крестьян за свои жизненные интересы.

В книге уделено значительное внимание безуспешным попыткам создания «Земледельческой партии» в Варненском округе в 1899 г., причем подчеркнуто, что, несмотря на мелкобуржуазные утопические представления Пекарева и его группы о возможности добиться народо-властия в рамках капитализма, эта деятельность в свою очередь «подталкивала трудящихся крестьян на борьбу против... капиталистического класса» (с. 83).

Весьма интересно освещена в книге сложная идейно-политическая борьба, активная, хотя и противоречивая, последовательная агитация в крестьянской среде, развернувшаяся в 1899 г. в ходе подготовки учредительного съезда Земледельческого союза. Автор сделал убедительный вывод о том, что инициаторами его созыва были участники районного крестьянского собрания в с. Мусина 28 апреля 1899 г., избравшие Временный комитет под председательством Ц. Бакалова-Церковского. Рассмотрено и возникновение других центров борьбы за создание крестьянской организации — в Плевене и Старой Загоре. Детально рассказано о первом земледельческом съезде в Плевене (декабрь 1899 г.), о попытках буржуазных партий поставить создаваемую крестьянскую организацию под свое политическое руководство и в основном безуспешности этих попыток. В работе сделан вывод, что плевенский съезд, заложив основы Земледельческого союза как просветительно-профессиональной организации, завершил начальный этап его конституирования, создал предварительные условия для развертывания организованной борьбы крестьянства, хотя его решения носили компромиссный характер и, главное, они оставили открытым вопрос об участии союза в политической борьбе. Этот вывод обоснован обширным документальным материалом.

В монографии детально рассмотрены развитие Земледельческого союза в первые годы существования, решения ряда его съездов, которые в конечном итоге привели к превращению союза в политическую партию, противостоявшую партиям крупного капитала, участие организации в различных избирательных кампаниях, образование и деятельность земледельческой парламентской фракции, формирование теоретических и программных установок, внутренняя борьба

¹ Димитр Рачев Димов. Начало и исторический путь. Селского движения и селската партия в България до войните. София, 1976, 244 с.

² Ее историей автор занимался и ранее. См. Д. Р. Димов. Мусинската република. София, 1963.

ба в союзе между левым крылом, которое с 1904 г. возглавлял А. Стамболийский, и правым течением Д. Драгиева, стоявшим на позициях блокирования с буржуазными партиями.

Много внимания уделено отдельным видным руководителям БЗНС, в частности сложному, противоречивому пути Ц. Бакалова-Церковского. На наш взгляд, следовало бы шире осветить путь развития А. Стамболийского на этом раннем этапе его деятельности.

Автор убедительно показал значение III съезда Земледельческого союза (октябрь 1901 г.) в его оформлении в качестве политической партии, избравшей курс борьбы против власти крупного капитала. Окончательное же превращение БЗНС в крестьянскую сословную политическую партию произошло на VII съезде (ноябрь 1905 г.), принявшем сословно-политическую программу, которую разработал А. Стамболийский. Программа эта, по оценке автора, носила мелкобуржуазно-народнический, утопический характер, ставила несбыточную цель создания «народовластия» в условиях капитализма. В то же время обширный фактический материал, привлеченный Д. Димовым, подтверждает его вывод об активной роли БЗНС в борьбе против капиталистической эксплуатации.

Рассматривая внутреннюю эволюцию БЗНС, Д. Димов уделил внимание и такой важной проблеме, как отношение к нему со стороны других политических партий страны. Он раскрыл глубоко враждебное отношение к организованной борьбе крестьянства со стороны буржуазных политических сил, выявил различные нюансы в позиции реформистского крыла БРСДП. Исследование позиции революционного крыла БРСДП, а с 1903 г. партии тесных социалистов, подтвердило уже сделанный ранее марксистской историографией вывод о том, что Д. Благоев и другие руководители тесных социалистов, абсолютизируя мелкобуржуазные стремления крестьянства и оценивая БЗНС как партию «сельских богачей», не смогли увидеть

демократических тенденций в деятельности союза, не оценили внутренние противоречия между сословной теорией, объективно обслуживавшей буржуазный строй, и практической борьбой за демократию, которую вел БЗНС. В то же время болгарские социал-демократы, как отмечается в книге, своей деятельностью способствовали углублению антикапиталистической направленности земледельческого движения.

Интересная творческая работа Д. Димова не свободна от некоторых недостатков. Наиболее существенным из них, на наш взгляд, является некоторая растянутасть изложения, повторения, возвращение к уже рассматривавшимся сюжетам (например, об отношении к БЗНС других политических сил страны). Вряд ли можно согласиться с мнением автора, будто в начале XX в. БЗНС представлял большую опасность для капиталистического класса, чем БРСДП (т.с.). Ссылка на А. Стамболийского в этой связи представляется неуместной (с. 224). Неточно названа пятая глава работы — «Крестьянские бунты» (с. 134). В ней идет речь не столько о самих крестьянских выступлениях 1900 г. — проблеме, уже разработанной в ряде исследований болгарских историков, сколько об отношении Земледельческого союза к ним и об их воздействии на развитие организации. В книге анализируются деятельность руководящих органов БЗНС, его съезды, внутренняя борьба в руководстве и т. п. Весьма интересно было бы одновременно проследить состояние земледельческих «дружб» — низовых организаций союза, теснее связанных с крестьянством, чем его руководство. Этот вопрос в работе ставится лишь изредка. Наконец, работа выиграла бы, если бы во введении к ней был дан историографический очерк.

В целом же монография Д. Р. Димова, раскрывающая весьма сложную, научно и политически актуальную, малоработанную проблему, заслуживает высокой оценки.

Г. И. Черняский

J. NOVOTNÝ Slovanská lípa 1848—1849. K dějinám prvního českého politického spolku. Č. 1—2. Praha, 1975—1976

Я. НОВОТНЫЙ. «Славянская липа»¹ 1848—1849. К истории первого чешского политического союза

Новая монография известного чешского историка Я. Новотного заслуживает внимания уже потому, что представляет собой первое в историографии специальное исследование о возникновении и деятельности чешского политического объединения «Славянская липа», которое сыграло заметную роль в консолидации прогрессивных сил в период революции 1848—1849 гг. Автор использует широкий круг источников, в том числе ранее не опубликованные архивные материалы. Монография состоит из двух частей. Первая часть включает краткое авторское предисловие и четыре главы, в которых рассказывается о возникновении «Славянской липы», роли этого объединения в национально-политической жизни Чешских земель с начала революции 1848 г. до ноября того же года, об отношении «Славянской липы» к славянскому вопросу и созданию местных организаций общества в провинции.

Как отмечает автор, возникновение «Славянской липы» относилось к апрелю 1848 г. и было непосредственно связано с событиями начавшейся революции. Важную роль в создании этой первой в Чешских землях политической организации, как подчеркивает автор, сыграли радикалы из числа тех, кто в канун революции был объединен в кружок «Чешский рипил». Я. Новотный приводит текст листовки, составленной учредителями нового общества, в которой содержались такие требования, как достижение равноправия чешского и немецкого языков, обеспечение конституционных принципов при сохранении автономии земель чешской короны и развитие межславянского сотрудничества. Как видно, требования эти носили в основном национально-политический характер, социальная проблематика на этом этапе не играла существенной роли. Тем не менее довольно скоро чешские радикалы В. Гауч, Я. Вавра и другие стали уделять внимание и социально-экономическим вопросам. Борьба вокруг дальнейшей ориентации «Славянской липы» между либералами и радикалами отразила непоследовательность и известную аморфность взглядов последних. Излагая историю возникновения «Славянской липы», Я. Новотный приводит ряд новых фактов, в том числе устанавливает, что

автором устава, который был одобрен на заседании союза 24 апреля 1848 г. был выдающийся чешский писатель, драматург и журналист демократического направления Й. К. Тыл. Кроме радикалов, в деятельности «Славянской липы» в первые месяцы революции принимали участие и многие либералы, что, конечно, придавало ей отпечаток социального и политического компромисса. Как полагает Я. Новотный, значительная часть «Славянской липы» в той или иной степени участвовала в событиях пражского восстания в июне 1848 г. В частности, он приводит любопытное свидетельство, позволяющее заключить, что на квартире П. Шафарика, избранного первым председателем «Славянской липы», в этот период происходили нелегальные собрания членов общества, а также и запрещенной организации «Свободность». Ранее об этом не было известно.

Обширный материал сосредоточен в главе, посвященной анализу общественно-политической деятельности «Славянской липы» во второй половине 1848 г. Примечательно, например, стремление чешских радикалов в августе — октябре парализовать чешско-немецкие противоречия для сплочения сил в борьбе против общего врага. Вместе с тем Я. Новотный показывает, что в эти месяцы круг активных членов «Славянской липы» в Праге был менее широким, чем прежде предполагалось. Большой интерес представляют собранные автором материалы об отношении членов «Славянской липы» к важнейшим событиям последних месяцев 1848 г., особенно к октябрьскому восстанию в Вене, носившему, как полагает Я. Новотный, компромиссный характер. Представляет интерес, в частности, с этой точки зрения анализ речи К. Сабини, выступившего от имени «Липы» в конце октября. Он осуждал венское восстание за то, что оно оставляло без внимания национальные права австрийских славян. Лозунг, выдвинутый К. Сабинией, требовал для славянского населения не только национальных прав, но и свободы. Колебания радикальных вождей чешского движения в этот период оказывались объективно направленными не только против соглашательской политики чешских либералов, но и против австрийской демократии. Это, в частности, проявилось и в том, что радикалы искали путей сотрудничества с другими славянскими народами на принципах австрославизма, который, как

¹ У чехов и некоторых других славянских народов липа воспринималась как «дерево свободы».

известно, был основой политики и чешских либералов.

Последняя глава первой части монографии содержит впервые собранные материалы о возникновении местных отделений «Славянской липы» как в собственно Чехии, так и в Моравии. К исходу 1848 г. общество располагало 36 филиалами, в том числе тремя в Праге, 31 — в чешских и двумя — в моравских периферийных центрах. Я. Новотный приводит социальный состав членов «Липы», среди которых преобладали представители национально-патриотической интеллигенции.

Во второй части монографии детально прослеживается работа съезда «Славянской липы» в декабре 1848 г. и излагается история движения на завершающем этапе революции 1848—1849 гг. Автор подчеркивает, что главной причиной созыва съезда было стремление руководителей и членов центральной и местных организаций к объединению прогрессивных сил в борьбе против реакции. Имело значение и усиление великогерманского движения в конце 1848 г. Думается, что не последнюю роль сыграло и соперничество чешских радикалов с либералами, хотя, как уже отмечалось, во многих важных вопросах (например, в концепции австрославизма) различия между ними и не были значительными.

Характеризуя последний этап существования «Липы», Я. Новотный справедливо отмечает усилившуюся борьбу в ней между либералами и радикалами, которые сохраняли сильные позиции. В частности, под их контроль перешел новый печатный орган «Славянской липы», который начал выходить после съезда под названием «Газета „Славянской липы“». В месяцы, когда реакция перешла в наступление, «Липа» развернула широкую деятельность под лозунгом сохранения конституционных гарантий. Однако разгон императором парламента и опубликование октроированной конституции 7 марта 1849 г. привели к прекращению деятельности местных организаций «Липы» и к усилению идей-

ной борьбы в ее пражской организации. В противоположность К. Гавличеку и другим либералам, намеревавшимся преобразовать «Славянскую липу» в просветительскую национальную организацию, радикалы стремились усилить ее роль именно как политического союза. Группа ведущих деятелей левого направления приняла участие в так называемом «майском заговоре», хотя многие из них и не верили в успех предстоящей акции. Видимо, анализ этого периода в истории «Славянской липы» следовало бы теснее связать с событиями национально-революционной войны в Венгрии, симпатии к которой в чешском обществе в первые месяцы 1849 г. были весьма значительными. Об этом, в частности, говорилось в статьях Ф. Энгельса, относящихся к этому времени и недавно впервые опубликованных в томе 43 собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Разгром «майского заговора» и последовавшие за ним репрессии сделали дальнейшее существование «Славянской липы» невозможным. Формально она прекратила деятельность в июле 1849 г.

Монография Я. Новотного содержит обширный и впервые сведенный воедино фактический материал. Его наблюдения и выводы позволяют во многом расширить прежние представления о политической жизни Чешских земель в 1848—1849 гг. Речь идет, в частности, о расширении географического ареала событий и о более полном списке активных деятелей радикально-демократического направления. Вместе с тем в монографии содержатся некоторые спорные выводы, часть которых отмечена выше, а в ряде случаев, наоборот, полнота выводов оказывается меньшей, чем то позволяет сделать собранный материал. Хотелось бы также видеть, пусть и краткий, обзор связей, существовавших между «Липой» и сложившимся перед 1848 г. кружком радикалов «Чешский рипил». Но в целом Я. Новотный написал ценное и интересное исследование, которое явится важным вкладом в историографию революции 1848—1849 гг.

А. С. Мыльников

Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Остролицы. Введение, перевод и комментарии А. И. Рогова. М., 1978, 136 с.

В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» вышли в свет «Записки янычара» — памятник удивительной судьбы и характера. Со времени его открытия в 1823 г. ведутся непрекращающиеся споры историков и лингвистов вокруг одного

из первых произведений на польском языке и в то же время первого сербского исторического сочинения.

Настоящее издание «Записок янычара» является первой научной публикацией памятника на русском языке. Она осуществлена А. И. Роговым, сделавшим пе-

ревод польского текста «Записок» с учетом различий в различных сохранившихся списках памятника и написавшим введение и комментарии.

Ценность издания не только в публикации «Записок» по-русски и подведении некоторых итогов в изучении этого произведения. Введение и комментарии А. И. Рогова представляют фактически исследование самого памятника. Исходя из результатов, достигнутых предшественниками — польскими, чешскими, югославскими и немецкими учеными, тщательно анализируя текст «Записок», издатель делает шаг вперед в решении ряда спорных вопросов, дает свое толкование некоторым из них, пытается найти ответ.

Исключительно интересны в этом плане наблюдения А. И. Рогова относительно личности автора «Записок», времени и места их написания. Скрупулезно выявляя и сопоставляя данные памятника об авторе, издатель склоняется к мнению польского историка Я. Лося, что автором «Записок» был серб Константин из Островицы в Косовом поле (с. 11—12). В составе вспомогательных войск сербского деспота Георгия Бранковича Константин участвовал в осаде султаном Мехмедом II Константинополя в 1453 г., после чего вернулся на родину и жил в городе Новое Брдо, где в 1455 г. попал в плен к туркам. Хотя памятник носит название «Записки янычара», на вопрос был ли Константин янычаром, как полагает издатель, нельзя дать определенного ответа, поскольку списки учеников янычарской школы Аджами Огхлан не сохранились, а автобиографические данные памятника на этот счет весьма противоречивы. Особое внимание автора «Записок» к вопросам, связанным с вооружением турок, в том числе с артиллерией, дает основание, по мнению А. И. Рогова, поддерживать высказанное итальянским ученым А. Данти предположение о том, что Константин состоял в отрядах артиллерии, сформированных Мехмедом II (с. 14). По свидетельствам памятника издатель прослеживает путь службы Константина в турецкой армии. Как показал А. И. Рогов, автор «Записок» прекрасно знал мусульманство, его ритуал, обычаи и, очевидно, был мусульманином. Именно в этом издатель склонен видеть причину замалчивания Константином некоторых сторон своей жизни в «Записках», написанных им тогда, когда он снова стал христианином.

Ответ на вопрос о месте и времени написания «Записок» А. И. Рогов ищет в общей идейной направленности памятника, призывающего к объединению усилий всего христианского мира против османской угрозы. Не ограничиваясь призывом к общей борьбе против «поганых», автор предлагает конкретные пути и средства организации этой борьбы. Он рассказывает о состоянии военного дела у

турок, о системе построения турецкой армии, дает ряд практических советов ведения военных действий против османских войск. Оценивая общую расстановку политических сил в Европе во второй половине XV в., Константин проводит в своем сочинении мысль о том, что необходимо покоячить с распрями среди христианских стран, объединить их усилия в общей борьбе с османской угрозой, что сможет сделать, по его мнению, только один европейский правитель — польский король Ян Ольбрахт. Последнему приписываются особые заслуги в борьбе с османской агрессией. По мнению издателя, это не случай, если учесть последовательно проводимые в «Записках» антивенгерские высказывания Константина, а также его интерес к использованию татар в борьбе с султаном. Эти моменты в сочинении Константина А. И. Рогов связывает с общественно-политической атмосферой Польши конца XV в., куда, как он считает, Константин попал из Венгрии и где (точнее в восточных областях Польско-Литовского государства), он написал свои «Записки». На это указывает также, по мнению А. И. Рогова, постоянное использование автором польских названий для пояснения турецких терминов. Упоминание Константином буковинского похода Яна Ольбрахта 1497 г. дает основание А. И. Рогову установить более или менее точное время написания памятника — не ранее 1497 г. и не позднее 1502 г., даты смерти Яна Ольбрахта (с. 18—22).

Заслуга А. И. Рогова состоит еще и в том, что он впервые подверг источниковедческому анализу текст памятника. Он показал, что по литературным приемам, характеру датировки событий «Записки» близки к произведениям фольклора, что несомненно должно учитываться при определении степени достоверности их как исторического источника. Чрезвычайно важно в этом плане выявление источников, которыми мог пользоваться Константин. Среди них А. И. Рогов называет сербские и турецкие устные предания, венгерские официальные материалы, вещественные памятники. При этом ведущее значение издатель справедливо придает собственным воспоминаниям автора, особенно касающимся военной, государственной и финансовой систем Османской империи. Отличия в использованных источниках и определяют неодинаковую полноту сведений и степень достоверности разных частей сочинения Константина.

Определяя характер «Записок» в целом, А. И. Рогов делает вывод, что этот памятник следует рассматривать «и как историческое сочинение, и как мемуары, и как публицистическое произведение, и одновременно как отражение сербского и турецкого эпоса и фольклора» (с. 27). Поэтому публикация его в СССР вызо-

вет, несомненно, одинаковый интерес у историков и лингвистов, у литературоведов и историков культуры.

Очень полезным представляется в настоящем издании обзор всех сохранившихся списков «Записок янычара», польских и чешских, а также их позднейших переработок, с подробной характеристикой и описанием каждого из них. При этом проводится их сопоставление, выявляются взаимоотношения, высказываются наблюдения относительно их языка. Думается, что такой обзор будет особенно интересен для лингвистов, которым еще предстоит решить вопрос о том, на каком же языке писал Константин из Островицы свои «Записки».

Как исторический источник памятник до сих пор практически не использовался. Следует отметить, что «Записки янычара», содержат не только данные по сербской истории (гл. XV—XVII). Исторический диапазон автора достаточно широк. Константин из Островицы приводит в «Записках» сведения, которые с учетом степени полноты и достоверности представляют интерес при изучении истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы XV в. В частности, сочинение Константина может служить источником при рассмотрении истории османских завоеваний на Балканах в этот период. Так, будучи участником походов султана Мехмеда II по завоеванию Белграда (1456), Трапезунда (1459), Мореи (1460), Боснии (1463), Константин достаточно подробно описывает в своих «Записках» военные действия османских войск (гл. XXIX—XXXI, XXXIV, XXXV).

С точки зрения исследования внутриполитических аспектов внешней политики Османской империи в XV в. привлекают внимание главы «Записок», касающиеся событий при дворе султанов (гл. XXXVI—XXXVII), устройства и управления османского государства, остояния земледелия и финансов сл. XXXVIII—XXXIX). Особенно под-

робны приводимые Константином сведения об османском военном искусстве, об османской армии и ее вооружении (гл. XL—XLV). Ценность данных о государственных, финансовой и военной системах Османской империи в достоверности описаний очевидца и участника событий. Ценность эта возрастает, если учесть, что «Записки» были единственным произведением XV в. на турецкую тему, содержащим столь подробное описание внутреннего положения Османской империи. Эти свидетельства имеют важное значение для исследования внутриполитических изменений в османском государстве второй половины XV в., непосредственно связанных с крупными территориальными завоеваниями, становления основных классов османского общества и форм османского государства, оформления государственно-административной системы.

«Записки» проливают свет также на отдельные стороны международных отношений в Юго-Восточной Европе в XV в. Много внимания Константин уделяет, например, венгеро-польско-турецким отношениям (гл. XXI—XXIV), он приводит данные о политике султана в Дунайских княжествах (гл. XXXIII), повествует об антиосманской борьбе, которую возглавил воевода Трансильвании Янош Хуньяди (гл. XXIV—XXVIII).

Говоря о значении «Записок янычара» как исторического источника, нельзя не высказать сожаления по поводу краткости, а в отдельных случаях и беглости комментирования памятника в настоящем издании. Тем не менее, уже сама публикация его на русском языке несомненно послужит новым стимулом для анализа и оценки исторических свидетельств Константина из Островицы, сопоставлений их с данными других источников, для дальнейшего изучения этого интереснейшего памятника эпохи средневековья.

Л. Е. Семенова.

2. STEFANOWSKA. *Próba zdrowego rozumu. Studia o Mickiewiczu*. PIW, Warszawa, 1977, 215 s.

3. СТЕФАНОВСКАЯ. *Опыт здравого разума. Исследование о Мицкевиче*

Имя Зофьи Стефановской хорошо известно не только польским, но и зарубежным славистам. Научный сотрудник Института литературных исследований Польской Академии наук, руководитель группы психофизиологии литературы З. Стефановская основное внимание уделяет проблемам романтизма и творчеству таких крупнейших представителей этой

эпохи в польской литературе, как А. Мицкевич и Ц. Норвид.

Новая книга З. Стефановской знаменательна для характера ее научных поисков, их направленности и самой исследовательской манеры. Она представляет собой плод почти десятилетних изысканий в сфере явлений, имеющих ключевое значение для зарождения и развития ро-

мантических веяний в польской литературе, философско-эстетической мысли и общественной жизни.

Книгу открывает исследование «О „Романтичности“». «Романтичность» — юношеское стихотворение Мицкевича, вошедшее в его первый поэтический сборник и прозвучавшее как манифест новой эпохи. Рассматривая его на широком фоне общественно-исторических и литературно-эстетических веяний, характерных для стыка эпох Просвещения и романтизма, З. Стефановская выявляет главное, что отличает «Романтичность» от предшествующих тенденций, одновременно знаменуя зарождение качественно нового. Это новое проявляется в сфере декларируемого мировосприятия, где рационализму противопоставляется, выражаясь словами самого Мицкевича, «чувство и вера». Опозиция между рациональным и интуитивным прослеживается на всех уровнях произведения, детерминируя, как это убедительно показывает Стефановская, внутреннюю суть каждого из них и общее звучание целостности, которую они составляют. В этой связи особенно интересен анализ соотношенности народного мироощущения и восприятия, свойственного образованной среде. Именно здесь таится внутренний драматизм «Романтичности», а полемика с предшествующей философской тенденцией, рассматриваемой как ограничивающая познавательные возможности человека, в сущности «открывает романтическую дискуссию гносеологического характера» (с. 19). О своего рода преднамеренности у Мицкевича именно такой идеи как главной и детерминирующей звучание целого, свидетельствует и принципиально новый по своему подходу анализ сохранившихся черновых вариантов. З. Стефановская справедливо рассматривает их синхронно, а не с точки зрения совершенствования автором первоначального текста (как это делалось до сих пор исследователями). Полученные выводы, в частности, об отношении Мицкевича к фольклору и характере усвоения поэтом народного мировосприятия, дают ключ к пониманию генезиса польского романтизма: «Если даже объект народной веры — все эти поверья и суеверия — остался для поэта чем-то внешним, чуждым, то сама позиция веры была той ценностью, которая единила его с народом и делала возможным свершаемый им акт переложения богатства народной фантастики на язык системы универсальных понятий» (с. 25).

Своеобразным развитием этого тезиса на материале поэмы «Дзяды» является второе исследование — «Опыт здравого разума». «Традиция восходящих к позитивизму исследований произведения Мицкевича отягощена балластом мнимой проблематики, являющей собой результат столкновения навыков позитивистской критики с творением, которое не соот-

ветствует канонам реалистического искусства, — справедливо пишет З. Стефановская. — Героические попытки упорядочения того, что автор намеренно перемешал, завершения того, что должно оставаться оборванным, досказывания того, чья ценность основывалась на умолчании» (с. 33). Художественные творения следует рассматривать сквозь призму поэтики и в свете мировосприятия, свойственных эпохе их создания. В противном случае получается интерпретационный сдвиг, наложение представлений и понятий современной ученому эпохе — на изучаемую.

Последовательно придерживаясь логики конкретно-исторического подхода и опираясь на глубокие познания в области романтической философии, эстетики, литературы и общественно-политической мысли, З. Стефановская анализирует «Дзяды» как романтическое произведение, возникшее в специфический период национальной истории. В таком свете прежние попытки «здрavo» взглянуть на образ Густава (например, споры о том, живой ли это человек или призрак), рационализировать его воззрения и объяснить сущность его конфликта с реальностью путем низведения сюжетных ходов и смысла высказываний персонажей до однозначных (и в сущности, осовременивающих философско-поэтическую основу текста) формулировок просто не соотносятся с характером самого анализируемого объекта. «А если поэтическая идея образа Густава именно в том, что его существование противоречит чувству реальности? Здравому рассудку? Принятым представлениям о потустороннем мире? В том, что его невозможно втиснуть ни в какую рациональную формулировку? В том, что он по замыслу нелогичен?» — резонно ставит вопрос З. Стефановская (с. 35).

Детальный и тонкий анализ обширного материала поэмы и в частности IV части (полемика Густава с Ксендзом), яркие литературные параллели, чуткое улавливание смысловых нюансов и их проецирование на фон романтического мировосприятия — все это дает принципиально иной и убедительный образ идейной структуры и сущности отдельных персонажей.

Иным аспектам великой поэмы польского романтизма посвящено оригинальное и многоплановое исследование «Мир насекомых в IV части „Дзядов“»: с одной стороны З. Стефановская восполняет существенный пробел в исследовании творчества и языка Мицкевича, с другой — раскрывает ту специфическую в отношении типа романтического мировосприятия литературную символику и связи с фольклором роль, которую играет в поэме мир насекомых.

Связь самих названий с народной культурой и фольклором находит своего рода

продолжение и в их поэтической значимости, также восходящей к этим же источникам. На основе обширного этнографического материала вскрывается целый ряд аналогий (например, мотив переселения душ умерших в ночные бабочки). В «Дзядях», рассматриваемых З. Стефановской как моральная драма романтического индивидуалиста, антропоморфизация Густавом насекомых и его общение с ними — отражение его отношения к миру природы. Одинокий и не понимаемый рационалистическим окружением Густав силой чувств, интуитивно, познает то, что не под силу общепринятой рассудочности, чуждой ему и ограничивающей человеческие возможности. Тем самым в поэме вырисовывается характерный для романтизма тип мировосприятия, в соответствии с которым «неповторимая ценность личности не является ее иллюзией» (с. 60).

Иной круг проблем, связанный с «Дзядями», рассматривается в следующем исследовании: «О дантовском в третьей части „Дзядов“». Предшественники З. Стефановской сосредотачивали внимание преимущественно на сопоставлении отдельных деталей «Божественной комедии» и «Дзядов», что в ряде случаев могло вызывать сомнения. З. Стефановская исследует характер романтической трансформации дантовской концепции мира в творении Мицкевича, выделяя такие моменты, как видение истории, религия и политика, гармония мира материи и духа. Вскрывая общее у Данте и Мицкевича, З. Стефановская убедительно подчеркивает и различие качественного характера, обусловленное спецификой разных эпох исторического развития.

Жанровым особенностям и их идейно-философским функциям в знаменитой второй сцене из III части «Дзядов» посвящено исследование «Большая — да, но почему импровизация?». Автор привлекает обширный европейский (в том числе и русский) материал из области литературы и культуры XVIII — первой половины XIX в., убедительно аргументируя свою концепцию, согласно которой мольер Конрада предстает как импровиза-

ция, что обусловлено самой ситуацией и характером героя.

Исследование «Крокемитэн» в III части «Дзядов» — великолепный образец того, как обращение к явлениям параличеза помогает выяснить генезис и полнее раскрыть подлинное звучание литературных шедевров. Следующее исследование — «Мицкевич об „Истории Вацлава“ Гарчиньского» — вскрывает своеобразие произведения, которое до сих пор рассматривалось прежде всего как подражание III части «Дзядов». О работе «Барские конфедераты» у нас уже говорилось (РЖ, 1974, № 4, сер. 7) в связи с книгой «Превращения традиции Барской конфедерации». Большой интерес представляет новаторское исследование «Славянская легенда в парижских лекциях», где З. Стефановская пытается реконструировать концепцию курса славянских литератур Мицкевича в свете его философии истории. Статья «Борьба с романтизмом в Кругу Дела Божьего» посвящена проблемам, связанным с польским мессианством и ролью А. Говяньского. Книгу замыкает исследование «Станислав Пигонь как исследователь Мицкевича», посвященное крупнейшему польскому специалисту в этой области, эволюции его воззрений. С этим исследованием З. Стефановской целесообразно ознакомиться каждому из наших славистов, обрашающихся к обширному и разнородному наследию С. Пигоня.

Результаты исследования З. Стефановской вносят много нового в разработку проблемы польского романтизма, одновременно открывая перспективы дальнейших историко-литературных и теоретических изысканий. Для наших специалистов эта книга представляет особый интерес и в связи с работами над «романтическим томом» «Истории всемирной литературы».

Опыт здравого разума — исследование явлений прошлого на основе современных литературоведческих знаний, но в свете присущих этим явлениям философско-эстетических представлений и общественно-исторической специфики принес свои плоды.

А. В. Луцато

K. GORSKI. Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich. Warszawa, PWN, 1975, 303 s.

К. ГУРСКИЙ. Текстология и издание литературных произведений

Примечательна уже сама «история» этого труда. Его автор Конрад Гурский — известный польский ученый — выпустил в 1956 г. книгу «Издательское искусство», обратившую на себя внимание советских и чехословацких специалистов. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве К. Гурский выступил с докладом на тему «Что следует понимать под волей автора при подготовке исправленного издания текста». Доклад вызвал оживленные прения, в результате которых было решено создать особую Издательско-текстологическую комиссию. Ее председателем стал К. Гурский, заместителем — Д. С. Лихачев, а членами — представители всех славянских стран, Венгрии, ГДР и некоторых западноевропейских государств. Начиная с 1961 г. эта комиссия созывалась почти ежегодно в разных городах (Варшаве, Софии, Белграде, Праге, Берлине и др.). Результаты ее работы публиковались в журналах, сборниках и оттисках.

«Текстология и издание литературных произведений» К. Гурского — это, по признанию самого автора, не только плод его личных многолетних размышлений и раздумий, но и в какой-то мере итог деятельности Издательско-текстологической комиссии, которая под его руководством прокладывала пути развития новой, недавно отпочковавшейся от филологии научной отрасли (сам термин «текстология» впервые был введен в 1928 г. Б. В. Томашевским).

Итак, перед нами не просто обобщающий труд, а фундаментальная работа, предмет которой в качестве специального предмета, еще требующего своей дефиниции определения особых задач и способов их решения, стал выделяться в науке сравнительно недавно. Этим объясняется и своеобразие рецензируемого труда, в котором первостепенное значение придается анализу элементарных, основополагающих понятий, и где теория предмета переплетается с рекомендациями прикладного порядка.

В главе I — «Задачи текстологии и понятие текста» — К. Гурский, критически разобрав все основные дефиниции текста, дает два его взаимодополняющих определения: «1) текст — это окончательная языковая форма, приданная произведению автором в результате творческого процесса и выражающая ту реализацию творческого замысла, достигнуть которую «позволили условия создания произведения и писательские способности того же автора; 2) текст — это графическое закрепление выше определенной языковой

формы, или попросту запись звуко-языкового пласта произведения; возможное благодаря современной технике закрепление языковой формы произведения с помощью граммафонных пластинок или магнитофонной ленты с этим значением не имеет ничего общего» (с. 17).

Поясняя свои определения, К. Гурский указывает, что прежние дефиниции в качестве главного признака понятия «текст» выделяли графическое закрепление звуко-языкового пласта произведений естественно в силу привычки читать их про себя. Между тем в древности записанные произведения читались вслух и воспринимались на слух, да и ныне они передаются по радио, ничего не теряя в своей эстетической выразительности. Кроме того, таких графических закреплений может быть несколько, причем не обязательно известных автору, им оформленных. С этой точки зрения важнейшим признаком авторского текста оказывается его подлинность, его аутентичность, которая устанавливается на основе окончательной языковой формы произведения, какую оно получает в процессе реализации авторского замысла. Окончательная форма в данном случае означает хронологически последнюю, но не лучшую (автор может и ухудшить свое произведение). Не являясь важнейшим, графическое закрепление языковой формы произведения есть, однако, тоже необходимый признак понятия «текст». Только графическая запись отличает текст, с одной стороны, от неустойчивой «словесной ткани» устных, фольклорных произведений, а с другой — от фонограммы.

Из такого понимания предмета вытекают и те задачи текстологии, конечная цель которых — установить «аутентичную языковую форму какого-то произведения на основе доступных нам записей его звуко-языкового пласта» (с. 23).

В главе II — «Важнейшие источники ошибок в тексте» — польский ученый останавливается на некоторых типичных искажениях, возникающих по вине самого автора; тех, кто записывал текст под его диктовку; переписчиков (соответственно наборщиков) и, наконец, различных издателей. Поясняющие примеры приводятся почти исключительно из практики польских текстологов, причем решительное предпочтение отдается текстам Мицкевича. Принципиальное значение имеет оговорка, сделанная в главе III — «Соответствие творческому замыслу автора»: недопустимо, говорит К. Гурский, поправлять автора в его понятиях, представлениях или в неумелом их выражении

(речь идет, разумеется, не о живом писателе); но зато текстолог обязан тщательно взвешивать все «за» и «против» в тех случаях, когда автор оставлял без внимания и протеста текстуральные изменения, навязанные ему вопреки его замыслу, либо даже вынужден был формально санкционировать их. Следует отметить, что эта глава, как, впрочем, и вся книга К. Гурского, овеяна непоколебимой верой в возможности познания и дышит глубочайшим уважением к личности автора, к праву индивида на свободное выражение воли.

В числе наиболее необходимых вспомогательных дисциплин, без которых немислима научная критика текста, в главе IV называются: 1. История письма и в особенности палеография; 2. История книги и библиография; 3. История жизни авторов, тексты которых мы устанавливаем (биография — как особый отдел истории); наконец, 4. Языкознание, особенно историческая грамматика, семантика и диалектология» (с. 46).

В главе V — «Основные случаи текстологической работы» — К. Гурский выделяет семь типов восстановления аутентичного текста (с. 54), а затем в VI—X главах рассматривает каждый в отдельности.

В главе XI — «Установление авторства» — читатель найдет описание различных приемов критики текста с точки зрения его аутентичности. Не только для поляков представляет научный интерес и глава XII — «Научные издания и их развитие в Польше». В главе XIII — «Формирование изданий различного типа» — польский ученый дает их классификацию и поочередно рассматривает требования, предъявляемые к изданиям научно-исследовательского и научно-педагогического характера, к школьным и популярным изданиям, наконец, к изданию

собрания сочинений автора. Глава XIV — «Комментарий» — посвящена содержанию последнего и принципам его составления. Кроме коротенького «Дополнения», информирующего о появившихся текстологических трудах, во время печатания рецензируемой книги, она снабжена выборочной библиографией, выделяющей неустаревшую текстологическую литературу, именным и предметным указателем, и очень удобна в пользовании.

К. Гурский отмечает, что издатель не обходится без текстологии, но текстолог не обязательно должен быть издателем. Некоторые знания по текстологии необходимы всем филологам, хотя и в разной степени — медиевистам, скажем, в большей степени, чем изучающим современность. Книга К. Гурского замечательна тем, что способна удовлетворить запросы самого широкого круга специалистов даже с чисто формальной точки зрения. Книга читается по временам так, словно это занимательный роман с детективной фабулой. Как все подлинно талантливое, она проста в изложении, все в ней логически выверено: и построение отдельных предложений, и композиция всего труда в целом, и подбор поясняющих примеров, и система доказательств. Монография Конрада Гурского «Текстология и издание литературных произведений», безусловно, представляет живой интерес для литературоведов всех специальностей, для издателей же она должна стать настольной книгой.

Приятно отметить и тот факт, что PWN (Государственное Научное Издательство), выпуская труд о своих ближайших подвижниках и в известном смысле практическое наставление для самого себя, постаралось оформить книгу просто и эстетически привлекательно.

И. К.

Д. БОГДАНОВИЋ. *Житије Георгија Кратовца*. Београд, 1976, с. 203—267

Д. БОГДАНОВИЧ. *Житие Георгия Кратовца*

Житие Георгия Нового — оригинальное произведение болгарской литературы XVI в., написанное софийским священником Пейо, хорошо известно славистам. Этому широко распространенному среди южных и восточных славян памятнику посвящено немало научных исследований, обобщенных в монографии болгарского ученого П. Динекова «Софийски книжовници през XVI в. Поп Пейо» (София, 1939). Однако научные представления об истории движения текста жития были

весьма расплывчатыми в связи с гибелью многих его списков в эпоху турецкого ига на Балканах.

Благодаря своим археографическим разысканиям, Д. Богданович сумел внести ясность в проблему эволюции текста Пейо. В афонском Хилендарском монастыре ученый открыл три новых списка — Хилендарский № 799, выполненный пероманом Феодосием в 1769 г.; Хилендарский № 663 конца XVIII — начала XIX в. и Хилендарский № 715 середины

XIX в., что позволило восполнить недостающие звенья в истории текста памятника. Тщательное обследование этих списков и проверка ранее известных науке списков по водяным знакам позволили Д. Богдановичу внести коррективы в их хронологическую иерархию. Так, например, ученому удалось уточнить датировку древнейшего на сегодняшний день списка жития — Хилендарского № 479. По водяным знакам его следует датировать третьей четвертью XVI в. Одновременно Д. Богданович приподнял завесу таинственности над Хилендарским списком № 327, о котором упоминали В. И. Григорович и Сава Хилендарец. В современной науке он считался утраченным, однако исследователь установил, что под этим списком в действительности подразумевался Хилендарский список № 479, изменивший свой шифр. Рильский список, относимый Е. Спространовым и П. Динековым к XVII в., Д. Богданович датировал по водяным знакам концом XVI в., подтвердив тем самым точку зрения А. И. Яцимирского¹. Была пересмотрена и датировка Эленского списка, создание которого ученые связывали с началом или с 30-ми годами XVII в. (Д. Христосков, М. Младенов и Б. Ст. Ангелов). В соответствии с обнаруженными исследователем водяными знаками этот список следует датировать началом XVIII в. Неверным представляется лишь изменение датировки Софийского списка № 281, отнесенного Д. Богдановичем к 1818 г. на основании идентификации почерка переписчика жития и почерка записи переплетчика, согласно которой рукопись была «повезана» в указанном году. Писец мог переплести рукопись через много лет после завершения работы над текстом памятника.

Эти коррективы в хронологическую иерархию списков заложили фундамент для восстановления истории текста произведения. Все списки Д. Богданович справедливо разбивает на две редакции: 1) пространную, представленную Хилендарским № 479 (X₁), Белградским начала XVII в. (Б), Гильфердинговским 1714 г. (Г), Хилендарским № 799 (X₂), Софийским 1798 г. (С₁), Хилендарским № 663 (X₃), Софийским № 281 (С₂), Хилендарским № 715 (X₄) списками; 2) краткую, представленную Рильским (Р) и Эленским (Э) списками. Ученый исследует подробно лишь пространную редакцию жития, реконструируя ее текстологическую историю. Среди восьми ее списков им выделено несколько групп и подгрупп: I) архетип пространной редакции — гипархетип сокращенного вида первого типа — список В; II) архетип про-

странной редакции — гипархетип полного вида — список X₁ — литературно переработанный список X₁ — список X₂, являющийся гипархетипом сокращенного вида второго типа, положенного в основу списков X₃ и X₄; III) архетип пространной редакции — гипархетип полного вида — гипархетип списков Г и С₂, далее следует список С₁, причем от последнего гипархетипа списки С₁ и С₂ отделяет протограф софийского церковнославянского извода (+ исправленный этот протограф для списка С₁). Кроме того, от гипархетипа сокращенного вида первого типа тянется ниточка к протографу софийского церковнославянского извода.

В целом главный вывод Д. Богдановича о наличии двух основных ветвей в истории текста памятника совпадает с нашим мнением (см. диссертацию «Повесть о Георгии Новом» в болгарской и русской литературе XVI в. М., 1976), и предлагаемая им стемма выглядит вполне приемлемой. Несколько надуманным кажется только предположение исследователя о существовании двух протографов церковнославянского софийского извода: «исправного» и «неисправного». По-видимому, протограф все-таки был один, тем более, что тексты Софийских списков почти полностью совпадают. Едва ли оправдан и мостик, который Д. Богданович перекидывает между гипархетипом сокращенного вида первого типа и протографом софийского церковнославянского извода. Текстуальное сличение В списка с группой С₁ и С₂ списков выявляет скорее отличие, чем какие-либо текстуальные схождения. Впрочем, сам автор называет этот мостик «чисто условным». Вызывает возражение и термин, вводимый Д. Богдановичем для характеристики группы софийских списков — «церковно-славянский извод». Он дает представление о языке списков, а не об их редакционных особенностях.

Хотя исследователь анализирует лишь пространную редакцию памятника, в стемму им были включены и списки краткой проложной редакции, которую он вслед за П. Динековым склонен приписать книжнику Пейю. По нашему мнению, указанная редакция появилась в конце XVI в., о чем свидетельствуют фактические ее расхождения (дата мученичества Георгия и некоторые другие детали) с редакцией пространной. Ошибочно также утверждение ученого о том, что новгородский пресвитер Илья в 1539 г. на основе устных рассказов создал проложное житие Георгия Нового. Как известно, в этом году была написана пространная редакция жития в его русском варианте. Проложная же редакция и служба Георгию, очевидно, принадлежат перу книжника Василия — они были созданы им в середине XVI в. после канонизации мученика на одном из церковных соборов (1547—1549). И уж тем более невер-

¹ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2. СПб., 1908, с. 168—171.

на точка зрения Д. Богдановича, считающего гипархетип Р и Э списком историком русской проложной редакции. В болгарской и русской проложных редакциях не наблюдаются какие-либо текстуральные схождения, за исключением «русской» даты мученичества Георгия (26 мая), позаимствованной составителем Эленского дамаскина из московского старопечатного пролога, где начиная с 1642 г., регулярно помещалось житие Георгия Нового. Циклы южнославянских и русских агиографических произведений о софийском мученике различны по своему содержанию и текстурально не взаимосвязаны.

Текстологическое исследование пространный редакции Д. Богдановича сопровождается критическим изданием ее текстов. В основу издания положен старейший Хилендарский список № 479, и приводятся разночтения по шести другим спискам XVII—XIX вв. (исключение со-

ставил один лишь С₁ список, совпадающий текстурально с С₂ списком). Критическая публикация текстов выполнена учеными на высоком научном уровне: здесь выделяются не только разночтения, появившиеся по воле переписчиков-редакторов, но и разночтения, возникшие в результате невнимательности книжников, неправильного понимания ими текста, перестановки слов, вариации некоторых грамматических форм и т. д. Встречающиеся в произведении Лейо цитаты из священного писания исследователем зафиксированы. Они даны в разрядку, что сразу выделяет их из повествования книжника, помогая отграничить компилятивное от оригинального.

Наши замечания не умаляют ценности вклада Д. Богдановича в изучение одного из самых интереснейших памятников болгарской литературы XVI в.

И. Калигано

«ШЕСТОДНЕВ» ИОАННА ЭКЗАРХА

(К вопросу о задачах изучения болгарского памятника X в.)

Недавно Академическое издательство в Граце (Австрия) закончило печатание и выпустило в свет последний, седьмой, том «Шестоднева» Иоанна Экзарха¹. Этот славистический Левиафан вышел в серии «Изданий славянских памятников древних языков» Института славистики Грацкого университета. Указанная серия завоевала авторитет перепечаткой многих книг, необходимых современным зарубежным славистам и библиотекам университетов. Среди них «Зографское евангелие» (1954), «Саввина книга» (1954), «Синайская псалтырь» (1954), «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (1955—1956), «Супрасльская рукопись» (1956), «Хомилиар Михаила» (1957), «Монумена сербика» Ф. Микловича (1964), «Журнал Министерства народного просвещения» за 1834—1917 гг. (1966) и т. д.

¹ R. Aitzetmüller. Das Hexameron des Exarchen Johannes. Bd. 1—7. Graz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1958—1975. (Editiones Monumentorum slavica veteris dialectici. Herausgegeben vom Institut für Slavistik der Universität Graz.) Bd. 1, 1958, XVII, 370 S.; Bd. 2, 1960, VII 388 S.; Bd. 3, 1961, VII, 414 S.; Bd. 4, 1966, VII, 623 S.; Bd. 5, 1968, VII, 403 S.; Bd. 6, 1971, VII, 664 S.; Bd. 7, 1975, IX, 515 S.

Рецензируемое издание не перепечатка, а совершенно новая многотомная публикация памятника болгарской литературы X в. Это фундаментальное издание подготовил профессор Вюрцбургского университета Рудольф Айтцетмюллер. Нет сомнения, что в славистическую науку вошел еще один капитальный труд о самом известном и важном произведении болгарской литературы эпохи Первого царства. В основном на сочинениях Василия Великого, Иоанна Златоуста, Севериана Гавальского, Феодорита Киррского, а также Аристотеля и Платона «Шестодневе» Иоанна Экзарха ярко отразилось мировоззрение средневекового болгарского книжника. В его необычном толковании первых глав книги Бытия своеобразно слились философско-теологическая и этико-эстетическая концепции мира, получившие распространение у балканских народов и восточных славян². «Шестоднев» сохранился во мно-

² Об Иоанне Экзархе и его «Шестодневе» существует большая исследовательская литература: «История на българска литература», т. I. Старобългарска литература. Под ред. на В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев. София, 1962, с. 127 и сл., 429; Е. Георгиев. Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962, с. 202—270; F. Sławski. Jan Egarzarcha. In: Słownik starożytności

жестве русских и сербских списков. Только списков болгарского извода «Шестоднева» не сохранилось. Неблагоприятная для сохранения культурных богатств политическая обстановка на Балканах привела к тому, что свое великое древнее культурное наследие Болгария щедро раздарила друзьям и соседям. Так случилось и с наследием Иоанна, экзарха болгарского, современника царя Симеона. Перед исследователями, таким образом, стоит благородная задача: восстановить первоначальный текст древнеболгарского памятника. Немецкий ученый профессор Р. Айтпетмюллер продолжил текстологическое исследование «Шестоднева», начатое А. В. Горским и К. И. Невоструевым³.

До сих пор наука не располагает удивительным изданием этого памятника. Слависты всегда пользовались единственным изданием «Шестоднева» по списанной с болгарского оригинала в 1263 г. сербом Феодором Грамматиком в Хиландаре копии. Это издание осуществили в 1879 г. О. М. Бодянский и А. Н. Попов⁴. Оно уже давно стало библиографической редкостью.

Казалось бы, в современных условиях необходимо проделать значительную работу по собиранию и сличению текста всех дошедших до наших дней списков этого памятника, а затем выбрать основной список для издания. Советской исследовательнице Г. С. Баранковой известно 48 списков XIII—XVIII вв.⁵. К этому

słowiańskich, t. II, cz. 2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 314—315. Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. Иоан Экзарх Български. Слова. Том първи. София, 1971, с. 8 и сл. Имя Иоанна Экзарха дорого для русской науки тем, что с появлением на свет исследования о нем К. Ф. Калайдовича началось отечественное славяноведение. (См. «Иоанн Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий». Написано Константином Калайдовичем. М., 1824. Ср. Г. А. Ил'инский. Jean l'Exarque: à grogos de livre de Kalajdović (1824—1924). «Revue des études slaves», t. IV. Paris, 1924, f. 3—4, p. 199—207).

³ А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II, ч. I. М., 1857, с. 1—43.

⁴ «Шестоднев», составленный Иоанном Экзархом Болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года слово в слово и буква в букву. ЧОИДР. М., 1879, кн. 3. По признанию А. Н. Попова, это издание имеет около 600 неточностей.

⁵ Г. С. Баранкова. К текстологическому и лингвистическому изучению «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского. В кн. Восточно-славянские языки.

числу можно было бы добавить 7 списков, указанных болгарским профессором К. М. Кувевым⁶. На этом поиски списков не кончатся, а только начинаются. Нам, например, известны еще несколько рукописей⁷.

Профессор Р. Айтпетмюллер, однако, избирает другой путь: он ограничивается выбором шести списков. Это четыре русских — ГИМ, Синод. собр., № 55/35, 56/769, 58/445, ГПБ, Q 147 (Толстовск.) — и два сербских — Хиландарский 1263 г. и Верхне-Брежничский 1649 г. Уход от источниковедческого поиска выглядит неоправданным, тем более, что избранные списки принадлежат к разным текстологическим группам или ветвям, по терминологии Г. С. Баранковой⁸: С 55 — к Белозерско-Барсковой, С 56 и Т — к Чуловской, С 58 — к Уваровско-Плигинской, место сербских списков не определено.

Тексты издаются en regard: левую колонку левой страницы занимает воспроизведение текста Хиландарского списка 1263 г. по изданию 1879 г., правую левой страницы — авторская реконструкция древнеболгарского текста, а верх правой страницы — перевод текста реконструкции на немецкий язык, в середине правой страницы расположены разночтения по пяти спискам, здесь же даются и конъектурные поправки, параллели и примеры из многочисленных древнеславянских памятников. В средней части правой страницы отмечаются и цитаты из Библии, отдельно иногда дается греческий текст, источник славянского текста «Шестоднева». Во многих случаях греческие параллели приводятся в подтверждение обоснованности реконструкции древнеболгарского текста «Шестоднева» и, как правило, по наиболее авторитетным научным

Источники для их изучения. М., 1973, с. 172—215; «Опыт лингвотекстологического анализа списков „Шестоднева“ Иоанна Экзарха Болгарского, хранящихся в ГБЛ». «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 35. М., 1974, с. 104—121. К 47 объявленным спискам прибавляется 48-й: ГБЛ, собр. Егорова, № 604.

⁶ См. П. Динев, К. Кувев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарската литература. Второ подобро издание. София, 1967, с. 64—65.

⁷ Ю. Бегунов. Необходимост от критически издания на паметниците на старобългарската литература от IX—XIII в. «Език и литература», год. XXI, 1965, № 2, с. 51—56.

⁸ Вызывает недоумение неясная терминология у Г. С. Баранковой: ветви, группы, подгруппы вместо принятого в европейской текстологической науке понятия «гиперархетип». Ср. P. Maas. Textual criticism. Translated from the German by V. Flower. Oxford, 1963, p. 6.

изданиям. И все же средняя часть правой страницы выглядит перегруженной критическим аппаратом. Все дело в том, что желание совместить в одном месте и разночтения, и параллели, и конъектурные поправки, и указания на цитаты из Библии приводит к тому, что разнородная информация либо не улавливается вовсе, либо воспринимается с большим трудом.

В начале каждого из томов приведены списки условных сокращений и указатели для нахождения греческих текстов. В конце каждого из первых шести томов приложены таблицы, содержащие фототипическое воспроизведение пяти избранных Р. Айтцетмюллера списков.

7-й том издания содержит ценнейший словарь, с помощью которого можно отыскать любое слово в издании, уяснить его смысл и грамматическую форму, а иногда узнать греческий источник (с. 1—459). В самом конце дается частотный словарь к тексту (с. 461—504) и указатель библейских цитат (с. 503—510), а также тексты обеих приписок монаха Хиландарского монастыря Феодора Грамматика из рукописи 1263 г. (с. 511—515).

Следует отметить полезное стремление к филологической точности в передаче текста и рациональность в принципах передачи текстов, которые могут устроить как литературоведов, так и лингвистов.

Это очень солидное и, казалось бы, добротное филологическое исследование и издание текста «Шестоднева» Иоанна Экзарха в целом выглядят незавершенными из-за немотивированного отказа рассмотреть историю произведения на протяжении веков по рукописям. Между тем эта история очень интересна. Она не ограничивается филиацией многочисленных списков. Отдельные отрывки из произведения Иоанна Экзарха получили самостоятельную жизнь, и на их основе составлялись целые компиляции. Так, в Троицком пергаменном списке «Мерила Праведного» конца XIV в. мы находим слово «От Шестоднева избрано о животѣхъ», а в древнерусских сборниках — «Слово о разсѣчении чловѣческаго естества». Последнее очень важно для понимания эстетических учений восточных славян, символически уподоблявших человека животным видимого мира⁹. История «Шестоднева» Иоанна Экзарха в славянских литературах не изучена. Сделаны лишь первые шаги в нужном направлении. Стемма списков в немецком издании не приведена. Но она есть в ответе Р. Айтцетмюллера на рецензию Л. Мюллера, профес-

сора Тюбингенского университета¹⁰. При всей вероятности допущения именно такого, а не другого взаимоотношения шести списков, мы не можем признать именно эту стемму за стемму истории произведения по той причине, что в стороне оставлены, по крайней мере, 60 списков и многие десятки утраченных звеньев, которые текстологу еще предстоит восстановить. Когда вся текстологическая работа будет проделана и вся история «Шестоднева» на всех этапах восстановлена, тогда будут уместны и стемма, и издание, и реконструкция. А пока реконструкция Р. Айтцетмюллера остается «гипотезой в квадрате», несмотря на всю ее кажущуюся филологическую обоснованность.

Тем не менее многотрудный опыт немецкого ученого не прошел напрасно. Собранный огромный фактический материал по сопоставлению славянского текста с текстами греческих источников, а также конъектурные поправки к тексту принесут большую пользу будущим текстологам, которые постараются учесть весь рукописный материал в его действительной истории и динамике. Будущему текстологу не будет надобности в придумывании «лингвотекстологии», так как изучение истории языковых форм во всей полноте — это альфа и омега любого текстолога, независимо от того, является ли он литературоведом или лингвистом. Первичная классификация 48 списков «Шестоднева», данная Г. С. Баранковой на основании учета пропусков, инверсий, дополнений в тексте IV слова «Шестоднева», — важный, но пока еще только предварительный этап текстологического изучения. Данная классификация выглядит более формальной, чем реальной. Подкрепить ее может только анализ всех разночтений — лексических, морфологических, синтаксических, а также анализ ритмико-интонационной системы текста. Богатый филологический материал бесмертного творения болгарского писателя X в., поднятый Р. Айтцетмюллером, приобретет серьезное значение как подспорье будущему текстологу. А общим выигрышем будет то идеальное научное критическое издание «Шестоднева» Иоанна Экзарха с учетом всей рукописной традиции, к которому стремится, но которого еще пока не имеет славистическая наука.

Ю. К. Бегунов

⁹ Н. Н. Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. В кн.: Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского Археологического общества, т. 3. М., 1901, с. 45—118.

¹⁰ R. Aitzetmüller. Kritisches und Antikritisches zur Sestodnev — Ausgabe. «Anzeiger für slavische Philologie». Bd. 1, 1966, S. 162. Cp. L. Müller. [Pen.] «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. 32, H. 2, 1965, S. 354—370; R. Aitzetmüller. Über einige Sestodnev — Handschriften. «Slavistična revija». Ljubljana, 1957, let. 10, s. 268—278.

Д. ДАВИДОВ. *Српска графика XVIII века (Матица српска, Одељење за ликовне уметности. Студије за историју српске уметности, 8)*. Нови Сад, 1978, 456 с. + 412 рис.

Д. ДАВИДОВ. *Сербская графика XVIII века*

Матица сербская в качестве юбилейного издания, в память об отмеченном в 1976 г. 150-летию, выпустила книгу Динко Давидова «Сербская графика XVIII века». В основу этого исследования положена докторская диссертация автора о граверах Христофоре Жефаровиче и Захарию Орфелине, защищенная в 1966 г., дополненная новыми разделами и в хронологическом отношении дающая освещение нового этапа в истории сербской гравюры, не охваченного известным трудом Д. Медаковича «Графика српских штампаних књига XV—XVII века» (Београд, 1958).

Исследованию Д. Давидова предпосланы краткое авторское предисловие, введение и историографический очерк; главы посвящены соответственно историческим условиям развития живописи и графики в искусстве Сербии, гравюре на дереве, появлению гравюры на металле, жизни и творческому наследию крупных мастеров Жефаровича и Орфелина и, наконец, произведениям остальных траверов, иностранных и неизвестных авторов. Вторая часть книги содержит тщательно выполненные описания гравюр, составляющие каталог, материал которого систематизирован по той же схеме, по какой построено исследование, занимающее первую часть издания; в дополнении приведены сведения о гравюре Т. Месмера и о датированной 1757 г. гравюре неизвестного автора. К книге приложены резюме на немецком языке, именной и предметный указатель и 412 снимков, не считая большого количества рисунков и таблиц внутри текста. Прекрасное полиграфическое исполнение книги вполне отвечает характеру юбилейного издания. Наиболее же существенным в исследовании является его многоплановость и исчерпывающее освещение тематики.

Обширный историографический очерк позволяет наглядно представить, что именно сделано было в деле изучения искусства сербской гравюры XVIII в. и что нового вносит в науку рассматриваемая книга. Глава, посвященная историческим условиям развития живописи и графики на сербских землях и в Карловацкой митрополии, вводит в круг вопросов, без освещения которых остались бы непонятными и причины распространения гравюры, и ее иконографический репертуар, и общественная роль. Достоинством обеих глав является четкость изложения, умение выделить главное, способствующее уяснению различных аспектов творчества мастеров, о художест-

венном наследии которых читатель узнает из следующих глав книги.

Сербскую гравюру на дереве Д. Давидов рассматривает в качестве того связующего звена, которое позволяет говорить о творческом развитии графических традиций конца XV — середины XVII в., создавших славу мастерам, трудившимся над украшением книг, изданных в Цетинье, Грачанице, Венеции, Белграде. Гравюра на дереве для XVIII в. является наиболее традиционной техникой. Она сыграла важную роль в сохранении основ средневековой иконографии, как и в популяризации культа сербских святых. С этой стороны сербская «дворезна графика» вполне сопоставима с украинской гравюрой на дереве, служившей разновидностью икон, более доступных по цене, чем дорогостоящие живописные произведения¹. Хотя сербская графика развивалась в конкретных условиях, исторически сложившихся на Балканах, ее пути с искусством России и Украины не раз перекрещивались. В одних случаях сербские граверы воспроизводили русские образцы (поп Христофор Беоцинец), в других — сербские мастера (как Иаков Сербин) — трудились в Киеве. Какими бы отдельными и эпизодичными ни представлялись нам известные случаи, они способны пролить свет на те черты взаимодействия в графическом искусстве восточно-европейских и балканских изданий, на которые неоднократно обращали внимание исследователи. Д. Давидов детально рассматривает каждое из сохранившихся произведений, подробно, на основании различных источников, анализирует деятельность Иакова Сербина в Киеве. Таким образом, материал этой главы представляет интерес и непосредственно для истории украинской старопечатной книги, преимущественно в плане ее украшения гравюрами.

Краткая глава, посвященная появлению гравюры на металле — бакрореза — освещает вопрос о непосредственных источниках этого вида искусства у венгерских сербов и первые шаги в освоении новой техники. И здесь Д. Давидов среди важных проблем выделяет роль воздействий русской гравюры на металле, представленной творчеством Л. Бунина, А. Трухменского и В. Андреева, из которых два последних связаны своей пре-

¹ См. В. И. С в е н ц и ц ь к а. Українська народна гравюра XVII—XVIII ст. «Народна творчість та етнографія», 1965, № 5.

дыдущей деятельностью с Украиной, где работали также Л. и А. Тарасевичи². Названные мастера в своем творчестве были тесно связаны с западными художественными традициями, и это отчасти нам объясняет, почему именно сербские граверы ориентировались на указанный круг произведений. В одной из своих более ранних работ Д. Давидов подробно сопоставил различные воспроизведения работ сербских мастеров с оригиналами, среди которых — гравюра черниговского монаха Гавриила³. В книге наблюдения автора обобщены и в целом служат задачам освещения процесса зарождения бакрореза у сербов и характера первой продукции.

Главы, посвященные жизненному пути и творчеству двух наиболее выдающихся сербских мастеров XVIII в. — Христофора Жефаровича и Захарии Орфелина — в сущности представляют монографии, органически вписанные в историю сербской гравюры. Изложение дано на основе письменных источников, обширного, и, что не менее существенно, разнообразного круга произведений обоих художников, позволяющих уяснить подлинную их роль в развитии сербского бакрореза XVIII в. Нет возможности в краткой рецензии подробно остановиться на составе богатейшего творческого наследия обоих мастеров, но вряд ли следует умолчать, что Орфелин выполнил цикл гравюр для «Истории Петра Великого», изданной в Венеции в 1772 г. Иллюстрации этой книги воспроизведены в работе Д. Давидова, будучи подробно охарактеризованы в тексте исследования. Если говорить о восточнославянских параллелях для явлений, отраженных в творчестве Жефаровича, то с ним в определенной мере может быть сопоставлено искусство его украинского современника — Григория Левицкого⁴. Немало ценных наблюдений и выводов, а равно и материала для размышлений, дает глава книги, посвященная другим граверам, иностранным

и неизвестным авторам. Этот сжатый обзор в будущем может послужить отправной точкой для дальнейших, более детальных разысканий.

Во второй части книги Д. Давидова, в соответствии с планом издания, сначала помещено описание гравюр на дереве, затем — гравюр на металле, в той же последовательности, применительно к авторам, в какой рассмотрено их творчество. И хотя на сегодняшний день это самый полный свод сербских гравюр XVIII в., учитывающий и всю литературу о них, автор не исключает новые находки. Последние, надо признать, едва ли могут внести что-либо принципиально новое, снижающее практическую ценность этого каталога с приложенным к нему великолепным альбомом иллюстраций, намного облегчающим проведение в будущем детальных исследований, необходимость в которых не исключает наличие обобщающего труда, каким бы исчерпывающим он ни являлся.

Научное значение книги Д. Давидова «Сербская графика XVIII века» в полной мере окажется возможным оценить только в процессе ее практического использования. Но и теперь, после выхода исследования из печати, для нас является очевидным, что это полезное и нужное издание, которое принесет большую пользу не только историкам искусства (и прежде всего гравюры) и книги, но и широкому кругу исследователей балканской культуры, которые будут не только черпать отсюда в обилии собранные факты, но также использовать общие выводы и богатейший иллюстративный материал. Книгу необходимо оценить прежде всего как синтетическое исследование, охватившее «станковую» гравюру (настенные листы, антиминсы на ткани) и книжную. Методологические приемы автора исследования с успехом могут быть использованы при изучении украинской и белорусской гравюры, развивавшейся в сходных исторических условиях, на таком же «перепутьи» западных и византизирующих художественных традиций, которые определили черты своеобразия и строго продуманный отбор выразительных средств. Все вместе взятое позволяет говорить о книге Д. Давидова как о значительном явлении в изучении балканского культурного наследия.

В. Г. Пуцко

² Д. Степовик. Олександр Тарасевич. Київ, 1975.

³ Д. Давидов. Српски бакрорези у Будимској епархији. В кн. Зборник Светозара Радојчића. Београд, 1968, с. 58—61.

⁴ В. М. Фоменко. Григорій Левицький і українська гравюра. Київ, 1976.

R. KRAJČOVIČ. *Svededvo dejín o slovenčine. Matica slovenská. 1977, 268 s.*

Р. КРАЙЧОВИЧ. *Исторические свидетельства о словацком языке*

Имя Р. Крайчовича, доцента Братиславского университета им. Коменского, хорошо известно языковедам-славистам. Он давно и плодотворно работает в области истории словацкого языка¹. Особенно значителен его вклад в научное освещение сложнейшей проблематики предыстории и древнейшего этапа развития словацкого языка, которая имеет важное значение не только для словакистики, но и для сравнительной грамматики славянских языков.

Новая книга Р. Крайчовича, изданная Матицей словацкой, отличается оригинальностью замысла и исполнения. Предназначенная для широкого круга читателей она органически сочетает в себе черты научного исследования и научно-популярной работы. Поставив перед собой задачу «приподнять завесу» над многовековой историей словацкого языка, автор решает ее как бы в двух планах: с одной стороны, в кратких очерках он рассказывает о древнейших исторических свидетельствах словацких диалектов, о процессах их интеграции и зарождения словацкого языка как определенной целостной формации, о его развитии и становлении литературного языка; с другой стороны, он «дает слово» свидетелям истории: документам и памятникам прошедших эпох, привлекая богатый и очень интересный иллюстративный материал, как лингвистического, так и историко-культурного характера (фотокопии древнейших письменных памятников, рукописей, грамот и т. д., образцы текстов первых печатных изданий на словацком языке, титульные листы словарей и грамматики, фотографии археологических находок на территории Словакии, памятников архитектуры и искусства, словацких национальных костюмов, старинных рисунков, фольклорные записи и др.). Все это помогает автору ярче показать общий историко-культурный фон существования и функционирования словацкого языка как одного из важнейших элементов развития словацкой национальной культуры.

Книга состоит из восьми глав. Большая часть из них посвящена характеристике словацкого языка с древнейших времен до конца XVIII в. (пять глав, с. 9—170). Интерес автора к этому периоду неслучаен. Одной из специфических черт истории словацкого языка является то, что в течение ряда веков он не имел

своей литературной формы существования и функционировал лишь как народно-разговорная, диалектная речь. В первой главе автор приводит лингвистические и историко-культурные свидетельства того, что древняя диалектная речь словаков унаследовала некоторые черты, характерные для языка их предков-славян, живших в пределах Великоморавского княжества. В последующих четырех главах прослеживаются судьбы словацкого языка в средневековой Словакии, входившей в состав венгерского государства. В частности, здесь мы находим интересные данные (как в самом тексте изложения, так и в иллюстративном материале) о следах живой речи местного словацкого населения в письменных памятниках XI—XV вв. на латинском языке, который был в то время официальным государственным языком (топонимические названия, словацкие термины, глоссы и т. п.).

Серьезное внимание уделяет автор в этих главах также вопросу о контактах словацкой речи с чешским языком, который проник в Словакию в конце XIV в. и затем постепенно стал признанным литературно-письменным языком словацкой народности, конкурируя в ряде общественно-культурных функций с латынью. В словацкой письменности на чешском языке отражалось влияние народно-разговорной речи словаков. Оно проявлялось в характерных особенностях лексики, фонетики, морфологии и т. п. Типично словацкие языковые элементы («словакизмы») иногда настолько сильно пронызывали чешский текст, что его уже можно было считать письменным памятником на «словакизированном чешском языке» (образцы подобных текстов также приведены в книге).

В XVI в., по мнению автора, начинается новый этап в истории словацкого языка — он приобретает свою письменную форму: «...на желтой средневековой бумаге наряду с чешским языком, словакизированным чешским языком и латынью появился словацкий язык» (с. 77). Из-за отсутствия общесловацкого культурного центра и некоторых других неблагоприятных социально-политических и исторических условий развития словацкой народности в тот период еще не сформировался словацкий литературный язык, однако постепенно складывались необходимые для этого предпосылки. В этом плане особенно большое значение имел период XVII—XVIII вв., который рассмотрен в книге достаточно подробно. В это время, как указывает автор, продолжалось культи-

¹ См. R. K r a j č o v i č. *Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1964; e г о же. Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslóvanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974.*

вирование народно-разговорной словацкой речи и усилилось ее проникновение в письменность. В Словакии складывается специфическая языковая формация — «культурный язык», представленный в трех основных разновидностях: западнословацкой, среднесловацкой и восточнословацкой. В книге отмечаются социально-политические и культурные факторы, способствующие формированию этого «культурного» («долитературного») словацкого языка, и характеризуются основные лингвистические признаки трех его разновидностей. При этом автор приводит много интересного иллюстративного материала, свидетельствующего о том, что словацкий «культурный» язык сосуществует в письменности с чешским языком и латынью (деловые документы, судебные протоколы, отрывки из писем, записи народных песен, печатные издания, школьные пособия¹ и др.).

Относительно меньшее внимание уделено в книге процессу непосредственного формирования литературного словацкого языка в конце XVIII — середине XIX в. (главы шестая и седьмая, с. 171—248). Вероятно это связано с тем, что данная эпоха в истории словацкого языка изучена более детально и достаточно хорошо освещена в доступной научной литературе. Как известно, в рамках процесса становления литературного словацкого языка выделяются два взаимосвязанных этапа, представленных разными вариантами литературных норм, которые по имени кодификаторов — А. Бернолака (1762—1813) и Л. Штура (1815—1856) — называются соответственно «бернолаковщиной» и «штуровщиной». Автор знакомит читателя с деятельностью А. Бернолака по узаконению литературного языка, базирующегося на «западнословацком культурном языке», говорит об использовании «бернолаковщины» в научно-просветительной и художественной литературе, отмечает ряд общественно-политических и культурных факторов, приведших к тому, что бернолаковский литературный язык не стал общенациональным литературным языком и должен был уступить место другому варианту литературных норм — «штуровщине», основанной на «среднесловацком культурном языке». В ряду этих факторов, пожалуй, следовало бы указать также на то, что национально-патриотическое движение словаков в конце XVIII — начале XIX в. распалось на два основных течения, которые различались по своим национально-идеологическим концепциям и по конфессиональному признаку (именно в связи с этим «бернолаковщина» была принята как литературный язык лишь в среде словацких католиков, а словаки — протестанты продолжали пользоваться чешским литературным языком).

В главе, посвященной штуровской эпохе, автор справедливо связывает деятельность Л. Штура и его соратников, направленную на создание единого словацкого литературного языка, со стремлением прогрессивной словацкой интеллигенции того времени покончить с остатками феодализма, открыть перед народными массами новые перспективы социальной и национальной жизни. Приводимый в главе иллюстративный материал ярко свидетельствует о внедрении «штуровщины» в общественно-литературную практику (первое стихотворение на штуровском литературном языке, титульный лист первой печатной книги на этом языке, фотокопии поэтических произведений Я. Краля, А. Сладковича и т. п.). Интересны подборка высказываний сторонников и противников словацкого литературного языка, дающая представление об острой борьбе по этому вопросу в конце сороковых годов XIX в., а также материалы, связанные с реформой правописания штуровского литературного языка.

Завершается книга главой, в которой дается краткая характеристика словацких территориальных диалектов, сохранивших немало свидетельств об историческом прошлом словацкого языка.

Автор успешно справился со стоящей перед ним задачей. В сжатом компактном изложении ему удалось осветить закономерности и основные этапы развития словацкого языка вплоть до образования его литературной формы. Автор умело использовал при этом новейшие научные достижения в области истории словацкого языка и словацкой культуры. Языковые процессы рассматриваются в книге с учетом экстралингвистических факторов, в тесной связи с историей словацкого народа. Все это повышает ее научный и познавательный уровень. В наш взгляд, некоторые аспекты, важные для понимания истории словацкого литературного языка, можно было бы раскрыть более полно. Так, следовало бы больше подчеркнуть неразрывную связь процесса становления литературного словацкого языка в конце XVIII — середине XIX в. с более общим процессом формирования словацкой нации.

Хотелось бы специально отметить, что книга написана ярким живым, порой даже образным языком. Словацкий текст (включая подписи и комментарии к иллюстрациям) переведен на русский и английский языки. К сожалению, русский текст в ряде случаев нуждается в исправлении и редактировании. Думается, что это может быть сделано при повторном издании этой интересной и полезной книги.

Л. Н. Смирнов

«Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—XV. Polska Akademia nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964—1978

«Лингвистический атлас кашубщины и соседних диалектов»

Завершен один из самых монументальных трудов в области славянской лингвистической географии: к VIII международному конгрессу славистов вышел из печати последний, XV, том «Лингвистического атласа кашубщины и соседних диалектов». Над Атласом работал большой коллектив польских диалектологов Института славяноведения Польской Академии наук под руководством З. Штибера (начиная с IX тома под руководством Г. Поповской-Таборской).

Атлас охватывает кашубские диалекты Гданьского Поморья и примыкающие к ним диалекты Крайны, Тухольских Боров и Коцевья. на данной территории было обследовано 186 населенных пунктов. Собрание материала началось в 1954 г. Первый том Атласа вышел из печати в 1964 г.

На основе старых диалектологических описаний и словарей (прежде всего работ С. Рамулта, Ф. Лоренца и К. Нитча) был подготовлен достаточно детализированный вопросник, который дал возможность выявить фонетико-грамматическое и лексическое своеобразие кашубских диалектов среди других диалектов, а также их внутренние дифференциальные признаки. К сожалению, во время начальной стадии работы над Атласом еще не было замечательного кашубского словаря Б. Сыхты. Однако в дальнейшем составители Атласа смогли воспользоваться рукописью этого словаря и уже опубликованными томами во время работы над комментариями к картам.

В первом томе Атласа подробно сообщается о методике собирания диалектного материала, о первичной его обработке, об информантах Атласа, а также дается обстоятельная характеристика каждой деревни, в которой проводились наблюдения. Избирались только деревни со старым и устойчивым населением. Подробно характеризуется принятая транскрипция и ее отличия от транскрипции Лоренца, Нитча, Рамулта и других исследователей.

Каждый из опубликованных 15 томов Атласа состоит из двух частей: 50 карт и книги, содержащей комментарии к этим картам. Комментарии носят исследовательский характер, что значительно повышает научную ценность всего Атласа. Составители комментариев широко привлекают материал не только польского, но и других славянских языков. Комментарии содержат в ряде случаев ценнейшие данные для сравнительно-исторического изучения славянских языков, для

истории лехитской группы западнославянских языков, для истории поморского языка.

Обычно комментарии в опубликованных славянских диалектологических атласах носят чисто технический характер. Составители данного Атласа не пошли по этому пути. Их комментарии — это итог всестороннего изучения материала данной карты на фоне диалектного материала всех славянских языков. Специалист по славянской диалектной лексикологии найдет в комментариях Атласа богатейшие сведения и новые сопоставления диалектных данных всех славянских языков. Много ценных фактов и сопоставлений в комментариях Атласа найдет для себя специалист по славянской этимологии, по праславянской диалектологии.

Карты в Атласе двух типов: карты, посвященные одному явлению (их в Атласе — 700), и синтетические, обобщающие карты, на которых показаны пучки изоглосс (56 карт). Эти обобщающие карты опубликованы в VIII и в X—XIV томах.

Первые шесть томов Атласа содержат 300 лексических карт, которые хорошо показывают глубокое своеобразие кашубских говоров, их существенное отличие от говоров польского языка. Здесь находят много древних праславянских архаизмов, отсутствующих в говорах польского языка, в ряде случаев сохраняются редкие древние значения слов, фиксируются многочисленные заимствования из немецкого языка. Атлас наглядно свидетельствует, что в реконструкции праславянского лексического фонда кашубский диалектный материал призван играть большую роль. Наибольшее число лексических архаизмов фиксируется в северных и юго-западных говорах. В отличие от них юго-восточные говоры утратили многие старые слова древнего поморского языка.

Лишь в XX в. произошла окончательная германизация небольшой группы кашубов в нескольких селах возле озер Гардно и Лебеко. Этот диалект известен в науке под названием словинского диалекта. Благодаря трудам А. Ф. Гильфердинга, Ф. Лоренца, М. Рудницкого, Л. Забродского и других ученых, хорошо известны особенности этого диалекта. Много для изучения словинского диалекта сделал Ф. Лоренц — автор капитального словаря словинского диалекта. Лексические карты Атласа обнаруживают тесную связь словинского диалекта со всей

кашубизмой. Интересные и поучительные лексические параллели находим в диалектах полабского и серболужицкого языков. Особый интерес представляют древние лексические элементы, которые связывают кашубский диалект с южнославянскими (прежде всего болгарским) языками. Польские диалектологи составили большой список этих соответствий.

Словообразованию и морфологии в Атласе посвящено 323 карты: 300 на отдельные признаки и 23 обобщающие. Детальный анализ этих карт дан в XV томе Атласа в статьях К. Хандке и Г. Поповской-Таборской. В том же томе опубликован обратный словарь всех слов Атласа, который впервые дает широкую возможность для изучения кашубского словообразования. Карты хорошо показывают не только традиционное состояние, но и тенденции развития. Это в первую очередь относится к картам по морфологии. Наиболее традиционными являются западные диалекты, тогда как юго-восточные диалекты содержат многочисленные следы влияния центральных польских диалектов.

Фонетике кашубских диалектов в Атласе посвящено 138 карт: 100 на отдельные явления и 38 сводных, обобщающих. В XV томе опубликована статья М. Корытковской, Я. Майевой и Э. Вроцлавской, в которой дается общая характеристика фонетическим картам. И в данном случае наиболее устойчивыми, наиболее консервативными являются западные и северные диалекты. Именно здесь находим характерные для Кашубии сохранение носовых в конце слова, диф-

тонгическое произношение гласных, подвижное ударение в северных диалектах и постоянное начальное ударение в южных диалектах, редукцию гласных в заударных слогах.

Во всех опубликованных славянских диалектологических атласах почти нет семантических карт. К сожалению, не представляет исключения и данный Атлас. Опубликовано мало семантических карт, и они не очень интересны. Это связано с большими трудностями в короткий срок изучить всю сложную структуру семантических полей слова, с обычными недостатками вопросников, с отсутствием строго разработанной методики наблюдений.

Впервые рецензируемый Атлас дал ясную картину распределения основных кашубских говоров. На основе его данных выделяются северокашубская, центральнокашубская, западнокашубская, восточнокашубская, юго-западная кашубская и, наконец, юго-восточная кашубская области. Каждая из областей характеризуется определенными признаками или особым сочетанием признаков.

Следует отметить высокий технический уровень Атласа. Карты очень показательны, они легко читаются, достаточно наглядны. Прекрасно выполнен набор всех текстов и комментариев, почти нет опечаток, несмотря на сложную фонетическую транскрипцию. Завершен очень важный труд, который содержит большой и новый материал, очень ценный для многих разделов славянского языкознания.

С. Б. Бернштейн

«Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.». Т. I, Київ, 1977, 630 с; т. II, 1978, 591 с.

«Словарь староукраинского языка XIV—XV вв.» посвящен начальному периоду развития украинского литературного языка, возникшего вместе с русским и белорусским литературными языками на основе существовавшего до конца XIII в. единого древнерусского языка.

Перед авторским коллективом¹ стояли ответственные задачи, связанные с необходимостью максимально четкого определения объема и характера словаря, выработки принципов составления словаря, при помощи которых можно было бы передать все многообразие лексических

явлений, имевших место в соответствующий период, последовательной и тщательной научной обработки сложного языкового материала. Основные проблемы построения Словаря составителями решены успешно. С его изданием лексический состав начального этапа формирования украинского языка получил всестороннюю и хорошо систематизированную обработку. Словарь создан на базе сплошного текста почти тысячи письменных источников и охватывает свыше 260 тыс. словоупотреблений. Использование сплошного текста при составлении картотеки дало возможность выявить очень важные для будущих исследований по истории словарного состава украинского языка количественные характеристики лексических значений зафиксированных слов и их семантических оттенков.

¹ Составители — Д. Г. Гринчишин, У. Я. Едлинская, В. Л. Карпова, Л. М. Полюга, М. Л. Худаш, О. Т. Захаркив, Р. Й. Керста. Редакторы — Л. Л. Гумецкая, И. М. Керницкий.

В Словаре удачно решена проблема выделения основных (около 12 тыс.) единиц словника, в состав которых входят не только апеллятивы, но и все представленные в памятниках разряды ономастической лексики. Современный читатель получит более 2,5 тыс. локализованных топонимических наименований XIV—XV вв. с относительно большой территории, а также лингвистически комментированных антропонимов.

Собранная в Словаре лексика свидетельствует о том, что формирование отдельных восточнославянских языков (в том числе украинского) осуществлялось на почве широко развитой системы словарного состава древнерусского языка.

Богатая информативность рецензируемого Словаря базируется на удачном отражении тонкостей контекстуальной семантики, представленной письменными памятниками. Количественные характеристики контекстуального содержания слов, очевидно, послужили основанием для разделения по отдельным словарным статьям глаголов совершенного вида и их соответствий в несовершенном виде. Структура словарных статей при видовых вариантах одних и тех же глаголов иногда оказывается различной — в зависимости от неодинаковой реализации значений соответствующих глаголов в сохранившихся текстах. Для примера можно привести лексикографическую интерпретацию исходных единиц словника, выраженных рядами: а) **вступати ся*** **въступати ся**, **вступать ся**, **оуступати ся**; б) **вступити ся**, **уступити ся**; г) **вступовати ся**, **вступоватися**, **вступоватися**, **уступовати ся**. Первому ряду соответствуют три семантические рубрики: «1. (в що) (*насилно аходити*) вторгтися; 2. (в що) оспорювати право власності (на що); 3. (в що, без додатка) (*вмішуватися в чийсь справи*) втручатися; (у кого) займати, чіпати (кого)». Второй ряд имеет одну рубрику: «(в що) (*вмішатися в чій справи*) втручатися». В третьем ряду выделены две рубрики: «1. (в що) оспорювати право власності (на що); 2. (в що) (*вмішуватися в чій справи*) втручатися».

При установлении последовательности семантических рубрик и оттенков значений в словарной статье оказалась существенной частота употребления слов в текстах. См., например, статью гдѣ **коли**¹ гдѣ **коли**, **gdі kolі** спол. (8 примеров)... (*призідну підрядні умовно—часові речення*), якщо, **коли** (*у постпозиції — без співвідносного слова у головному реченні*) (4 примера)... (*у препозиції — з співвідносним словом у головному реченні*) (3 примера)... (*без співвідносного слова у головному реченні*) (1 пример)... Ср. также статьи **глетовати**, **при**, **пр**, **пры** (предлог) и др.

* Здесь и далее по техническим причинам вместо «юса малого» набрано «я».

Положительным моментом в структуре Словаря является приведение вариантных форм при заголовочном слове. Сосредоточение вариантов в одной словарной статье дает квалифицированно подготовленный материал для исследований в области исторической фонетики, фонологии, грамматики и лексикологии. Формальные признаки вариантов в Словаре подвергаются своеобразной специально направленной лексикографической обработке: они всегда привязываются к слову как целостной единице, в которой отдельные диалектные процессы существуют только в качестве элементов определенных совокупностей. Вариантность суффиксов и префиксов при тождественности остальной части слова нередко является свидетельством взаимодействия разновременных структурных изменений².

Благодаря полной паспортизации всех словоупотреблений указанные ряды вариантов получают временно-пространственное определение, особенно ценное для исследований по исторической диалектологии. Этому способствует также проведенная составителями Словаря идентификация исторических топонимов с современными данными. Большинство словарных статей представляет собой вполне подготовленные для картографирования лингвогеографические факты. Полезными для будущих лексикологических работ могут оказаться ряды словообразовательных полных и частичных синонимов.

Словарная статья сочетает в себе несколько приемов лексикографического описания слов. Наряду с другими характеристиками слова важное значение имеют указания на аналогичные лексические единицы в других соседних с восточнославянскими языках. «Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование... всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках»³. Этимологические справки в начале словарных статей представляют сведения о нескольких типах контактов, имевших место в истории восточнославянских языков до начала XVI в.: много случаев свидетельствует о сравнительно близких отношениях с западно- и южнославянскими (в частности, с болгарским) языками; элементы романо-германских лексических эквивалентов, сочетающихся в Словаре с угро-финн-

² Ж. Ж. В а р б о т. Вариантность суффиксальной структуры в однокоренных славянских именах и реконструкция праславянского лексического фонда. «Вопросы языковедения», 1976, № 6, с. 33.

³ В. В. В и н о г р а д о в. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. «Вопросы языковедения», 1968, № 1, с. 19.

скими, балтийскими и тюркскими, указывают на связи с генетически отдаленными или неродственными языками, находившимися в близких контактах с восточнославянскими. Определенную научную ценность имеют относительно часто приводимые эквиваленты из древнегреческого и латинского языков. Подобные этимологические экскурсы содержат важный материал для изучения путей проникновения отдельных слов и целых лексических групп в украинский язык, а также их истории в последующие периоды.

Раскрытие лексического значения слова осуществляется при помощи некоторых приемов толкования (они приводятся преимущественно в круглых скобках и напечатаны курсивом), а в возможных случаях путем перевода на современный украинский литературный язык. Толковая часть и перевод, как правило, находятся в отношении взаимодополнения или, реже, взаимоуточнения: если толковая часть указывает на общие признаки лексического значения слова в целом и его семантических рубрик, то переводная соотносится с его более узкими особенностями, и наоборот, если переводная часть используется в качестве определителя общих характеристик, то толковая указывает на частные признаки. В некоторых случаях применяются или исключительно толкования (тогда они подаются без скобок и напечатаны курсивом) или только перевод. Однако условия дифференциации указанных приемов в лексикографическом описании слов не всегда ясны. Почему, например, ***Драгыи** имеет только перевод «дорогой, милый, любий», а ***Питомыи** описывается при помощи толкования в скобках и перевода — «(який становить власність) питомий, власний, приналежний кому?». Почему в раскрытии лексического значения слова **Питарь**, **питарь** сочетаются толкования в скобках и без скобок: «(придворний чин) управляющий двором молдавского господаря та придворним штатом», а слова **Рѣдць** — только толкования без скобок: «1. член ради, дорадчого органу верховного правителя; 2. член ради, органу миського самоврядування?»

Составители Словаря с большим вниманием отнеслись к грамматическим маркам, определяющим основные морфологические и синтаксические свойства слов. Интересны в данном случае сопоставления особенностей глагольного управления, засвидетельствованных письменными памятниками и свойственных современному украинскому литературному языку: ***Исповѣдати** — «(що) сповістити, сказати (про що)» или **Лпшити ся** — «(чого). 1. позбутися (чого), втратити (що)... 2. відмовитися (від чого)». В подобного рода сведениях проявляется один из способов развития лексической семантики.

Разбивка лексических значений на семантические рубрики зависит от многих формально выраженных в тексте факторов. Заметное место в Словаре отводится способам управления глаголов и именных частей речи, а также типичным сочетаниям описываемого слова (см. **Весь, вєсь, вес; рука; слоухати** и др.). Для этого применяются определенные замечания в скобках.

Особенного внимания заслуживают фразеологизмы, помещаемые после раскрытия лексического значения. В этих частях словарных статей собрано множество интересных фактов языковой эволюции, нередко зависящих от экстралингвистических условий; много словосочетаний, приведенных в Словаре, отражают социальную специфику существовавших тогда общественных отношений. Значительное количество фразеологизмов построено на специфическом контекстуальном употреблении слов: *раду дати* (помочь), *рады оужити* (принять участие в совещании), *речь оуздати* (поручить ведение дела), *поступити на слово* (нарушить чье-нибудь завещание), *к роуць поступити* (передать в чью-нибудь собственность). Фразеологический материал украинских письменных памятников XIV—XV вв. получил такую многостороннюю обработку впервые.

Историкам украинского языка немалую пользу принесет предпоследняя часть словарных статей, озаглавленная «формы». В этой части суммированы данные о формально выраженных признаках морфологических характеристик основного слова. Тексты памятников обнаруживают определенную корреляцию между отдельными лексическими единицами, частями речи, типами парадигм, падежными формами и другими грамматическими категориями. Больше половины словника состоит из существительных, а среди глаголов, например, достаточно четко выделяются некоторые тематические группы по признаку полноты представления парадигмы спряжения: у глаголов типа **давати**, **имати** зафиксированы почти все формы спряжения, а **поплатити**, **пополнити**, **тягати ся** — только формы инфинитива и частично прошедшего времени.

Заслуживает внимания частотность отдельных форм в реализованной полностью или большей частью парадигме. Известно, что чем частотнее слово или какая-нибудь словоформа в тексте, тем шире их полисемия в языке. Интересно, что одни существительные чаще употребляются в именительном, родительном и дательном (например, **сын**), а другие — в творительном (например, **пожиток**) или предложном (например, **живот**) падежах; одни глаголы реализованы преимущественно инфинитивом и формой 3-го лица наст. времени (например, у гл. **одержати**), другие — одной или несколькими формами прошедшего времени (например,

в гл. *купити*) и др. Изучение наличия — отсутствия и частоты форм словоизменения в текстах может способствовать выявлению новых нюансов в диахронии морфологических процессов украинского языка, поскольку «далеко не все ф у и к ц и и элементов и форм грамматического строя для нас с точной наглядностью очевидны в древнерусском языке, как, впрочем, в значительной части и в современном»⁴. Следует только сожалеть, что абсолютные частоты в некоторых местах почему-то опущены (см. *игумен, книга* и др.).

⁴ В. В. Виноградов. Там же, с. 9.

«Словарь староукраинского языка XIV—XV вв.» станет не только незаменимым справочником по самым разнообразным вопросам истории собственно украинского языка. Он содержит ценные сведения и по многим вопросам истории общественно-экономических, особенно правовых и юридических, отношений, исторической географии, этнографии и культуры восточных славян. Построение Словаря и уровень научной обработки материалов в нем соответствуют лучшим достижениям современной отечественной и зарубежной лексикографии.

А. С. Мельничук, М. М. Пещак

НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В Софии в 1978 г. вышел из печати 1-й номер нового лингвистического журнала «Съпоставително езиковзнание» («Сопоставительное языкознание»). Периодичность журнала — шесть номеров в год по шесть печатных листов каждый. Журнал издается Софийским университетом им. Климента Охридского. Ответственный редактор журнала — известный болгарский славист, заведующий кафедрой славянского языкознания Софийского университета профессор Светомир Иванов.

Журнал «Съпоставително езиковзнание» представляет собой продолжение издания «Бюлетин за съпоставително изследоване на българския език с други езици» («Бюлетень по сопоставительному исследованию болгарского языка с другими языками») — органа Группы по сопоставительному изучению языков в Софийском университете. Созданная несколько лет назад, эта группа объединила специалистов по разным языкам двух факультетов университета — славянской филологии и западной филологии. Свою основную задачу Группа видит в развертывании сопоставительных исследований на базе болгарского языка и в содействии на этой основе подготовке в Болгарии квалифицированных специалистов по болгарскому и другим языкам. Со времени своего создания Группа приняла участие в организации и проведении двух болгаро-польских (София, 1976 и Варшава, 1977), болгарско-белорусской (Минск, 1976), болгаро-чешской (София, 1976) и других международных конференций по вопросам сопоставительного изучения болгарского и иных языков. Деятельность Группы по организации такого рода конференций совместно с зарубежными славистическими кафедрами и институтами

будет продолжена и расширена. Предполагается участие Группы в написании совместных трудов. Первостепенная задача Группы в ближайшее время — организация и проведение национальной конференции по вопросам сопоставления болгарского языка с другими языками.

Большая часть материалов научных конференций, организованных Группой или проведенных с ее участием, была опубликована в разных выпусках издававшегося ею «Бюлетина». Были опубликованы материалы конференции (доклады и их обсуждение) на тему «Глагол в болгарском и польском языках» (1976, № 2, 3), доклады, прочитанные на болгарско-белорусской конференции (1976, № 5). Отдельные выпуски этого издания были посвящены сопоставительному исследованию болгарского языка с французским (1977, № 1—2), немецким (1977, № 3), английским (1977, № 4—5) и русским (1977, № 6) языками. В разных выпусках «Бюлетина» опубликованы также статьи по вопросам сопоставления болгарского языка с финским, испанским и другими языками. Кроме статей конкретно-сопоставительного содержания, в «Бюлетине» напечатан и ряд статей общетеоретического характера. Важную часть материалов в нем составляет библиография новейших трудов по сопоставительному изучению болгарского языка с другими языками мира, изданных в Болгарии и за ее пределами (см., в частности, 1976, № 4; 1977, № 6).

Журнал «Съпоставително езиковзнание» будет продолжать без существенных изменений ту линию, которой следовал его предшественник — «Бюлетин за съпоставително изследоване на българския език с други езици». Редакция журнала намерена строго придерживаться при-

нятого принципа подбора статей, посвященных сопоставительному исследованию болгарского языка с другими языками. В журнале будут освещаться также вопросы перевода и обучения иностранным языкам (см. «Съпоставително езикознание», 1978, № 1, с. 6). Судя по первому номеру, в журнале значительное место будет отводиться проблемам общетеоретического языкознания. Большая тематическая широта предполагается в отделах критики и научной хроники.

Об общем направлении нового журнала можно в известной мере судить уже по содержанию его первого номера. В его основном разделе опубликованы статьи: «Опыт классификации частных дисциплин в сравнительном языкознании» (П. Петков), «Сопоставительное языкознание, частная грамматика и теория языка» (Р. Штернеманн), «Сопоставительное языкознание, теория перевода и обучение иностранному языку» (А. Данчев), «Теория перевода как наука» (И. Васева) и «Конструкция с факультативным предикативным определением в чешском литературном языке в сопоставлении с болгарским» (М. Деянова). В разделе «Рецензии и обзоры» помещены шесть рецензий на новые труды, посвященные проблемам общего, славянского и балканского языкознания (в том числе и рецензия О. Младеновой на подготовленный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР сборник «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов», М., 1975). Раздел «Хроника» составляют три заметки о конференциях по вопросам перевода, сопоставительного языкознания и создания учебника по иностранному языку, а также список статей и других материалов опубликованных в 1976—1977 гг. в «Бюлетине».

Большая научная и научно-организационная деятельность Группы по сопоставительному изучению языков, созданной в Софийском университете, выпуск ею в свет специального «Бюлетина», организация нового журнала «Съпоставително езикознание» — все это свидетельствует о серьезном интересе болгарских языковедов к проблемам сопоставительного языкознания — одной из актуальных областей современной лингвистической науки. Этот интерес связан, с одной стороны, с расширением и углублением сопоставительного изучения языков в разных странах в научно-теоретическом, прикладном и методическом аспектах. С другой стороны, повышенное внимание болгарских ученых к сопоставительному языкознанию объясняется запросами практики перевода и преподавания болгарского языка как иностранного (болгарский язык изучается ныне в вузах около 50 стран) и иностранных языков в Болгарии.

Редколлегия журнала «Съпоставително езикознание» одну из важных его задач видит в объединении усилий болгарских лингвистов в решении общетеоретических проблем и практических задач сопоставительного изучения болгарского языка с другими языками. Она рассчитывает также на сотрудничество зарубежных болгаристов. Редколлегия надеется, что «общими усилиями будет создан хороший современный журнал» (с. 6).

Со своей стороны, мы желаем редколлегии в полной мере выполнить поставленные задачи, чтобы она радовала читателей своего журнала многими интересными и важными для развития общего, сопоставительного и славянского языкознания статьями, содержательными обзорами и рецензиями.

Г. В.

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ КООРДИНАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ТУРЦИИ И ТУРЕЦКО-СЛАВЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

29 ноября 1978 г. в Институте востоковедения АН СССР было проведено совещание, посвященное вопросам координации и расширения сотрудничества академических и других учреждений СССР в области изучения истории Турции, турецкой литературы и языка. В совещании приняли участие представители научно-исследовательских институтов АН СССР (Институт востоковедения, Институт истории СССР, Институт славяноведения и балканистики, ИНИОН), академий наук союзных республик и др.

Открывая совещание, проф. Ю. В. Ганковский отметил настоятельную необходимость обсуждения вопросов сотрудничества и координации работ в данной области, желательность проведения научных сессий по наиболее важным и нерешенным проблемам истории Турции.

В своем докладе канд. ист. наук В. И. Данилов определил шесть основных направлений работы в этой области, указав на важность исследований истории советско-турецких отношений, русско-турецких отношений и других проблем внешней политики Турции (в частности, взаимоотношений Турецкой республики с социалистическими странами Восточной и Юго-Восточной Европы). Вместе с тем в докладе была подчеркнута необходимость изучения основных этапов истории Османской империи в средние века и новое время, истории национально-освободительного движения, османских источников по истории народов СССР, роли ислама на разных этапах истории Турции, различных проблем общественно-политической мысли, зарубежной туркологии и пр. В обсуждении доклада приняли участие И. Б. Греков, А. Д. Желтяков, Х. М. Ибрагимбеги, Е. П. Наумов, Ю. А. Петросян, И. М. Смилянская и другие участники совещания. В ходе обсуждения выступавшие обращали внимание на принципиальное значение всестороннего и тщательного исследования широкого круга проблем истории Османской империи, османского владычества над нетурецкими народами и посвященной этой сложной тематике весьма обильной зарубежной литературы.

В частности, было высказано пожелание о создании коллективного труда по экономической истории Османской империи в новое время (при участии специалистов из научных учреждений Москвы, Армянской и Азербайджанской ССР),

который включал бы и анализ экономики империи в средние века. Вместе с тем, поскольку в выступлениях отмечалась недостаточная изученность механизма османского господства над нетурецкими народами (в балканских, закавказских и других областях империи), было выдвинуто предложение подготовить серию работ о системе так называемых «миллетов» османской эпохи, привлекаемая специалистов по истории балканских стран (южнославянских народов, Греции, Армении и других земель. В этой же связи подчеркивалась важность исследований в области исторической этнографии Турции, а также анализа роли мусульманского духовенства и ислама в средневековой Турции.

В выступлениях указывалось на необходимость подготовки кадров османоведов, туркологов, занимающихся историей средневековой Турции и средневековыми османскими историческими памятниками, разработки специальных исторических дисциплин (османская палеография и т. д.). Ряд выступавших подчеркнули особое значение издания документов по истории Турции, сбора и изучения архивных материалов (в том числе не только из советских хранилищ, но и турецких архивов, сохранивших ценнейшие источники по истории Османской империи, в особенности материалы начиная с XV в.). Было высказано пожелание о подготовке сборника документов по новой истории Турции, подчеркнута необходимость всестороннего исследования русско-турецких отношений, широкого сотрудничества и координации усилий в этом плане, в связи с замалчиванием или фальсификацией в зарубежной буржуазной историографии роли русско-турецких войн в исторических судьбах южнославянских и других балканских народов. Говорилось о важности разоблачения фальшивых и исторически несостоятельных теорий буржуазной историографии о «благотельности» или «позитивных сторонах» османского завоевания славянских и балканских земель, концепции так называемого «османского мира».

Участники совещания высказали пожелания о проведении ряда научных конференций, о подготовке многотомной «Истории Турции», улучшении информации о ведущихся исследованиях и литературе по данной проблематике.

Е. Н.

CONTENTS

<p><i>Moroz W. K.</i> To the 35th Anniversary of People's Poland. <i>Lojko L. V.</i> On the Labour Emulation in Poland. <i>Ignatieva T. V.</i> The Evolution of Petty Bourgeois Ideas on Social-Economic Development of Bulgaria. <i>Reshetnikov L. P.</i> Participation of the Bulgarian Political Refugees in the Development of the Culture in USSR in the 20th and 30th. <i>Prokofieva D. S.</i> From the History of the Translation of Poetry in Poland. <i>Darczewska I.</i> Old Slavonic ABC-Books and Primers . . .</p>	3
---	---

On the History of Slavonic Studies

<p><i>Zeil W.</i> Slavonic Studies in Germany (from the end of the XVII - th century to 1945) . . . . .</p>	67
---	----

COMMUNICATIONS

<p><i>Pavlovskii S. V.</i> On the Rakovski's Attempt to Found a Political Newspaper in Odessa (1858—1859). <i>Ishchenko D. S.</i> The Theodor Studit's «Moralizings» in the Manuscript of Rilski Iemetry in Bulgaria . . . . .</p>	86
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Valev L. B.</i> Йордан Венков. Революционната ситуация в България през Втората световна война. <i>Matveev G. V.</i> И. В. Михутина. Советско-польские отношения. 1931—1935. <i>Cherniavski G. I.</i> A Book about Peasant Movement in Bulgaria in the 1880s — at the Beginning of the XX-th Century. <i>Mylnikov A. S.</i> J. Novotný. Slovanská lípa 1848—1849. <i>Semenova L. E.</i> A Janissary's Diary. <i>Lipatov A. V.</i> Z. Stefanowska. Próba zdrowego rozumu. <i>Studia o Mickiewiczu.</i> <i>I. K. K. Górski.</i> Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich. <i>Kaliganov I. D.</i> Богдановић. Житије Георгија Кратовца. <i>Begunov Ju. K.</i> John Exarch's «Shestodnev». To the Problems of Study of the Bulgarian Literary Monument of the Xth Century. <i>Pucko V. G.</i> Српска графика XVIII в. <i>Smirnov L. N.</i> R. Krajčovič. Svedectvo dejín o slovenčine. <i>Bernshtein S. B.</i> «Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—XV. <i>Melnichuk A.S., Peshchak M. M.</i> «Словник староукраїнської мови XIV—XV столеття», т. I. <i>Venediktov G. V.</i> The New Bulgarian Linguistic Journal . . . . .</p>	99
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Je. N.</i> A. Conference to the coordination of the Studies on the History of Turki and Turkish-Slavic Relations . . . . .</p>	127
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синуцына*

Сдано в набор 11.04.79	Подписано к печати 11.06.79	Т-11438	Формат бумаги 70×108 ^{1/8}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Уч.-изд. л. 12,9	Бум. л. 4,0
			Тираж 1210 экз. Зак. 1744

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва. Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891